

Литературно-краеведческий
альманах 2013/№6

Ал

Департамент культуры Администрации города Тюмени
Муниципальное автономное учреждение культуры
**Централизованная городская
библиотечная система**

Литературно-краеведческий альманах

2013/№6

Содержание

Сибирские страницы военной истории

200-летие Отечественной войны
1812 года

4 Историческая справка

5 Гроза 1812 года, и ее отзвуки в Сибири
Александр Ярков

8 Сибирские полки в Бородинском
сражении

Евгений Бушаров

19 «Мы были дети 1812 года...»
Павел Белоглазов

26 Веками помнит вся Россия
Галина Лепова

39 Розыск и содержание
«неблагонадежных» иностранцев
в Тобольской губернии в период
Отечественной войны 1812 года
Игорь Балуюнов

42 Гроза двенадцатого года
Наталья Паромова

47 Наследники богатырей
Наталья Терех

55 Будем помнить и гордиться
Юрий Скочин
Екатерина Ульянова
Александр Сомов

70-летие Сталинградской битвы

63 229-я стрелковая дивизия:
Помним. Чтим. Гордимся
Пресс-конференция в редакции газеты
«Тюменская область сегодня»

76 Дивизии, пропавшие без вести
Александр Петрушин

90 Возвращенные имена
Рафаэль Гольдберг

95 Чижик
Эмилия Тельтевская

99 За Волгой для нас земли нет!
Людмила Шорохова

Областной писательской
организации – 50 лет

110 Тюменскому региональному
отделению Союза писателей России
Владимир Якушев
Губернатор Тюменской области

111 В ворота памяти стучусь
Константин Лагунов

126 Тюменской строкой
(Продолжение)
Юрий Мешков

128 Душа не обманет
Николай Денисов

130 Правее многих
Евгений Зашихин

137 Мы помним былые года
Анатолий Молоканов

140 НЛО – Литературное
объединение «Надым»
Людмила Ефремова

158 Малая частица большой поэзии
Антонина Маркова

160 Я верю в музыку стиха.
О поэзии А. Тарханова
Наталья Рогачева

167 Итоги литературного конкурса,
посвященного 50-летию областной
писательской организации.

Чтобы писать, надо читать
Ирина Пермьякова

170 Конкурсные произведения
победителей

Таланты Ершова многогранны...
Геннадий Крамор

Теремок от А до Я
(Для самых маленьких)
Елизавета Клычлиева
Юлия Клычлиева

Сказки чердачного хлама
Михаил Булатов

Стихи
Андрей Шевцов

194 Мысли читателя
Людмила Кайгородова

222 О творчестве и о себе
Писатели Тюменской области

Сибирские страницы
военной истории

200-летие
Отечественной
войны 1812 года

Историческая справка

Отечественная война 1812 года война между Россией и наполеоновской Францией на территории России.

Причинами войны стали отказ России активно поддерживать континентальную блокаду, в которой Наполеон видел главное оружие против Великобритании, а также политика Наполеона в отношении европейских государств.

12 июня 1812 года Наполеон форсировал Неман и вторгся в пределы России.

I этап: июнь - сентябрь 1812 г. – русская армия с боями отступала от границ России до Москвы. 26 августа (7 сентября) у деревни Бородино, в 125 км западнее Москвы, произошло крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 г. Численность наполеоновской армии – 135 тысяч, русской армии – 130 тысяч.

II этап: октябрь - декабрь 1812г. - наполеоновская армия сначала маневрировала, стремясь уйти на зимние квартиры в не разоренные войной местности, а затем отступала до границ России, преследуемая русской армией, голодом и морозами. 23 декабря 1812 года Александр I издал Манифест об окончании Отечественной войны 1812 года, а вот кампания Наполеоновских войн была только в самом разгаре: бои продолжались до 1814 г.

Отечественная война 1812 года закончилась почти полным уничтожением наполеоновской армии, освобождением территории России и переносом военных действий на земли Варшавского герцогства и Германии.

Война 1812 года вызвала небывалый всплеск национального самосознания, победой в этой войне русский народ подтвердил своё мужество и героизм, показал пример самопожертвования во благо Родины.

Александр Ярков

Доктор исторических наук,
профессор Тюменского госуниверситета

Гроза 1812 года, и ее отзвуки в Сибири

С 2012-м годом российской истории связан один из важных моментов нашей истории – Отечественная война 1812 года. Впрочем, дело здесь не только во взаимоотношениях двух великих держав – России и Франции и их правителей, а в ее общемировом значении: двести лет тому назад Европа была охвачена масштабной войной, когда Бонапарт завоевывал одну страну за другой. Да так, что «Великая Англия» считала «Великую блокаду» для себя реальной опасностью. Россия догадывалась, что войны не избежать, и уже в 1811 году из Сибири были выведены все полевые полки. Остались лишь инвалидские, городовые и шесть гарнизонных артиллерийских рот, заводские и гарнизонные батальоны, из них два тобольских.

Существует убеждение, что Гитлер повторил ошибку Наполеона, войдя в нашу страну 22 июня. Это ошибочное мнение: дело случилось 12 июня – по юлианскому, а 24 – по григорианскому календарю. Перейдя Неман, Наполеон развязал прямую агрессию, на что Александр I ответил Манифестом. В ответ на него по стране начался патриотический подъем. Достаточно сказать, что быстро было собрано около 40 миллионов рублей. И в глубине России – в Сибири выносились общественные приговоры о пожертвованиях «для отражения врагов отечества». Только по Тобольской губернии было собрано 168 тысяч 911 рублей (и 33 копейки с четвертью), а по 23 волостям Ишимского уезда – почти 25 тысяч рублей – огромная цифра для региона, где не было промышленных мануфактур и крупных помещичьих владений.

Любопытно, что среди крупных жертвователей недавно выявлено имя комиссара Черемшанской волости Павла Алексеевича Ершова – отца (родившегося спустя три года) поэта-сказочника и педагога. В тот момент комиссар отписал: «Да, ежегодно, пока война продолжается половинное жалование – 150 рублей». Указом Александра I за это отец поэта был отмечен бронзовой медалью. Жертвователями выступили и другие его земляки – титулярные советники Илья Попов, Варнава Лосев и Алексей Льнов, коллежский асессор Александр Фишер, а тобольские купцы-мусульмане, прибывшие на Макарьевскую ярмарку, внесли большие средства в поддержку

Декабрист И. Якушкин

Декабрист М. Муравьев-Апостол

нижегородского ополчения, отправившегося в Действующую армию. Патриотизм и верность продемонстрировали немногие наши земляки, оказавшиеся в ее составе, поскольку сибирские губернии не входили в число 16 губерний, откуда собирались ратники в народное ополчение. Поэтому 449 сибиряков отправлены на запад, чтобы встать под боевые знамена. Только из Тюмени ушли два чиновника, 11 мещан, 42 крестьянина, пополнив состав 24-й и 7-й пехотных дивизий. Были они (немного) и в составе 38-го Тобольского полка, который к Сибири имел отношение только по названию.

Впрочем, были и уроженцы Сибири, кто отправлялся на войну, уже служа в европейской части страны. Прихотливая судьба композитора – сына бывшего тобольского губернатора – Александра Александровича Алябьева (ранен, награжден орденами за боевые заслуги) и участника заграничных походов Гавриила Степановича Батенькова уже после триумфа победы привела еще раз на родину – уже как «путешественников поневоле», отбывавших здесь наказание. Сибиряками оказались и декабристы, участники Отечественной войны и заграничных походов: Фердинанд (Христиан-Фердинанд) Богданович (Бернгардович) Вольф, Муравьевы (Никита Михайлович и Александр Николаевич), их родственник – Матвей Иванович Муравьев-Апостол. Из девяти декабристов, отбывавших ссылку в Ялutorовске в 1829–1856 годах, пятеро – участники Отечественной войны. Доблестно сражались прапорщики Семеновского полка – Муравьев-Апостол и Якушкин – главные фигуры местной колонии ссыльных. Дома, в которых они проживали в ссылке, стали основой первого в стране музея Памяти декабристов.

Анализируя своеобразие быта и нравов сибирского населения, обладавшие литературным дарованием декабристы отражали это в произведениях, написанных в ссылке и по возвращению в европейскую часть России. Это также является своеобразным результатом соединения традиционной культуры, основанной на переплетении русской старожильческой, тюркско-татарской, угорской, самодийской культур и европейского образования; влиянием идей Просвещения и сосланных сюда декабристов; примером «золотого века» русской литературы и просвещенного провинциализма. Его воплотил «тобольский тип культуры», который характерен и для других городов Западной Сибири.

Напротив, верными слугами царю и самодержавию остались другие участники событий 1812-1814 годов – западно-сибирские губернаторы Петр Михайлович Гасфорд, Иван Михайлович Вельяминов (его портрет даже помещен в Военной галерее Зимнего дворца), Петр Дмитриевич Горчаков, надзиравшие за бывшими сослуживцами и боевыми соратниками. Их политические взгляды сильно поляризовались за прошедшие после Отечественной войны годы, хотя, наблюдая в Европе за произошедшими после Великой Французской революции событиями и общественными явлениями, все они не могли не видеть, насколько далеко ушло тамошнее общество по пути демократизации.

Между тем с войны 1812 года и заграничного похода уроженцы Tobольской губернии возвращались с первыми Георгиевскими крестами. Среди 12 кавалеров (первым стал уроженец деревни Каменка Афанасий Шибаетов) был и тюменец – Яков Иванович Гагарин.

В Сибири оказались и другие участники войны 1812 года – бывшие наполеоновские солдаты и офицеры из поляков, которых из-за недостатка в местных кадрах даже разрешено было зачислять в казаки. Александру Алябьеву даже удалось создать «казачий оркестр», костяком которого как раз и выступили те самые поляки - наполеоновцы.

События Отечественной войны нашли продолжение в XX веке, поскольку накануне столетнего юбилея, в 1912 году, по стране был разослан циркуляр: отыскать живых ветеранов. В Tobольской губернии нашли 117-летнего Павла Яковлевича Толстогузова, юношей принимавшего участие в Бородинской битве. Он уже плохо видел и слышал, но при этом, по свидетельству современников, был «достаточно бодрым». Его рядом с 80-летней женой сфотографировал специально присланный фотограф. Его не смогли представить Николаю II, который в дни празднования юбилея встретился с немногими живыми участниками Отечественной войны 1812 года, не зная, что через два года, в 1914 году, начнется еще одна – Отечественная (так вначале именовалась в России), приведшая к катастрофическим для страны последствиям.

Евгений Бушаров

Ведущий специалист

музейного комплекса имени И.Я.Словцова

Сибирские полки в Бородинском сражении

2012 год в Российской истории был знаменателен как юбилейный год Победы российского народа в Отечественной войне 1812г. Прошло 200 лет со дня этого события. По всей стране были проведены юбилейные мероприятия. Прошли они и в г.Тюмени, в целом по области. Музейные работники Тюмени также откликнулись на эту историческую дату двумя выставками: в музее ИЗО – «Гроза 1812г.», в «Музее-усадьбе Колокольниковых» – «Недаром помнит вся Россия про день Бородина». Кроме того, было проведено два крупных городских мероприятия: конкурсы диорам по Бородинскому сражению

Фрагмент экспозиции «Недаром помнит вся Россия про день Бородина»

и тцецов по тематике 1812 года. В них приняли участие школьники общеобразовательных учреждений Тюмени. Во время школьных каникул среди детей младшего и среднего школьного возраста была популярна игровая программа «Честь мундира» с подвижными играми во дворе музея и раскраской солдат Тобольского и егерского полков. В первые месяцы учебного года сотрудники музея выезжали в школы города с мультимедийной программой «Поле русской славы». Основным в этой череде мероприятий, конечно же, было открытие музейных экспозиций, в которых центральное место занимало сражение на Бородинском поле. В «Музее-усадьбе Колокольниковых», в частности, были показаны образцы кремневых ружей, пистолетов, сабли, пушечные ядра, картечь, обмундирование солдата Тобольского пехотного полка. Посетители знакомились со списками полков и тюменцев - участников Отечественной войны и заграничных походов. Привлекала внимание большая коллекция военно-исторической миниатюры русской и наполеоновской армий тюменского специалиста по этому виду искусства, знатока вооружения и униформы данного периода – С.Шумилова.

Фрагмент экспозиции «Недаром помнит вся Россия про день Бородина»

Фрагмент экспозиции «Недаром помнит вся Россия про день Бородина»

Во дворе музея во время игры «Честь мундира»

Подолгу приковывала внимание любителей истории семейная реликвия Лысовых – наградной серебряный рубль 1812г. Как известно, всех участников Бородинского сражения, по распоряжению императора Александра I, наградили пятью такими рублями, и многие герои использовали их в качестве амулетов или наград, нося на шее или на груди, на верхней одежде. Среди книг военного времени или рассказывающих о подвигах Русской армии особое место занимала познавательная и художественная литература участника Бородинского сражения И.Якушкина (солдатский Георгиевский крест), проживавшего долгие годы в Ялуторовске.

Среди декабристов Тобольской губернии было 13 участников войны, а в генеральном сражении принимали участие также М.Муравьев-Апостол (солдатский Георгиевский крест), А.Бригген (золотая шпага), И.Повало-Швейковский, М.Фонвизин (орден Св.Анны II класса), С.Краснокутский.

Учитывая значимость Бородинского сражения для всей Отечественной войны 1812г., экскурсоводы в своих рассказах уделяли внимание, прежде всего, участию сибирских полков в этом сражении. В данной статье – анализ информации из разного рода публикаций, касающихся эпохального события Отечественной войны 1812 года.

В конце XVIII - начале XIXвв. Россия воевала с рядом государств Западной Европы, Персией, Турцией, горскими народами Кавказа. Одним из самых серьезных противников была армия наполеоновской Франции, мощь которой из года в год усиливалась. В первые годы XIX века было принято решение о выводе из Сибири, в том числе из Тобольской губернии, регулярных полков в европейскую часть России, ближе к предполагаемой арене боев. Полки были распределены по различным дивизиям, и многие из них прошли к началу Отечественной войны 1812г. хорошую боевую подготовку на различных театрах военных действий.

Из Сибири в период с 1805 по 1811гг. были выведены Томский, Селенгинский, Ширванский пехотные полки. Последний был

Декабрист А.Бригген

сформирован еще при Петре I в исторической области Азербайджана – Ширване, в последующем полк, в основном, состоял из сибиряков. Вышли также легкие егерские: 18, 19, 23 полки. Покинули Сибирь Иркутский и Сибирский драгунский полки – тяжелая кавалерия. Роты Селенгинского пехотного полка явились основой при формировании Якутского и Охотского пехотных полков.

До 1806г. в Тобольске квартировал 23 егерский пол, в 1810 в Ишимском округе размещался Селенгинский пехотный полк, а 18 егерский – в Курганском округе.

В литературе встречается информация о том, что в Наполеоновских войнах участвовали Енисейский и Красноярский пехотные полки, но эти полки появились только в 1863г. и являлись преемниками тех традиций, которые существовали в полках, на базе которых они были сформированы и никакого отношения к Сибири не имели.

Защита границ империи была возложена в Западной Сибири на Линейное сибирское казачье войско, в Восточной – на Пограничное казачье войско.

Сибирскими по географическим названиям были Сибирский гренадерский полк, а также Тобольский и Камчатский пехотные полки. В литературе утвердилось мнение, что в Тобольском полку сибиряки составляли менее пятой части нижних чинов.

Роты сибиряков входили в Минский, Брестский, Кременчугский, 32-й егерский полки, а эскадроны были в Арзамасском, Серпуховском и Оренбургском драгунских полках. В то же время в сибирские полки, когда они покинули места дислокаций и оказались в европейской России, стали поступать в качестве пополнения рекруты из других губерний. Так, 18 егерский полк был доукомплектован в 1811г. солдатами из Воронежской, Курской и Харьковской губерний.

Сибиряки также воевали во многих полках, не имеющих никакого отношения к Сибири. Из примерно 600 тысяч солдат русской армии в 1813г. сибиряки составляли, также по утвердившемуся мнению, 27 тысяч человек, но их значение и роль в сражениях были велики. В пехотном полку было в среднем 1600-1800 солдат и офицеров, в кавалерийском – от 600-800.

В генеральном Бородинском сражении приняли участие: Томский, Селенгинский, Ширванский, 18 и 19 егерские полки и вся тяжелая сибирская кавалерия в составе Иркутского и Сибирского драгунских полков, а также Тобольский пехотный и Сибирский гренадерский полки. Несколько сотен сибиряков сражались на Бородинском поле в Минском, Брестском, Кременчугском пехотном и Оренбургском драгунском полках.

Остальные полки в составе Дунайской армии адмирала Чичагова и 3-й Резервной Обсервационной армии генерала Торماسова воевали на заключительном этапе Отечественной войны и также как и «бородинцы» приняли участие в заграничном походе 1813-1814гг.

О роли девяти сибирских полков на Бородинском поле можно судить по архивным материалам, многочисленным исследованиям краеведов, историков, воспоминаниям участников войн.

Еще в начальный период Отечественной войны 1812г. полки отражали неприятеля в ряде крупных и малых сражений, сразились с ним и под Можайском на легендарном поле. Так, солдаты и офицеры Селенгинского и 18 егерского полков, которым были знакомы названия многих населенных пунктов Тобольской губернии, реки Иртыш, Ишим, Тобол, сражались с неприятелем на Багратионовых флешах и батарее Раевского.

Селенгинский был одним из 15 пехотных полков, которым за участие в войне 1812г. была пожалована награда «Гренадерский бой». Полк в составе 3-й пехотной дивизии генерала П.Коновницына (до августа 1812г. полк воевал в составе 23 пехотной дивизии) защищал флешу и потерял в бою 155 чел. убитыми и не менее – ранеными, а затем, отступив по приказу генерала за Семеновский ручей, уже до конца боя не покинул занятых рубежей.

Воевал на Бородинском поле в составе полка житель г.Тюмени Афанасий Черкашенин. За личную храбрость и умелое руководство вверенным подразделением был награжден орденом Св. Владимира. В 1823г. майор Черкашенин был командиром инвалидной команды. После Бородино полк принял участие во многих сражениях в Западной Европе и в сражении под Морманом во Франции, следуя в составе авангарда генерала П.Палена, потерял в ожесточенном бою 2/3 личного состава.

Восемнадцатый егерский полк в составе четырех егерских полков и батальоном Уфимского пехотного под командованием генералов П.Ермолова и А.Кутайсова атаковал неприятеля, захватившего батарею Раевского, а затем взял в плен оборонявшего редут генерала Шарля Бонами. Фельдфебель 1-й гренадерской роты этого полка Василий Золотов пленил генерала, за что был повышен в воинском звании. Происходил Василий из солдатских детей, к началу войны было ему 29 лет, за плечами - 10 лет службы. Об этом факте пленения со временем узнали во всей армии, и, вероятно, не только в русской. Стали появляться легенды: по одной из них Бонами закричал, что он король, и это спасло его от клинка фельдфебеля, по другой – на крик отреагировал офицер роты и спас генерала от неминуемой гибели. И, как водится, в подобных рассказах

красивое заключение: «...усач, взявший короля за шиворот, потащил к главнокомандующему. Князь Кутузов тут же ... наградил его знаком отличия военного ордена Святого Георгия». Участник войны Н.Н.Муравьев, брат декабриста Александра Николаевича, вспоминал о генерале Бонами: «... Он упал от ударов на колени и, закрыв себе глаза левой рукой, защищался палашем в правой руке. Бонами неминуемо лишился бы жизни, если бы адъютант не спас его. Его положили на носилки, и четверо московских ратников принесли его к главнокомандующему. Я его видел: лицо его было так изрублено и окровавлено, что нельзя было различить ни одной черты... Он лежал на спине без движения и едва мог произнести несколько слов». Двадцать два месяца Шарль Бонами находился в русском плену, живя в имении одного из помещиков.

На поле сражения полк потерял убитыми 147 человек, ранеными 117 и без вести пропало 35 нижних чинов. Десять офицеров полка за храбрость получили очередное воинское звание или ордена. За участие в этой войне и последующие бои на Западе 56 рядовых и унтер-офицеров были награждены Георгиевскими крестами. Были отмечены за храбрость и умелое руководство подчиненными и поляки, служившие в полку и получившие в Бородинском сражении ранения: А.Дворжевский-Богданович, И.Барановский. За участие в войне 1812г. был награжден и священник полка – отец Улиан Заморский: медалью «В память войны 1812г.» и бронзовым наперсным крестом на Владимировой ленте. На памятнике Бородинского поля, установленном в 1912г. в честь павших героев 23 пехотной дивизии, есть такая надпись: «124 пехотный воронежский полк своим доблестным предкам 18-го Егерского полка, геройски павшим на батарее Раевского 26 августа 1812г.». Вместе с егерями 18-го полка выбивал подразделения генерала Бонами с Курганной высоты и сибирский 19-й егерский полк, ранее отличившийся в бою на берегу реки Колочь и не позволивший неприятелю закрепиться на местности. Полк входил в состав 24 пехотной дивизии П.Лихачева, в дивизии также сражались сибирские Томский и Ширванский полки. Эту дивизию традиционно называют Сибирской, т.к. три из шести полков были сибирскими. За подвиги в войне 1812г. шеф полка полковник П.Вуич был произведен в генерал-майоры. Яркой личностью полка был священник полка Василий Васильковский, отличившийся в сражениях под гг.Витебском и Малоярославцем, когда шел впереди стрелков с крестом в руках, призывая сражаться без страха. Имел ранения в обоих сражениях. Был награжден орденом Св. Георгия IV класса - впервые в истории этого ордена и православного духовенства. Умер священник в 1814г. от ран. За участие в компаниях 1812г. и 1813-1814гг. нижние чины были награждены знаками «За отличие» на головные уборы. За бои на западных территориях полк также был отмечен серебряными трубами.

Томский и Ширванский полки также защищали позиции Курганной высоты после того как от 11 тысяч корпуса генерала Н.Раевского осталось не более 1500 человек: сначала выбивали с нее неприятеля, а затем ее защищали. Начальник 24 пехотной дивизии генерал-майор П.Лихачев был шефом Томского полка. Формировался полк на территории современной Новосибирской области, около года стоял в г.Омске, а в 1809г. прибыл в Волынскую губернию. Потери полка в Бородинском сражении составили 355 человек убитых и раненых. Шесть офицеров полка были награждены орденами, в том числе командир, подполковник И.Попов, орденом Св. Анны 2-й степени, а два офицера золотыми шпагами с надписью «За храбрость». Коллективной награды полк не имел, хотя весь 1812г. провел в боях, т.к. согласно неписаному правилу из-за оказавшегося в плену шефа полка П.Лихачева награда не полагалась. Ширванский полк до отправки в западные районы страны квартировал в населенных пунктах от г.Омска до г.Тары, отличился при обороне г.Смоленска, в результате которой был ранен шеф полка полковник Ф.Зварыкин. На Бородино полком командовал майор Н.Теплов, награжденный орденом Св. Анны 2-й ст., через год после полученного ранения майор умер в г.Перми. Полк был награжден Георгиевским знаменем за совокупность подвигов с 1812г. по 1859г. Три батальона полка получили Георгиевские знамена за отличие в боях на территории Франции в 1814г.

Из 65-и кавалерийских полков Русской армии в Отечественной войне 1812г. два были сибирскими: Иркутский и Сибирский драгунский полки. В первые месяцы войны с неприятелем полки понесли большие потери, т.к. постоянно участвовали в арьергардных боях: вместо 832 человек по штату в полках к началу сражения под Смоленском оставалось 558 пеших и 500 всадников. Во время обороны Смоленска полки были разбиты, погиб и командир 3-й кавдивизии, шеф Иркутского драгунского полка генерал-майор А.Скалон. Он коренной сибиряк из Бийска. Во время Бородинского сражения оба полка входили во 2-ю бригаду 3-го резервного кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора К.Крейца. До 12 часов дня полки были в резерве, вступили в бой, когда была захвачена Курганная высота. Рядом с ними сражался Оренбургский драгунский полк, в котором были и сибиряки. Они отбили атаку неприятельской кавалерии. После вторичного захвата батареи Раевского была предпринята попытка отбить ее за счет ударной кавалерийской группы, куда входили Сибирские и Иркутские драгуны, но атака окончилась неудачей. В свою очередь, кавалеристы отбили атаку французских всадников, попытавшихся развить наступление от захваченной ими батареи Раевского. Потери среди драгун были огромными. Девятнадцатилетний прапорщик Н.Муравьев, проезжая

по позициям русских войск мимо Иркутских драгун, видел: «Всего их было не более 50 человек на коне, но они неподвижно стояли во фронте с обнаженными палашами под сильным огнем, имея впереди себя только одного обер-офицера. В Сибирском драгунском полку после сражения в строю осталось 125 нижних чинов и три офицера.

Кавалерийскую схватку за Курганную высоту генерал от инфантерии Барклай-де-Толли назвал «кавалерийской битвой из числа упорнейших, когда-либо случавшихся». Генерал-майор К.Крейц в сражении при Бородино имел три ранения, контузию, был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса. Награждены были также офицеры, нижние чины: штабс-капитан А.Меретеев из Иркутских драгун заслужил орден Св. Анны 4 ст.

В декабре 1812г. разбитый Иркутский драгунский полк слился с недоукомплектованным Московским гусарским и стал называться Иркутским гусарским полком, а Сибирский драгунский стал Сибирским уланским полком. Оба полка участвовали в военной компании 1813-1815гг. В Иркутском гусарском полку воевали в звании младших офицеров: тоболяк, композитор А.А.Алябьев, а также отец Л.Н.Толстого – Николай Ильич. Оба были отмечены боевыми наградами.

Кадеты со знаменем Тобольского пехотного полка(муляж), 2012 год

Тобольский пехотный и Сибирский гренадерский полки не посрамили сибирских имен в генеральном сражении. Оба полка приняли участие в сражении под Смоленском, а гренадерский к тому же – в защите Шевардинского редута и Колоцкого монастыря. День 26 августа (7 сентября) 1812г. полки встретили на Бородинском поле.

Тобольский пехотный полк входил в состав 4-й пехотной дивизии генерал-майора принца Е.Вюртенбергского и был в первой бригаде вместе с Волинским полком под общим командованием генерал-майора И.де Росси(за Бородино – орден Св. Владимира III). Бригада занимала позиции между батареей Раевского и деревней Семеновской, заменила поредевшие части Седьмого пехотного корпуса генерала Н.Раевского. На этом участке полки находились до конца сражения. Вторая бригада находилась в районе Старой Смоленской дороги и отражала атаки пехотинцев корпуса генерала Понятовского. В Кременчугском и Минском полках этой бригады сражались сибиряки. Тоболяки и волинцы, построившись в каре, отразили шесть атак неприятельской кавалерии. За личную храбрость и умелое руководство дивизией Е.Вютембергский был произведен в генерал-лейтенанты, награждены были офицеры и нижние чины. В Тобольском пехотном полку было отмечено 16 офицеров. Шеф полка, полковник П.Шрейдер, получил звание генерал-майора, десять офицеров – ордена, а пять младших офицеров – золотые шпаги Георгия 4-го класса. В сражении полк потерял 248 убитыми, 133 ранеными и 34 пропавшими без вести. Гренадером полка был и житель Ялуторовска П.Толстогузов, проживший 117лет. Его фотографию впервые выставили для публичного обозрения в Тобольском государственном архиве.

Общую награду – Георгиевское знамя полк получил только в 1903г., к 200-летию своего юбилея. На знамени была надпись: «За отличие в 1814г. против Французов, за дело при Четати 25 декабря 1853 и за Севастополь в 1854 и 1855 годах» и «1703-1903». С Александровской юбилейной лентой. Высочайший приказ от 6 декабря 1903г.

Сибирский гренадерский полк в составе Второй гренадерской дивизии генерал-майора принца К.Мекленбургского (8-й пехотный корпус Бороздина 1-го) защищал Багратионовы флеши. В одном из приказов М.Кутузов отметил и сибирских гренадер: «Полки Астраханский, Сибирский и Московский, построясь в сомкнутые колонны, под командою генерал-лейтенанта Бороздина со стремлением бросились на неприятеля, который был тотчас сбит и прогнан до самого леса с большим уроном. Таковой удар был с нашей стороны не без потерь». В результате сражения из полка вышло 13 офицеров и 468 нижних

чинов. За отличие в боях с 1812 по 1814гг. на головные уборы солдат была пожалована надпись «За отличие». Шеф полка полковник Д.Левин был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса за личную храбрость и грамотное ведение боев за Шевардинский редут и на Бородинском поле. И Тобольский пехотный, и Сибирский гренадерский участвовали в заграничных компаниях 1813-1814гг.

Таким образом, в Бородинском сражении приняло участие девять сибирских полков, и, кроме того, сотни сибиряков сражались в четырех полках, куда были направлены на комплектование из сибирских полков. Отдельные сибиряки воевали во многих других полках с различными названиями, куда попали как рекруты еще в конце XVIII – начале XIX вв.

Помня о событиях 200-летней давности, мы с трепетом отдаем дань уважения тем, кто не вернулся с полей сражений, кто защитил свою Отчизну с оружием в руках. Эти люди, а среди них было немало сибиряков, достойны памяти потомков!

Павел Белоглазов

Директор Ялutorовского музейного комплекса,
член Союза журналистов России,
«Легенда тюменской журналистики»

«Мы были дети 1812 года...»

С кем Россия воевала в 1812 году? Увы, этот, казалось бы, простой вопрос сегодня многих ставит в тупик. Согласно опросу Фонда «Общественное мнение», проведенному в канун 200-летия начала боевых действий с Наполеоном, почти треть нынешних россиян указали в своих анкетах неправильный ответ. Наибольшую осведомленность о событиях 1812 года показали представители возрастной категории 46-65 лет – 77 процентов правильных ответов. Что же касается молодого поколения (от 18 до 30 лет), то оно оказалось наименее информированным. А ведь именно эти молодые люди в массе своей являются активными пользователями Интернета. Какие же знания они черпают из «всемирной паутины»? Осведомлены ли они о том, что 200-летие Отечественной войны 1812 года объявлено Президентом Российской Федерации главным событием 2012 года, Годом российской истории и почему? Каким образом те далекие события отразились в истории Сибири в целом и Тобольской губернии в частности?

12 июня 1812 года французы перешли через реку Неман. Началась война, потребовавшая беспрецедентной мобилизации людских сил и материальных ресурсов, единения всех слоев российского общества и недаром получившая название Отечественной. Под командованием Наполеона выступила огромная по тем временам армия, насчитывающая около 610 тысяч человек. Россия смогла противопоставить неприятелю на первоначальном этапе только около 240 тысяч. 4-6 августа разыгралось грандиозное Смоленское сражение, в котором героически бился с противником и прославленный 38-й Тобольский пехотный полк под началом Петра Шрейдера, сформированный еще в 1703 году по указу самого Петра Великого. Отличился в этой битве также один из будущих губернаторов Западной Сибири Петр Капцевич, удостоенный впоследствии золотой шпаги с надписью «За храбрость», украшенной алмазами. Попытка Бонапарта разгромить основные силы русских в сражении под Смоленском закончилась неудачей. 26 августа последовала Бородинская битва, не выявившая победителей

и побежденных. Превосходящие силы французов натолкнулись на массовый героизм русской армии. Кратковременная сдача Москвы не привела к поражению. А только укрепила дух русского общества. И вскоре началось изгнание «непобедимой» армии за пределы Российской империи.

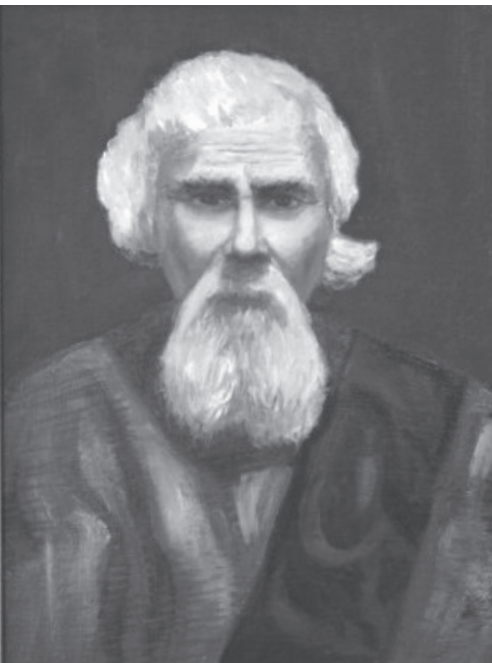
Отечественная война 1812 года имела далеко идущие последствия для хода российской и мировой истории. С ней связано и такое значимое явление общественной жизни, как декабризм. По мнению авторитетных историков, отражение нашествия полчищ Наполеона и заграничные освободительные походы русского воинства пробудили национальное самосознание и дворянства, и простого народа. Драматические события 1825 года, закончившиеся выступлением декабристов на Сенатской площади Санкт-Петербурга, и 1812 год нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. Побывав за границей, будущие декабристы пришли к пониманию того, что народ, победивший самого коварного и деспотичного врага, достоин лучшей участи. В выдающихся для того времени документах, прежде всего, в «Русской правде» Павла Пестеля и «Конституции» Никиты Муравьева, предложена целостная программа демократических преобразований в обществе, включая отмену крепостного права, намечены пути укрепления экономической и военной мощи России, в соответствии с ее обширной территорией, несметными природными богатствами, неиссякаемым культурным, духовно-нравственным потенциалом русского и других народов страны. Итогом перемен должно было стать построение в новой России общества социальной справедливости, где главным нравственным стержнем выступает равенство всех без исключения граждан перед законом.

Несколько лет назад я вел переписку с капитаном I ранга, старшим научным сотрудником Института военной истории министерства обороны Российской Федерации Сергеем Бутовым. В его книге «За дело правды и чести», подаренной Ялutorовскому музею, есть интереснейшая статья «Декабристы и связь поколений» П.Н.Милукова, председателя кадетской партии, члена Госдумы, министра иностранных дел Временного правительства (1917 г.), с октября 1917 года – белоэмигранта. Впервые этот исторический документ, написанный в 1925 году к 100-летней годовщине восстания декабристов, увидел свет в газете «Последние новости» в Париже под рубрикой «Голос минувшего на чужой стороне». Позволю себе небольшую цитату из этой статьи: «Большие исторические задачи вообще не осуществляются на пространстве одной человеческой жизни. Чтобы их достигнуть,

нужно передавать их от поколения к поколению. Только политическое воспитание поколений в стремлении к одной национальной цели может обеспечить ее достижение. Такое единство в постановке и преследовании национальных задач у нас становится возможно со времени Петра. В этой цепи поколений, несущих русскую интеллигентную традицию, декабристы занимают, если положить по четыре поколения на столетие, пятое место. Они поднимают нить своих непосредственных предшественников, Новикова и Радищева, и передают ее своему непосредственному преемнику, Герцену. Достаточно назвать эти имена, чтобы создать в умах читателей, знакомых с историей русской интеллигенции, достаточно отчетливое представление о месте декабристов в цепи поколений русской интеллигенции».

Разве эти мысли не актуальны для наших дней?! Разве это не повод, чтобы приобщать к наследию декабристов молодое поколение?! На nive воспитания патриотизма, истинной любви к Отечеству и построена знаковая выставка «За честь к Отчизне», открывшаяся в июне 2012 года в мемориальном доме декабриста, участника Отечественной войны 1812 года М.И.Муравьева-Апостола. В своей записной книжке, начатой в 1870-х годах, Матвей Иванович оставил удивительное признание: «Каждый раз, когда я ухожу от настоящего и возвращаюсь к прошедшему, я нахожу в нем значительно больше теплоты. Разница в обоих моментах выражается одним словом – мы тогда «любили». Мы были дети 1812 года. Принести в жертву все, даже самую жизнь, ради любви к Отечеству было сердечным пробуждением. Наши чувства были чужды эгоизма. Призываю бога в свидетели тому!».

То же самое может сказать любой его «соузник», стоявший под градом картечи на Бородинском поле или под Кульмом, а потом гнивший в казематах Петропавловской крепости, находившийся на каторге или поселении в Восточной и Западной Сибири. Из девяти декабристов, отбывавших ссылку в Ялуторовске в период с 1829 по 1856 гг., пятеро – участники Отечественной войны 1812 года. С гордостью носили мундир прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка М.И.Муравьев-Апостол и И.Д.Якушкин, главные фигуры ялуторовской колонии ссыльных. Дома, в которых они проживали в ссылке, стали основой первого в СССР музея Памяти декабристов. А то, что они сделали для воспитания целого поколения сибиряков, трудно переоценить. Навечно в историю просвещения Сибири вошли школы для мальчиков и девочек, работавшие по ланкастерскому методу. Среди их выпускников – художник и этнограф Михаил Знаменский, основатель Союза сибирских маслодельных артелей Александр Балакшин.

Портрет П.Я. Толстогузова,
художник Ю. Ермаков

В нашей музейной экспозиции (автор – заведующая историко-мемориальным музеем, член Союза российских писателей Альбина Болотова) произошло символическое соединение «лучших из дворян» и простых русских солдат, которые в одном строю стояли под пулями и картечью неприятеля. Не случайно в центре ее, рядом с портретами прославленных полководцев – Кутузова и Барклай де Толли, мы видим портрет Павла Яковлевича Толстогузова, гренадера 38-го Тобольского пехотного полка, который в 17-летнем возрасте сражался с французами. Интересна судьба этого воина. В 1912 году, когда Россия готовилась к празднованию 100-летней годовщины Отечественной войны, Николай II велел отыскать оставшихся в живых участников тех легендарных событий. Во всей необъятной Тобольской губернии

таким оказался лишь один П.Я.Толстогузов, житель уездного города Ялуторовска. И было ему 117 лет. Почтенного старца стали готовить к отправке на торжества в столицу, прислали фотографа из Тобольска. Но старый солдат вскоре умер. То ли от волнения, то ли от возраста. А фотография хранится в фондах Тобольского архива. С этого документального снимка не самого лучшего качества и нарисовал живописный образ П.Я.Толстогузова ялуторовский художник Юрий Ермаков, добавив долю своего воображения, его же кисти принадлежат и обе копии портретов полководцев. Юрий Ермаков, автор еще одного замечательного полотна – изображения декабриста Вацлава Враницкого, чей прах покоится в Ялуторовске. Чех по национальности, из рода пражских пивоваров, он дослужился в русской армии до чина полковника, участвовал во многих военных кампаниях, заслужил золотую шпагу за храбрость. Ни в одном издании о декабристах нет портрета этого человека. Известно лишь словесное описание в делах Следственной комиссии, допрашивавшей участников восстания. Отталкиваясь от этого описания, Юрий Ермаков

предложил музейщикам свою версию портрета. (Точно также поступил московский скульптор, лауреат Ленинской премии Владимир Матросов, когда ваял скульптуру В.Враницкого для мемориального комплекса декабристов на привокзальной площади в Ялуторовске). Не бесспорно, но, как говорится, пробирает! Словно из глубины веков направлен на вас взгляд усталого, много пережившего человека, никогда не предполагавшего, что закончит свой земной путь в Сибири. И на месте его предполагаемого захоронения будет стоять не крест, а скульптура «Белый ангел» работы ялуторовского мастера Владимира Шарапова.

Характер народной войны хорошо передают колоритные предметы из фондов Ялуторовского музейного комплекса: гладкоствольное оружие, пика, вилы, штыки, пуговицы от мундира французского солдата 12-го линейного полка, сражавшегося в 1812 году под Смоленском. Здесь же представлены осколки ядра, шрапнель, найденные на месте батареи Раевского, земля, привезенная с Бородинского поля. Органично в этом ряду смотрятся фигурки солдат русских и французских полков, военачальников – скрупулезный, выверенный до мельчайших деталей труд преподавателя Тюменского госуниверситета Александра Мельникова в стиле исторической реконструкции.

Пуговицы от мундира солдата 12-го линейного полка французской армии

Мундир прапорщика
Семеновского полка

Большую смысловую нагрузку несут реконструированные предметы: мундир прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка, знамя этого известного воинского соединения, изготовленные ялutorовскими мастерицами – костюмером киноконцертного зала «Юбилейный» Надеждой Иваницкой, руководителем театра мод «Людмила» Людмилой Хребтовой, преподавателем художественного отделения детской школы искусств Ольгой Цыбочкиной, в сотрудничестве с музейными работниками.

Впервые в доме-музее М.И.Муравьева-Апостола демонстрируется медно-кованый бюст И.Д.Якушкина работы известного тюменского скульптора Валентина Белова, который лишь один раз экспонировался на выставке «Земля Тюменская» в 1977 году. Это – одна из скульптур замечательного мастера, хранящихся в музейном собрании ГАУК ТО «Ялutorовский музейный комплекс». Ждут своего часа портреты (в меди и гипсе) М.И.Муравьева-Апостола, его брата Сергея, казненного в числе пяти декабристов на кронверке Петропавловской крепости. В 1981 году В.М.Белов перебрался на жительство в Калугу. Последнее время жил в Туле. Народный художник России. Автор памятника Г.К.Жукову.

На презентации выставки присутствовала съемочная группа ГТРК «Регион-Тюмень» во главе с режиссером Юлией Шакурской, которая подготовила фильм о событиях 1812г. в рамках Года российской истории. Отснятый в мемориальном доме декабриста материал вошел в эту творческую работу и представлен массовому телезрителю.

События Отечественной войны 1812 года продолжают волновать нас и через два столетия. Подтверждение этого – интернет-викторина, проведенная накануне

Знамя Семеновского полка

Бюст И.Д. Якушкина,
скульптор В. Белов

Международной акции «Ночь музеев» в мае текущего года. Ответы на вопросы, размещенные на сайте Ялutorовского музейного комплекса, приходили по электронной почте из многих городов. А один из главных призов (настенные часы с символикой Тюменской областной Думы), учрежденный депутатом Владимиром Ковиным, отправился в Тверь, где живет победитель викторины. Нельзя не отметить и тот факт, что именно в канун юбилейной даты ялutorовская интеллигенция выступила инициатором идеи: установить памятный знак на месте разрушенной в 30-е годы Вознесенской церкви, возведенной в 1812 году местным купечеством в ознаменование победы русского народа над Наполеоном. Через три десятка лет в этом храме был крещен будущий меценат и промышленник С.И.Мамонтов.

Галина Лепова

Главный библиотекарь научной библиотеки
Тобольского историко-архитектурного
музея-заповедника

Веками помнит вся Россия

Два века отделяют нас от события огромной исторической важности. Для современного поколения Отечественная война 1812 года кажется похожей на вымысел, а некоторые факты войны выглядят легендами. В первую очередь, вся её ушедшая в прошлое живописная военная атрибутика, старая орфография, дворянский кодекс чести и крестьянская совесть, сословные различия и их отмена на полях сражений, французский язык, на котором староста подмосковной деревни обращался в письме к Наполеону. Однако свидетельства прошедшего времени, которые были размещены под стеклом в витринах читального зала научной библиотеки тобольского музея-заповедника, ярко передавали время, рождали живые эмоции.

Выставка «Веками помнит вся Россия» погружала посетителей в эпоху первых десятилетий XIX века через произведения живописи, графики, скульптуры и медальерного искусства, через сохраненные музейные реликвии: награды, оружие, монеты, предметы обихода.

Организаторам выставки пришлось провести жёсткий отбор экспонатов, чтобы не перегружать посетителей чрезмерной информацией. Да и в пространстве небольшого зала невозможно было передать огромный пласт сохраненных о войне знаний, нюансы интерпретаций войны в прошедшие юбилейные годы. Не только украшением, но и поддержкой в раскрытии содержания выставки служили произведения живописи, графики известных и неизвестных мастеров, расположенные на стенах зала.

Каждая из витрин выставки несла свое тематическое решение. Главным событиям и лицам войны 1812 года была посвящена первая из них. Всего четыре предмета раскрывали тему «Два императора»: барельеф Александра I, бюст Наполеона Бонапарта, копия знаменитой английской карикатуры «Обед в Тильзите 25 июня 1807г.», частный жетон «Александр Благословенный. Наполеон» фабрики Д.Кучкина, выпущенный в год столетнего юбилея. А сколько за этим стоит?.. И дружба, и вражда Александра I и Наполеона были сотканы из парадоксов: миролюбивый русский император был инициатором всех войн с Францией на

Литография по рисунку Д. Скотти

территории Европы, а воинственный император французов неустанно добивался союза с Россией. Двух великих императоров связывали эпохальные события войны и мира. Были Аустерлиц и Тильзит.

Но 12 июня 1812 года начался поход против России: авангард французских войск вошёл в Ковно, форсировал Неман. Императору Александру I, который в это время находился на балу в Вильно, доложили о вторжении Наполеона... С июня по сентябрь 1812 года войско Наполеона наступало...

В августе будет Бородино, в сентябре – сожженная Москва, но уже в октябре - декабре – Березина и Неман, изгнание жалких остатков войска Наполеона из России, а потом – триумфальный заграничный поход. Каждое из событий нашло широкое отражение в российском и европейском изобразительном искусстве. Тобольский музей располагает двумя гравюрами неизвестного художника, выполненными по рисунку Д. Скотти и выпущенными на бумаге в технике цветной литографии в 1814 году. Это – «Сражение при Тарутине 6 октября 1812г.» и «Победа при Колоцком монастыре 19 октября 1812г.». Они относятся

к коллекции картин, собранных чиновником по крестьянским делам В.А.Тавастшерном в Ялуторовском округе Тобольской губернии в 1873-1894гг. и переданных на хранение в Тобольский музей.

В коллекции Эрмитажа хранится уникальный полевой альбом немецкого художника Альбрехта Адама (1786-1862), придворного живописца Евгения Богарне, одного из командующих Наполеона, сопровождавшего его в походе на Москву. Альбом представляет собой редчайший памятник, созданный очевидцем событий 1812 года, в котором соединились достоверность исторического документа и образность художественного произведения. И хотя воплотить походные зарисовки в большие полотна, увековечивающие триумф французской армии, художнику не довелось в связи с ее поражением, напечатанный литографическим способом «Русский альбом» принес Адаму мировую славу баталиста. Его заказчиками стали немецкие монархи, а также русский император Николай I. На нашей выставке была представлена копия живописной картины «Отступление Великой армии» и две литографии «Бивак художника. 16 августа 1812 года» и «Пилонь. 29 июня 1812 года».

Фрагмент выставки на фоне репродукции А.Адама

История живописи в России знает немного произведений художников, которые были бы написаны в эпоху Отечественной войны на сюжеты с ней связанные.

Цикл картин под общим названием «1812 год. Наполеон в России» художника-баталиста Василия Васильевича Верещагина (1842-1904) создавался им в 1887-1904 годах. Замысел не был до конца осуществлён. Но о его величии свидетельствуют сохранившиеся полотна. В нашем музее на стене, в большом формате были расположены репродукции картин: «Конец Бородинской битвы», «На большой дороге. Отступление. Бегство»; и в малом формате: «В штыки! Ура! ура! (Атака)», «Великая армия. Ночной привал», «С оружием в руках – расстрелять!», «Не замай, дай подойти». Полна героизма и трагедии судьба самого В.В.Верещагина. За его плечами – учеба в Александровском кадетском, затем Морском корпусе, в Академии художеств. Путешествия по Кавказу, Европе, служба в Туркестане, изучение Индии, участие в русско-турецкой войне, проживание в странах Востока. Гибель на боевом посту в начале русско-японской войны, на взорванном японцами броненосце «Петропавловск» (вместе с адмиралом С.О.Макаровым). Удачен портрет художника, выполненный Юрием Орловым в 1990-е годы в манере старых мастеров.

На нашей выставке было представлено живописное полотно «Бой под Смоленском» А.Ю.Аверьянова, современного художника, признанного мастера батальных сцен.

Центральная фигура выставки тобольского музея – Михаил Илларионович Кутузов, главнокомандующий русской армией с августа 1812 года. Образ великого полководца был передан в подлинных предметах: живописном портрете, бюсте, барельефе, выполненных неизвестными мастерами XIX века. Современник вспоминал: «День 25 августа – канун Бородинского боя – прошел в приготовлениях к предстоящему сражению. Все готовились к смерти, понимая, что должно или умереть, или спасти Отечество. Зная твердую и горячую веру русского солдата в помощь Божию, главнокомандующий приказал пронести по рядам чудотворный образ Смоленской Божией Матери». Священная реликвия Тобольского музея - икона «Богородица Смоленская, Одигитрия», выполненная на дереве маслом и левкасом в XIX веке – собирающий образ всей выставки.

Война 1812 года вызвала небывалый патриотизм у русского народа: защищали свое Отечество всем миром. А впервые назвал войну Отечественной композитор М.И.Глинка. Победой в этой войне народ гордился, прославились Кутузов, Барклай-Де-Толли, Ермолов, Милорадович, Дохтуров, Раевский, Тормасов, Багратион, Сеславин, Горчаков, сотни известных истории героев. А множество имен забыто, увы, такова судьба большинства людей.

Тобольск и Тобольская губерния находились далеко от театра военных действий и политических событий 1812 года, тем не менее они не прошли для нашего края бесследно.

На выставке, на фоне акварели неизвестного художника начала XIX века «Военный парад в Тобольске», были представлены копии портретов генерал-губернаторов Западной Сибири, участников Отечественной войны 1812 года: П.М.Капцевича (1822-1827), первого из этой плеяды, назначенного на должность еще реформатором М.М.Сперанским; И.А.Вельяминова (1827-1834), Н.С.Сулимы (1834-1836), князя П.Д.Горчакова (1836-1850), Г.Х.Гасфорда (1850-1861). Память о них увековечена английским живописцем, художником-портретистом Джорджем Доу, приглашенным в 1819 году в Россию для создания портретной галереи участников войны 1812-1814гг. На их долю выпало не только участие в Отечественной войне, но и в заграничных походах русской армии, все они имеют многочисленные награды. Петр Михайлович Капцевич – участник Смоленского и Бородинского сражений, его 7-й пехотной дивизии 6-го пехотного корпуса установлен памятник на Бородинском поле, он участвовал в сражениях при Тарутине, Малоярославце и Красном, под Лейпцигом. Иван Александрович Вельяминов – участник Аустерлицкого сражения, освобождал Ригу, участвовал во взятии Данцига. Николай Семенович Сулима сражался под Аустерлицем, изведая тяготы плена, отличился в Бородинском сражении, командуя Таврическим полком, за что произведен в генерал-майоры. Петр Дмитриевич Горчаков отличился в сражениях под Полоцком, Дрезденом, Лейпцигом и Парижем, дослужился до чина полковника. Густав Христофорович Гасфорд принимал участие в битвах при Бородино, за Малоярославец, Тарутино, Вязьму, Красный.

Есть еще одна категория людей, участников Отечественной войны 1812 года, очень важная для Сибири. Речь идет о декабристах. Их культурное влияние, их след в истории Сибири очевиден. Многие из них были «детьми двенадцатого года», пятеро жили в 30-50-е годы на поселении в Тобольске: Михаил Александрович Фонвизин – отставной генерал-майор, его дом в Тобольске (1938-1953) стал центром культурной жизни города. В 1812 году он сражался, был ранен, находился в плену, награжден российскими и иностранными орденами, среди них – Кульмский крест (прусская награда), золотая шпага «За храбрость». Портрет Фонвизина, выполненный неизвестным художником в начале 1820-х годов хранится в Государственном историческом музее (г.Москва). Владимир Иванович Штейнгель – барон, подполковник в отставке, в Тобольске (1840-1856) давал частные уроки, его услугами в составлении служебных бумаг пользовался губернатор М.В.Ладыженский. В 1812 году вступил в ряды ополчения, принимал участие в

осаде г.Данцига. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (дважды), Св. Анны 2-й степени. Известен его литографированный портрет, выполненный О.И.Эстеррайхом в 1823 году. Семен Григорьевич Краснокутский – к моменту восстания действительный статский советник, обер-прокурор Сената. Получил военное образование в Кадетском корпусе, за участие в кампании 1807 года награжден золотой шпагой «За храбрость». Участник Отечественной войны и зарубежных походов русской армии. После восстания – сослан в Якутию. В 1838 году, с параличом ног, переведен в Тобольск. Умер в 1840 году, похоронен на Завальном кладбище города. Портрет реконструирован минусинским музеем декабристов. Флегонт Миронович Башмаков – офицер, участник похода Суворова в Италию (1799), многих войн и походов русской армии периода 1805-1814гг., с 1812 года служил в чине подполковника. Награжден многими российскими орденами, а также золотым крестом за Базарджик, золотой шпагой «За храбрость». В ссылке, из-за преклонного возраста, жил в г.Таре, последние годы провел в Тобольске (1853-1859), не воспользовался разрешением покинуть город. Похоронен на Завальном кладбище в Тобольске. Образ декабриста для потомков сохранен художником М.С.Знаменским. Вольф Фердинанд Богданович – штаб-лекарь. Во время войны 1812 года служил в касимовском военно-временном госпитале. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В Тобольске (1845-1854) прославился как отличный врач, в последние годы жизни бесплатно выполнял обязанности врача тобольского тюремного замка. Похоронен на Завальном кладбище. Портрет Вольфа работы Н.А.Бестужева хранится в отделе истории русской культуры Эрмитажа.

Декабрист Александр Николаевич Муравьев – отставной полковник Гвардейского Генерального штаба, прибыл в Тобольск в 1832 году и на протяжении двух лет служил в должности гражданского губернатора. В годы Отечественной войны прошел путь от Вильно до Парижа, стал кавалером семи орденов, в т.ч. заграничных. Известен портрет, выполненный художником Ф.А.Туловым в 1816-1818 годах.

Уроженцем города Тобольска, единственным из представителей движения декабристов, был Гавриил Степанович Батеньков (1793 - 1863). Выпускник петербургского кадетского корпуса принял участие в Отечественной войне и заграничных походах русской армии, где отличился в сражении при Монмирале, был тяжело ранен, попал в плен. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. На нашей выставке был использован портрет 1822 года, выполненный с литографии А.Зеленцова.

Александр Александрович Алябьев (1787-1851) – композитор, офицер, тоже уроженец г.Тобольска, появился на свет в семье губернатора Тобольской губернии А.В.Алябьева, человека высокой культуры.

Благодаря его поддержке в городе оживилась театральная жизнь, заработала первая в Сибири типография. А.А.Алябьев после окончания Московского университетского пансиона служил по военной части. Он, единственный из российских композиторов (мировой известности), принял участие в Отечественной войне и заграничных походах русской армии, в дрезденской операции под командованием Дениса Давыдова. Тема войны нашла отражение в его творчестве. Один из лучших портретов композитора в 1830-е гг. литографирован неизвестным художником.

Силы нации всегда проверяются в трудных исторических испытаниях. В 1812 году народное сознание, как сила войны, вступает в действие при приближении врага к Смоленску. Отступление армии – бедствие народное. Насилие врага вызывало, по словам А.С.Пушкина, «остервенение народа». Героизм стал обычным явлением. «Велик русский Бог. Служи царю верой и правдой. Двум смертям не бывать – одной не миновать. Чему быть, того не миновать. Вот что делает настоящего русского человека надеющимся на Бога, верным своему государю, равнодушным к смерти и безгранично предприимчивым. Его усердие, мужество и верность обнаружили во всём блеске в продолжение войны 1812 года. Он действовал по собственному побуждению, руководясь собственным инстинктом. Древняя история представляет мало примеров подобной преданности и подобных жертв...», – писал Ф.В. Растопчин, военный губернатор Москвы.

Крестьянское сопротивление от пассивных форм выросло до объединения в партизанское движение. Представленные на нашей выставке картины художника В.В.Верещагина – «Не замай, дай подойти», «С оружием в руках – расстрелять!» (1887-1895 гг.) – объединены одним героем. В центре картины – руководитель одного из партизанских отрядов – Семён Архипович, о котором художник узнал из устных преданий. Отряд старосты одной из деревень Можайского уезда Семена Архиповича своими действиями нанес большой урон врагу. Вторая картина рассказывает о гибели патриота.

Партизанское движение охватило огромное число губерний Европейской части России. В Тарутинский период народная война приобрела особенно широкий размах. Задачей командования было изменить соотношение сил в свою пользу. Для решения этой важной стратегической задачи М.И.Кутузов умело использовал «малую войну», которую раньше вели войсковые партизанские отряды, решил сочетать действия армейских партизан с борьбой крестьянских партизанских отрядов и народного ополчения. Взаимодействие этих сил координировалось Главным штабом. В тылу врага действовало более

десяти армейских партизанских отрядов. Достаточно назвать имена их командиров: Д.В.Давыдов, И.С.Дорохов, А.С.Фигнер, И.М.Вадбольский, И.Ф.Чернозубов, А.Н.Сеславин, М.А.Фонвизин. Будущий декабрист М.А.Фонвизин успешно действовал в Боровском уезде Московской губернии. Армейских партизан поддерживал местный отряд крестьян, насчитывавший более 1 тыс. человек.

Героическое сопротивление жителей прифронтовых районов задержало продвижение наполеоновских войск вглубь губерний, позволило местным властям завершить формирование ополчений. По мере готовности ополченские части поступали в распоряжение командования русской армии. В общей сложности в обороне прифронтовых губерний принимали участие около 300 тысяч ратников и казаков.

На выставке нашего музея материалы и иллюстрации, касающиеся истории ополчения и партизанской борьбы, были размещены в нестандартной витрине, так называемой «конторке-трансформере». На крышке конторки был расположен документ «Таблица физического состояния ополченцев», который неизменно привлекал внимание посетителей. В нем представлены критерии отбора в рекруты и ополченцы, требования к физическому и умственному состоянию кандидата, его возрасту. Вот одно из предписаний по поводу роста: «Какого бы ни было, только бы не карлы», замечания по поводу волос: «Плешивых не бракуют». Под крышкой витрины наш посетитель видел открытки с образцами формы ополченцев российских губерний в период войны 1812 года. Юным посетителям выставки предлагалось сложить пазл изображения формы ополченцев. Привлекали внимание репродукции картин С.Герасимова «М.И.Кутузов – начальник Санкт-Петербургского ополчения» (1953г.), И.Лучанинова «Благословение ополченца 1812 года» (1812г.). За эту картину в 1812г. художник И.В.Лучанинов получил золотую медаль первого достоинства и звание художника с аттестатом первой степени.

Одна из витрин нашей выставки поднимала тему мемориала Отечественной войны 1812 года, сохранения памяти о войне для будущих поколений. События Отечественной войны 1812 года – наиболее исследованная тема русской истории: создано более десяти тысяч историографических трудов, подвиги героев воспеты в сотнях литературных произведений, воссозданы в произведениях изобразительного, музыкального, театрального и кинематографического искусства.

На нашей выставке были представлены исторические исследования трех русских историков: «Император Александр Первый. Политика-

дипломатия» С.М.Соловьёва (М., 1877), «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам» М.И.Богдановича (М., 1859-1860), «История Наполеона» Н.А.Полевого (М., 1846). Это – прижизненные издания авторов из фонда научной библиотеки Тобольского музея. Модест Иванович Богданович, первым из историков послевоенного времени, воспользовался открывшимися архивами войны. Новизна его издания была не только в использовании архивных документов: он первым изучил вопросы стратегии войны, причины поражений и побед. Его труд подвергся жесткой критике последующих историографов войны 1812 года. Нам же интересен другой факт: сын историка – Николай Модестович Богданович – исполнял должность Тобольского губернатора в 1892-1896гг. Большой массив исторической литературы был выставлен в примыкающем к выставке книжном шкафу. Здесь – издание «Чтения в Императорском обществе древностей российских при московском университете» (М., 1848-1888), «История XIX века. (Западная Европа и внеевропейские государства)» под редакцией французских историков Лависса и Рамбо (М., 1905-1907), «История Государства Российского» Н.М.Карамзина (1892), из личного собрания протоиерея Г.С.Тутолмина, священника Софийского кафедрального собора, преподавателя богословских дисциплин Духовной семинарии в Тобольске, отца Почетного гражданина города, Заслуженного врача РСФСР А.Г.Тутолмина. «Словарь достопамятных людей русской земли» Д.Н.Бантыш-Каменского (СПб., 1847) привлекает не только исторической значимостью биографий полководцев войны 1812 года, но и личностью автора, выходца из аристократического рода Кантемиров, господарей Молдавских, историка, писателя. В 1825 - 1828 годах он занимал пост Тобольского гражданского губернатора. Своими делами оставил яркий след в истории губернии, был награжден орденом Св. Анны I степени.

В годы Отечественной войны 1812 года большое распространение получило искусство карикатуры. Ни одна историческая эпоха не была так полно представлена в карикатурах, как эпоха Наполеона Бонапарта. Во многих европейских странах карикатурой встречался каждый шаг этого правителя. Казалось, что талантливые художники разных стран сговорились действовать против Наполеона. В России до 1812 года карикатур на Наполеона не было. В 1807 году Алексей Гаврилович Венецианов (1780-1847) попытался издавать «Журнал карикатур в лицах на 1808 год», но издание было запрещено по указанию Александра I. С 1812 года Санкт-Петербург стал «духовной» столицей карикатуры. Его представлял своего рода триумvirат: А.Г.Венецианов, И.И.Теребенёв и И.А.Иванов. Их объединяло не только творчество, но и дружба. На

Карикатура И.И. Тербенева «Нос, привезенный Наполеоном с собой из России в Париж»

Карикатура А.И. Иванова

нашей выставке были представлены карикатуры А.Г.Венецианова: «Русская пехота и французская конница», «Зимние Наполеоновы квартиры», «Триумфальное прибытие в Париж Наполеона», представлен автопортрет художника, за который в 1811 году ему присвоено звание назначенного художника Академии художеств. Самым выдающимся мастером на этом поприще карикатуры стал Иван Иванович Терebenёв (1780-1815). Он принадлежал к роду петербургских скульпторов, мастеров монументально-декоративной скульптуры. Терebenёв получил образование в Академии художеств. В 1812-1813 годах занимался декоративной скульптурой для здания Адмиралтейства. Ему принадлежит одно из первых мест в истории русской скульптуры начала XIX века. Вместе с тем он стал известен, главным образом, как автор знаменитых сатирических графических листов, которые выполнил в период Отечественной войны 1812г. Художник-гражданин, он почувствовал возможности графики как действенного оружия в общенародной войне. Высмеивающие Наполеона, его маршалов, генералов и армию и прославляющие патриотизм, твердость духа, мужество русского народа, «остроумные и единственные в своем роде» (как писал современник в «Сыне Отечества»), раскрашенные офорты Терebenёва широко распространялись по России и за её пределами, вызывая многочисленные повторения и подражания. Художник выполнил более 50-ти сатирических листов. Изобретательные по композиции, выразительные по рисунку, остроумные по замыслу, его карикатуры близки лубочным народным картинкам, что делало их понятными и доступными самому широкому зрителю. Художник был и автором текстов надписей, они были лаконичными, острыми, обличительными, в них прослеживалась связь с народным фольклором. Именно Терebenёву обязана политическая карикатура России своим становлением как самостоятельный жанр. Всей России была известна «Терebenёвская азбука», включающая около 40 карикатур на тему Отечественной войны 1812 года. В 1814 году карикатуры были гравированы и раскрашены от руки акварелью. Каждая картинка размещалась на отдельной карточке, её название было связано с определённой буквой русского алфавита. По этим картинкам ребенок не только учился читать, но и любить свою Родину, презирать захватчиков, посягнувших на национальную независимость страны, узнавал о героизме и мужестве простых людей России. На выставке тобольского музея было представлено четыре карикатуры И.Терebenёва: «Крестьянин увозит у французов пушку», «Нос, привезенный Наполеоном с собой из России в Париж», «Разрушение всемирной монархии», «Русский Сцевола».

Художник Алексей Иванович Иванов (1779-1848) получил образование в Академии художеств. Был известен как гравер и иллюстратор. Возможно, часть карикатур И.И.Теребенёва была гравирована им. Иллюстрировал басни И.А.Крылова, стихи В.А.Жуковского, К.Батюшкова. Карикатур, подписанных И.Ивановым, сохранилось всего шесть, на нашей выставке было представлено две. Одна – «Хлебосольство – отличительная черта в характере народа русского» – подана в связке с барельефом П.Х.Витгенштейна, командующего 1-м отдельным корпусом армии Баркляя-де-Толли. Картинка изображает, «как великодушные воины графа Витгенштейна отдают свою порцию голодным пленникам французским». Вторая карикатура к басне И.А.Крылова «Ворона и Курица» совмещена с прижизненным их изданием 1819 года.

В области медальерного искусства, посвященного теме войны 1812 года, прославился Федор Петрович Толстой (1783-1873) – граф, уроженец Санкт-Петербурга. Он был известен как медальер, скульптор, живописец и график. Толстой – автор 21 медали в память Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813-1814гг. На дисках диаметром 16 см. были запечатлены в аллегорической форме наиболее важные события этой войны. Медальоны были сделаны из воска на аспидных досках и позднее отлиты в гипсе. Представленные в нашей витрине работы с медальонов графа Толстого вырезаны неким мастером А.Лялиным в 1836-1837гг.

В России всегда широко отмечались юбилеи Отечественной войны 1812 года. Так, столетие войны в 1912 году косвенным образом отражало экономический расцвет Российской империи, который выпал на это время: было издано много красочных широкоформатных альбомов репродукций, тисненых золотом фолиантов с портретами героев войны. Многотомное издание «Отечественная война и российское общество», «Война и мир» Л.Н.Толстого, выпущенные в свет типографией И.Д.Сытина, прекрасно иллюстрированы цветными картинками под папиросной бумагой, кожаное покрытие крышек украшено тиснением, тематической гравировкой на металле. Посетитель знакомился с этими изданиями на нашей выставке.

Здесь же были изданные в советский период дневники войны, обогатившие фонд мемориальной литературы тобольского музея. Особенно привлекал внимание «Дневник Александра Чичерина, 1812-1813» (М, 1966). Дневник, который вел молодой офицер Семеновского полка, передает атмосферу патриотизма и воодушевления, охвативших армию и народ, повествует о героизме солдат и офицеров. А.Чичерин погиб в одном из боев русской армии на европейской территории.

Дневник имеет особую ценность, т.к. велся «для себя», без расчета на публикацию, он написан по горячим следам событий, в палатке, после переходов. Это – дневник человека, который «жил для Отечества и умер за него». Он даёт неожиданный, нерасчётливый урок патриотизма нашему поколению.

Мы должны осознать значение победы России в войне 1812 года для всего европейского континента. Вспомним высказывания наших историков: «Война 1812 года самым наглядным образом показала расширение исторической сцены, усложнение европейского политического организма. Судьба Европы решалась на отдаленном Востоке, в той стране, которая только сто лет назад открыла себя Европе и приняла участие в её делах. В небывалом беспокойстве, со страшно напряженным вниманием всё мыслящее в Европе обращалось к этой далёкой стране, прислушивалось к каждому звуку, ибо вести, приходившие оттуда, были вести о жизни или смерти европейской независимости» (С.М.Соловьёв).

«Агония наполеоновской мировой монархии длилась необычайно долго. Но смертельную рану всемирному завоевателю нанёс русский народ в двенадцатом году» (Е.В.Тарле).

Игорь Балуюв

Научный сотрудник Тобольского
историко-архитектурного комплекса

Розыск и содержание «неблагонадежных» иностранцев в Тобольской губернии в период Отечественной войны 1812 года

История XX века приучила нас к тому, что во времена военных столкновений двух стран, идет борьба не только на полях сражений, но и в тылу. И, к сожалению, мы имеем, как правило, туманное представление о том, как работали правоохранительные органы в более ранние периоды, например, во время Отечественной войны 1812 года. А ведь тогда меры по защите национальных интересов предпринимались повсеместно по всей территории обширной Российской Империи. По понятным причинам, Тобольская губерния не могла оказаться в стороне от проводимых мероприятий. И благодаря документам, хранящимся в фондах Тобольского архива, мы можем частично охарактеризовать такие процессы как розыск и содержание «неблагонадежных» иностранцев в Западной Сибири.

В грозный для России 1812 год, в связи с тем, что министр полиции А.Д.Балашов находился в действующей армии, непосредственно делами по этому ведомству управлял главнокомандующий в Санкт-Петербурге генерал от инфантерии С.К.Вязьмитинов. 31 декабря 1812г. им было составлено предписание тобольскому губернатору Ф.А. фон Брину (и, видимо, не только ему), в котором Управляющий министерством полиции сообщал, что на Дону, под Керчью оказался в русском плену польский полковник, назвавший себя графом Платером. Как выяснилось, этот человек, по поручению своего начальства, назначен был разведывать «положения» русских городов и прочие обстоятельства. В виду того, что сам граф Платер сумел все-таки бежать в свою армию, то С.К.Вязьмитинов предписал «усугубить все возможные старания и обратить бдительнейший присмотр к открытию подобных неприязненных нам людей».

После получения таких указаний из столицы в тобольском губернском правлении было разработано предписание для городничих и земских исправников, датированное 9 декабря 1812г. Сохранился черновик этого

документа, где гражданский губернатор Ф.А. фон Брин определил обязанности указанных чиновников: «единожды и навсегда», говорилось в предписании, «употребить все средства, какие только внушит вам собственное ваше благоразумие, предусмотрительность и осторожность к разведыванию и открытию зломыслящих Отечеству нашему людей». В случае если бы таковые обнаружались, городничие и земские исправники должны были срочно доносить лично гражданскому губернатору, а до получения ответа с его стороны, брать их под строжайший присмотр. Естественно, что подобного рода сведения предполагалось отправлять в Тобольск в виде донесений, и далее фон Брин указывал те пункты, которые для верности следовало отмечать в этих документах.

Во-первых, городничим и земским исправникам предписывалось обращать внимание на всех без исключения иностранцев. Надлежало указать, какие они имеют связи, как ведут себя и т.п., а также следовало проверить, действительно ли заполнены их пропускные виды. Выяснить причины долговременного пребывания на вверенной территории уже живущих иностранцев и приезда туда вновь прибывших.

Во-вторых, если у местных чиновников не находилось в распоряжении нужных и расторопных людей, гражданский губернатор разрешал для разведывания использовать «приличным способом» денежные или другие вознаграждения, о чем также необходимо было указывать в донесениях.

В-третьих, городничие и земские исправники обязывались сообщать и о том, «ежели таковых (вредных Отечеству) людей не будет замечено».

Следует заметить, что это предписание от 9 декабря 1812г. имело свою степень секретности. Так, Ф.А. фон Брин напрямую указывал, что о содержании данного документа должны знать только его получатели и просил «действовать по оному со всевозможною скромностью для предупреждения неприятных толков». 19 списков этого предписания направлялось в уезды. В Петропавловске, в виду того, что этот город имел особое положение крепости, но не являлся уездным, этот документ получал только городничий.

Можно сделать вывод, что к раскрытию и поимке «зломыслящих» в Тобольской губернии отнеслись со всей серьезностью. И сам Ф.А. фон Брин в донесении генерал-лейтенанту Г.И.Глазенапу, (возглавляющему сибирские линии), просил его издать распоряжение «к истреблению помянутых людей естли бы они явились». Неизвестно, было ли такое распоряжение издано, но сам факт такой просьбы уже говорит о многом.

У нас нет ни одного свидетельства поимки на территории Тобольской губернии хотя бы одного иностранца. Зато имели место события другого рода – ссылка в Сибирь людей, которые по разным причинам относились к категории «подозрительных» или «неблагонадежных». Чаще всего определяющим фактором являлась их национальная принадлежность, что можно было наблюдать на примере предписания тобольского губернатора от 9 декабря 1812г. Александр Филюшкин – историк, исследовавший факты измены в Отечественную войну 1812г., пишет: «Перед войной и в ее начале русское правительство и командование принимают меры для нейтрализации угрозы возникновения «пятой колонны» из находящихся в стране иноземцев. В основном, они заключались во временной высылке иностранцев из охваченных войной губерний».

Поэтому мы должны четко определять именно военнопленных от вышеназванной категории, так как на них распространялись действия различных законодательных документов. Например, повеление о возвращении военнопленных, находящихся в Сибири, появилось 6 апреля 1814г. А 12 мая 1814г. последовало разъяснение от С.К.Вязьмитинова о том, что данное распоряжение никоим образом не касается сосланных под надзор полиции, их возвращение оговаривалось дополнительно соответствующим повелением. Нам известно о присутствии на территории Тобольской губернии иностранцев разных национальностей, хотя их этническая принадлежность не всегда находила отражение в документах.

Следует отметить, что все архивные документы, несущие в себе информацию о «поднадзорных», относятся к делопроизводству полицейского ведомства и имеют пометку: «по секрету». То есть особого общественного резонанса факт пребывания ссыльных в Тобольске за собой повлечь не мог. И вообще, их значение для губернии в основном исчерпывается лишь тем, что Казенная Палата выделила на их содержание и отправку определенные денежные суммы.

Наталья Паромова

Искусствовед, член Союза художников России,
научный сотрудник музея ИЗО областного
музейного комплекса имени И.Я.Словцова

Гроза двенадцатого года

Музейный комплекс имени И.Я.Словцова подготовил две экспозиции в память об этом событии. Дом-музей Колокольниковых подготовил выставку «Недаром помнит вся Россия про день Бородина», а Музей изобразительных искусств – выставку «Гроза двенадцатого года».

Можно предвидеть скепсис – как может Тюмень представить в музейном варианте отражение столь эпохального события далёкого 1812 года? Не торопитесь с выводами. В Доме Колокольниковых был исторический аспект Отечественной войны 1812 года и, прежде всего, роль Тобольского пехотного полка в этом великом событии. Музей изобразительных искусств развернул галерею живописных и графических портретов знаменитых героев войны двенадцатого года. Название выставки – это строка А.С.Пушкина из X (сожжённой) главы «Евгения Онегина»:

***Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?***

В центре нашей экспозиции – парадный портрет императора Александра I. После победы России над великим полководцем Наполеоном, его слава, как и слава нашей державы, была велика. Рядом в витрине – уникальные предметы из фарфорового сервиза XVIII века, который носит название «Георгиевский». Этот сервиз заказала лично императрица Екатерина II в честь приёма кавалеров императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Орден был учреждён ею в 1769 году. И ежегодно 26 ноября (7 декабря) в самом большом с золочёными колоннами великолепном зале Зимнего дворца проходил парадный приём и обед в честь кавалеров этого ордена.

Св. Георгий имел четыре степени, присваивался только за ратные подвиги, а не за выслугу лет и ценился выше всех наград, несмотря на то, что в табели высшим орденом Российской империи считался орден св. Андрея Первозванного. Стоит привести строки письма великого полководца

А.В.Суворова, не знавшего ни одного поражения в сражениях. Своей любимой дочери Наташе он пишет: «Получил знак Андрея, а выше, голубушка, первый класс Георгия. Вот каков твой папенька! Чуть от радости не помер».

За всю историю ордена, с 1769 по 1917гг., полных четыре степени имело только четыре человека:

генерал-фельдмаршал М.И.Кутузов-Смоленский,
генерал-фельдмаршал М.Б.Барклай-де-Толли,
генерал-фельдмаршал И.И.Дибич-Забалканский,
генерал-фельдмаршал И.Ф.Паскевич-Эриванский.

В небольшом зале Музея ИЗО были, прежде всего, портреты, созданные в графическом варианте с известных изображений Военной галереи Зимнего дворца. Здесь – «лица полные воинственной отваги <...> начальников народных наших сил», каждый из которых отличился при Бородине, имел ордена св. Георгия, золотое Георгиевское оружие с надписью «За храбрость». Некоторые имена у всех на слуху: Багратион, Раевский, Ермолов, поэт-партизан Денис Давыдов, атаман Платов. Но есть и те, что при огромной значимости в истории антинаполеоновской кампании нам не знакомы. Скажем, Карл Фёдорович Толь. Любимый ученик М.И.Кутузова, прославившийся ещё в русско-турецкой войне и знаменитом Итальянском походе А.В.Суворова через Альпы, а также в сражении при Аустерлице. В 1812г. он был начальником штаба. Именно ему принадлежит выбор поля для решающего сражения под Москвой. К западу от Можайска, возле деревни Бородино, именно Толь решил – здесь развернётся главная битва. Наполеон, анализируя свои военные действия, сказал, что из всех сражений самое великое и кровопролитное – это сражение под Москвой, где французы показали себя настоящими героями, а русские показали, «что они непобедимы».

А многие ли знают «беззаветно храброго», «народного генерала» Я.П.Кульнева, любимца солдат? Он, преследуя армию Наполеона, безнадежно ждавшую заключения мира и бежавшую из занятой ею Москвы, попал под огонь артиллерии у местечка Кястицы в Белоруссии – на своей родине. И смертельно раненый крикнул солдатам: «Друзья! Не уступайте ни пяди родной земли! Победа вас ожидает!». Наполеон так аттестовал Кульнева: «Это один из лучших русских генералов».

Небольшой миниатюрный графический портрет молодого красавца М.А.Милорадовича, серба по происхождению, останавливает на себе взгляд любого зрителя. Вдохновенное, благородное лицо воина. Он отличался поразительным бесстрашием. Французы называли Милорадовича «русский Баярд» – именем своего национального героя, средневекового рыцаря без страха и упрека. Милорадовича обожали солдаты, он имел высокий авторитет у офицеров. А.В.Суворов считал его одним из лучших своих учеников. Именно

Милорадович во время Итальянского похода пошёл первым по горящему мосту через переправу, увлекая за собою солдат, и успешно завершил этот рискованный переход. Именно он одним из первых вступил на страшный Чёртов мост – через пропасть в Альпах. Он – участник всех кровопролитных битв антинаполеоновской кампании: при Аустерлице, под Малоярославцем и Вязьмой, битве возле села Красное. Он – герой Бородина. В Европе при отступлении Наполеона Милорадович участвовал в сражениях при Кульме, Бауцене, «битве народов» под Лейпцигом, взятии Парижа. И, как заговорённый, бросаясь в самое пекло боя, молодой генерал ни разу не был ранен! После Отечественной войны 1812г. Милорадович – генерал- губернатор Петербурга.

В роковой день, 14 декабря 1825 года, декабристы вывели войска на Сенатскую площадь, будущий государь Николай Павлович направляет на переговоры с бунтовщиками именно Милорадовича. Он знал, каков его авторитет у солдат! И при обращении героя - генерала к полкам солдаты стали колебаться. «Он испортит нам всё!», – декабрист Каховский стреляет Милорадовичу в спину, тот падает с лошади, Оболенский вонзает ему штык в бок, солдаты уносят раненого в госпиталь. Когда доктор вынул пулю, пришедший в себя Милорадович просит показать её. «Слава Богу, не солдатская», – произносит он. Предсмертная просьба к государю: освободить всех его крепостных, что было выполнено. Так погиб прошедший невредимым 50 сражений генерал Михаил Андреевич Милорадович, беззаветно любивший свою вторую родину – Россию.

В редком издании гравюр Великого князя Николая Михайловича, которое хранится в нашем музее, есть серия портретов братьев Тучковых – старинной дворянской потомственной военной семьи. Совершенно удивительны их лица (хочется сказать лики).

Старший Николай Алексеевич Тучков-первый, пал смертью храбрых на Бородинском поле. Тучков Сергей Алексеевич-второй находился в резервной армии, которая должна была защищать Северную столицу – Петербург от возможного наступления неприятеля. Тучков Павел Алексеевич-третий командовал бригадой 2-й пехотной дивизии, которая перекрыла дорогу на Лубино, чтобы неприятель не пошёл в обход и не разделил русскую армию. Затем без отдыха бригада вступает в бой при Бородино. Во время сражения под Тучковым-третьим убита лошадь. Солдаты под его командованием неоднократно идут в стремительные штыковые атаки, рукопашные схватки. В одной из них находящийся впереди своих подчинённых генерал получает тяжёлое ранение штыком и сабельный удар в голову. В бессознательном состоянии он попадает в плен. Товарищи считали его погибшим. Но Тучков-третий, получивший врачебную помощь, был представлен Наполеону, который обратился к нему с просьбой связаться со старшим братом

Николаем, служившим под началом Барклая де Толли, чтобы тот обратился к императору и объявил ему о готовности французов к переговорам. Тучков отказался. Он не знал, что Николай уже погиб. Сумел вернуться Тучков-третий в Россию из Франции только в 1814 году.

Особенна, романтична и трагична судьба Тучкова-четвёртого, Александра Алексеевича. Именно ему посвящает своё стихотворение «Генералам двенадцатого года» Марина Цветаева:

***Ах, на гравюре полустёртой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвёртый,
Ваш нежный лик,
И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...***

Не знали сна многие завидные невесты России, встречая на раутах романтического красавца Александра Тучкова. Но он влюбился в умную, очаровательную, грациозную Маргариту Михайловну Нарышкину, которая, к несчастью, была замужем за светским львом, кутилой, картёжником и ловеласом П.М.Ласунским. Брак был печально несчастлив. Маргарита Михайловна скрывала это даже от своих родителей. Но когда мать Маргариты Михайловны узнала об оскорбительном и наглом поведении зятя, то решительно подала прошение в Синод о расторжении брака своей дочери. В то время добиться этого было исключительно трудно. Но «слава» Ласунского была столь дурна, что развод прекрасная Маргарита получила. Когда Александр Тучков-четвёртый, узнав о перемене её судьбы, просил у родителей Маргариты Михайловны её руки, то получил решительный отказ. Это заставило красавицу свалиться в тяжёлой нервной горячке, а Тучков уехал «на театр военных действий» в Европу. Россия уже воевала с Наполеоном в качестве союзника Австрии. Только через четыре года они поженились и дали друг другу обещание никогда не разлучаться, ибо так долго пришлось ждать своего счастья. Молодой генерал Тучков-четвёртый почти постоянно находился на марше в походах, и его всегда сопровождал молоденький хрупкий денщик. Это была его супруга, переодетая в солдатскую форму. В роковой день Бородинского сражения Маргарита Тучкова была на правой стороне поля, в деревне Семёново, где непрерывно слышалась страшная канонада. Весть о гибели мужа её потрясла. Он поднял в атаку солдат, под шквальным огнём шёл впереди со знаменем. Вражеское ядро настигло мужественного воина. Супруга не покинула поля, где был убит её дорогой муж. Здесь было 50 тысяч погибших. Двое суток подряд, днём и ночью с факелом в руке она обходила это страшное огромное поле. Её сопровождал

иеромонах ближайшего монастыря, который непрерывно читал зауспокойные молитвы о воинах, на поле брани павших. Тело мужа Тучкова не нашла. По опросу солдат выяснила, что генералу ядром повредило обе ноги, но его не бросили, положили на носилки, и тут накрыло взрывом и его, и тех, кто пытался спасти своего командира. Осталась только огромная воронка... Маргарита Михайловна Тучкова исполнила своё обещание мужу, не рассталась с ним и после его гибели. Она воздвигла возле Бородинского поля храм Спаса Нерукотворного, положила памятную надгробную плиту, где было начертано имя героя Александра Тучкова-четвёртого, и поселилась рядом. А спустя некоторое время основала здесь Спасо-Бородинскую женскую обитель. Приняла постриг с именем монахини Мелании. Судьба была к ней немилосердна. Здесь в монастыре она похоронила и своего единственного 14-летнего сына Николая. Потом была возведена в сан игуменьи монастыря с именем Мария. Именно такой портрет печальной игуменьи висит на выставке рядом с романтическим Александром Тучковым. Матушка Мария – Маргарита Тучкова пережила своего мужа на сорок лет. Она погребена в обители, в семейной усыпальнице Тучковых. «Любовь века» – так называли высокую преданность Александра и Маргариты Тучковых.

И ещё один интересный факт. Все знают бородинский хлеб – маленький, тёмный, ржаной кирпичик. Это – память о великой любви и скорби Маргариты Тучковой. Этот хлеб впервые испекли в её Спасо-Бородинской обители.

История любви Тучковых производила неизгладимое впечатление на школьников, которые посещали выставку «Гроза двенадцатого года» тюменского музея ИЗО. И когда на мероприятии «Женщины, война и любовь» вынесли на подносе бородинский хлеб (многие ни разу его не ели, а некоторые и не знали, что такой продаётся в магазинах), то надо было видеть, с каким благоговением брали дети маленькие ржаные кусочки!

Кстати, экспозиция «Гроза двенадцатого года» открылась небольшой выставкой детских рисунков. Здесь – великолепные портреты Багратиона, Милорадовича, Кутузова, Маргариты Тучковой и кавалерист-девицы Надежды Дуровой. Это – первая в мире женщина - офицер. Она была награждена орденом св. Георгия.

Наша выставка была ознаменована конкурсом чтецов. Ребята отнеслись к этому мероприятию весьма серьёзно. Звучали стихотворения не только Лермонтова, но и Дениса Давыдова, Фёдора Глинки, Марины Цветаевой, была проза – отрывки из романа «Война и мир» и др. Жюри было сложно с определением первых мест, но что самое замечательное – выступали юные поэты, которые прочли стихотворения собственного сочинения. Так что уместно произнести слова А.С.Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно»!

Наталья Тереш

Корреспондент газеты «Тюменские известия»,
член Союза журналистов России,
Заслуженный работник культуры РФ

Наследники богатырей*

«История учит того, кто хочет учиться», – вот лейтмотив круглого стола «1812 год: а богатыри ли мы?...», который провёл в Тюмени Александр Крупин – депутат областной Думы, региональный координатор партийного проекта «Историческая память» ВПП «Единая Россия» и государственно-патриотического клуба. Была у этой встречи и сверхзадача: примерить на себя «доспехи» героев Бородинского сражения.

Вперёд, за рамки школьного учебника!

Что знает большинство сегодняшних школьников о той Отечественной войне? В основном лишь то, что «она когда-то была». Самые «продвинутые» напрягут память – процитируют несколько строк из Михаила Лермонтова. Учителя могут прийти в ужас, узнав о том, к примеру, что один из их учеников, занимающий сегодня довольно высокий пост, вызубрив на пятёрку «Бородино», задал родителям глупый вопрос: «Кто кивер чистил весь избитый»... Кивер – это что, туалет?». Ребёнок любопытствовал, хотел знать! Это завидное качество свойственно сегодня далеко не всем школьникам. Их интерес к истории родного Отечества втиснут в рамки учебника, где даже более близкой Великой Отечественной войне отведено несколько страниц. И вот результат... В итогах опроса, который провели несколько лет назад активисты областного поискового центра на юге нашей области, император Франции Наполеон Бонапарт фигурировал в списках «предводителей» войны 1941-1945 годов. Согласно этому опросу, Берлин, поверженный советскими войсками, попал в списки городов-героев. Да что там говорить о школьниках, если ведущая телевизионного проекта «Битва хоров» в минувшее воскресенье, уточняя дату рождения одного из самодеятельных артистов («родился за четыре месяца до Великой Отечественной»), сказала: «Значит, в 1945-м». Оговорилась? Быть может...

* Газета «Тюменские известия», 11 октября 2012г.

Студенты, принявшие участие в круглом столе, с определением точной исторической даты ошибиться не могли. Более того, они пополнили свои знания: собственными глазами увидели знамя 38-го Тобольского пехотного полка, того самого воинского соединения, что храбро защищало батарею Раевского на Бородинском поле.

Копию этой святыни, побывавшую в сентябре 2012 года на праздновании 200-летия битвы, торжественно внесли в зал, где проходил круглый стол, воспитанники областного центра «Аванпост». Славный путь 38-го полка, принявшего участие в 35 больших кровопролитных сражениях, был восстановлен с помощью телевизионщиков ГТРК «Регион-Тюмень» в фильме «Бородино-Монмартр». Заместитель генерального директора телерадиокомпании Юлия Шакурская призналась, что, приступая к работе над фильмом, творческий коллектив располагал минимумом информации о своих героях. Интерес продвигал поиск... Но как пробудить интерес? Юлия Валерьевна предложила один из возможных ответов: «Во время парижской командировки я обратила внимание на то, как активно французские учителя используют музеи для проведения уроков. Далёкое прошлое становится не книжным параграфом, а наглядным, доступным, понятным... Есть и еще одна особенность у музейных уроков – торжественность. Её создает сама обстановка места, что хранит историю».

И совсем нестандартный путь к зарождению интереса к родной истории у самых маленьких граждан нашей страны предложил во

время обсуждения фильма «Бородино-Монмартр» депутат областной Думы, руководитель партийного проекта «Детские сады – детям!» регионального отделения «Единой России» Николай Токарчук.

– Мы готовы, – сказал он, – учредить грант на разработку интернет-игры с боевым участием Тобольского пехотного полка.

А в отношении фильма, созданного творческой группой «Регион-Тюмень», участники встречи были единодушны: с этой поистине исторической лентой должны познакомиться школьники всех учебных заведений. «Чтобы ребята знали свои корни и гордились земляками».

Возможность пополнить копилку своих знаний на этой встрече была предоставлена каждому желающему. Кандидат исторических наук, доцент кафедры Института гуманитарных наук ТюмГУ Ксения Анкушева проинформировала собравшихся о прочной связи Отечественной войны 1812-го с нашим краем, её коллега по институту – доктор исторических наук, профессор Александр Ярков выступил с докладом «Тобояки в Отечественной войне 1812 года». Вот лишь один из примеров высокой гражданской позиции сибиряков, доступный пониманию каждого ребёнка: отец Петра Ершова, автора «Конька-Горбунка», написал просьбу о том, чтобы до окончания войны 1812-го четвёртая часть его жалованья отдавалась в доход государства.

Вернуться к событиям давно минувших лет, преданьям старины глубокой помогут участникам круглого стола подаренные книги – свидетеля

Отечественной войны 1812 года генерала Ивана Скобелева «Письма русского солдата» и «Рассказ старушки о 1812 году» – «не историка и не военного, раскрывающий красоту и величие души русского народа». Эти книги вернулись в свет благодаря Тюменскому издательству «Русская неделя» и финансовой поддержке правительства Тюменской области.

«Не в силе – сила, а в духе»

Дерево сильно корнями, а люди – памятью о своих корнях... В трудные моменты жизни эта память не позволяет нам «раскиснуть» (ведь предкам было куда солонее, а они выстояли), она подсказывает нам непостыдное решение в ситуациях, когда совесть стоит перед выбором (я потомок рода, я не могу его опозорить). Благодарная память ведёт на поиски останков необязательно родных по крови солдат, сложивших свои головы на полях Второй Отечественной войны. Генетическая память диктует маршруты: «Хочу побывать там, где жили, воевали и просто бывали мои предки».

Именно память о деде, который был участником мероприятий по случаю 100-летия Бородинского сражения (я не ошиблась – ещё 100-летия), собрала в путь в 2012-м в подмосковное Бородино члена президиума тобольской городской организации ветеранов войны и труда Татьяну Щукину. Сердце повелело ей побывать там, где век назад её деду вручили памятную медаль «1812. Славный годъ сей минулъ, но не пройдуť содеянные въ немъ подвиги. 1912».

– Прошлась по Бородинскому полю, познакомилась с историческими достопримечательностями, – рассказывала участникам круглого стола Татьяна Дмитриевна, – сфотографировалась у каждой святыни русской славы... *и чувствовала себя победителем.* Думаю, что и дед мой здесь чувствовал то же самое... И когда-нибудь мои внуки испытают здесь то же чувство – гордость за Родину, свою сопричастность к её воинской славе.

Тон урока-дискуссии о подвиге, доблести, славе и о том, передаются ли эти качества по наследству, задал депутат областной Думы Сергей Козлов. Он продемонстрировал блестящие знания отечественной истории и свою гражданскую позицию: «Умение защищать свою Родину – долг каждого мужчины. И великая честь». И «от себя» повторил слова Александра Пушкина: «Я уважаю ту историю, которую дал Господь Бог». Историю, не сложенную под диктовку вседозволенности, а ту, что писана кровью наших предков».

...Полковник, потерявший руку во время Бородинского сражения («Ребята, не Москва ль за нами? Умрёмте ж под Москвой!»), продолжал командовать на поле битвы, «а потом взял эту руку и понёс: если, мол, лекарь скажет, что не сгодится, помолюсь о ней и зарую». Смогла бы я так?

Не знаю! Может, потому, что женщина? А защита Отечества – поле брани мужчин. Хотя не из учебников – из рассказов бабушек мы знаем о том вкладе женщин-тружениц тыла в победу в Великой Отечественной войне.

Руководитель «Аванпоста», офицер Александр Перов заметил, что на этом собрании - круглом столе в большинстве оказались представительницы слабого пола. Недочёт организаторов? Быть может, стоило пригласить на эту встречу учащихся специализированных классов – мальчишек-кадетов, ребят из «Аванпоста», что добровольно готовят себя к предстоящей службе в армии? Или курсантов ТВВИКУ? Но ведь эти ребята уже сделали свой выбор, который продиктовал пример деда, отца, что отслужили в армии как надо, но и... мама. Помните: «С чего начинается Родина? С той песни, что пела нам мать».

«Мать моя, отдавая меня на службу (цитирую строки из книги «Письма русского солдата» - Н.Т.), приказывала: «Исполняй, Иванушка, свято Христову веру, не измени не только присяге, но и честному слову, ...думай об Отечестве более, чем о собственных выгодах, за честь и правду умри! Будет дурно – терпи и не ропщи! Радость с горестью всегда рядом ездят, а часто и на одной телеге. Не забудь, что человек в несчастье только и велик...».

Мама благословляет своё дорогое дитя на службу и подвиги. И это она – свет в окошке отчего дома – видится солдату Родиной, которую он защищает...

«Было их Тучковых пять братьев, – это отрывок из книги «Рассказ старушки о 1812 годе». – И благословила мать четырёх на брань, один был ранен под Смоленском и попал в плен, а двое погибли под Бородиным. Самый молодой из них оставил сына по второму годочку да вдову – Маргариту Михайловну. Думали, она совсем в уме помутится, когда узнала об его смерти. ...Поехала Маргарита Михайловна на Бородинское поле отыскивать его тело. ...Между мёртвых прокладывала себе дорогу да к каждому из них нагибалась, разглядывала его в лицо. ...Не нашла своего друга. Продала она часть имения, и на том месте, где стояли батареи мужа, выстроила в его память монастырь».

Когда читала эти строки, то видела... лица матерей, чьи сыновья погибли в Чечне в начале 90-х годов прошлого столетия. Вот так же, вглядываясь в каждого убитого в мятежной республике, искали своих дорогих деток мамы Димы Минулина, Вити Сухинина, Димы Яника... Ольга Владимировна Милованова искала своего Андрюшу почти три года, была ранена (награждена военным орденом Мужества), собственными руками выгробла из захоронения боевиков плененного ими и погибшего во время арналёта Николая Шелудкова из посёлка Боровский. Потом несла этого мальчика в часть: ведь мама Коли просила: «Найди его, Оля!».

«Хотят ли русские войны? Спросите вы у тишины. Спросите вы у матерей...». Нет!!! Но если доведётся сыновьям нашим встать на защиту Родины, то мама благословит на подвиг своё дорогое дитя. И с материнским самопожертвованием заслонит собой от пули дорогого сыночка. Читайте это ответом на вопрос: «А смогла бы я?».

...Есть немало высказываний - умозаключений по поводу того, что патриотами не рождаются. На свет являются маленькие человечки. Кто может, кто должен, кто призван воспитать из них граждан с честью, достоинством, знанием своей родословной (значит, уже исторической памятью и гордостью, и ответственностью за судьбу Отечества)? Вот случай, когда есть несколько вариантов правильного ответа: школа, армия, общество... И есть упрямая вещь – статистика, согласно которой «в армию охотно идут служить те, чьи прадеды, деды, отцы защищали Отечество». Видимо, это чувство передаётся с генами. Генами высшей пробы, высшей ответственности. И с благословения... Божьего и материнского.

Кто-то должен... Но – кто?

Не мы, рядовые граждане Отечества, диктуем многие из тех решений, что в корне могут изменить судьбу Родины, призвать нас встать в строй – военный, перестроечный, инфляционный. Но от нашей позиции в том строю зависит исход битвы. И от нашей силы, ловкости, умения, храбрости, стойкости... Выстоим – победим, будем гордиться своей историей. И будем повторять слова, сказанные генералом Иваном Скобелевым – героем далёкой войны 1812-го: «Русский солдат ко всему способен...». Выходит, мы, рядовые, пишем только самые значимые строки истории. Часто – собственной кровью.

Параллель между двумя войнами, названными историей Отечественными, провёл в своём выступлении депутат областной Думы Сергей Сергеевич Козлов: – 22 июня 1812 года Наполеон подписал воззвание к своей армии о войне с Россией, в котором есть и такие слова: «Рок влечет за собою Россию, её судьбы должны совершиться». 22 июня 1940 года в Компьенском лесу французское правительство подписало акт о разделе своей страны с Германией. Практически акт о капитуляции. И 22 июня 1941 года Гитлер напал на СССР. Совпадение? Умные люди говорят, что «совпадение» – слово из лексикона глупцов.

Судьба России должна совершиться... Отправляясь на войну, которая впоследствии будет названа Великой Отечественной, наши деды и прадеды знали, чем закончилась великая битва 1812-го. Многим миллионам из них не суждено было узнать, когда и чем завершится та бойня, на которую их вызвала фашистская Германия. Но они верили: «Наше дело правое – победа будет за нами!». Вера (читай – патриотизм) в той войне победила.

Связь времён и готовность к подвигам во время круглого стола подтверждали множеством примеров. Я приведу один. Тот, что знаком мне по акции «Письмо с фронта», которую в течение почти двух лет проводила моя – парламентская – газета «Тюменские известия». Акцию открывали письма Сергея Фёдоровича Петрова – директора Тюменского педагогического института иностранных языков, студента-заочника московского института психологии. В июне 41-го он поехал в столицу сдавать очередные экзамены. Но началась война, и весь курс записался в ряды ополченцев. Сергея Петрова назначили политруком 2-й, так называемой писательской роты 22-го стрелкового полка 1-го батальона. Вот строки из писем, что он писал тогда своему малолетнему сыну со знаменитой (со времен войны с Наполеоном) старосмоленской дороги: «В наших частях – учёные, доктора наук, писатели (Ю.Лебединский – мой заместитель как политрука роты). В общем, люди всех профессий и возрастов, спаянные единой волей и единым стремлением: окончательно разгромить германский фашизм. Все мы горим единым желанием: скорее в бой, чтобы изгнать вторгшегося на нашу территорию жестокого врага»; «У меня на плече винтовка-полуавтомат. Сразу заряжается десятью патронами. Ими я буду стрелять по фашистам»; «Что мне написать своему сынишке Владу? Я думал, вот летом встретимся в Москве, поедем с ним на велосипедах на Бородинское поле, посмотрим великие памятники героических дел русского народа. А пока пришлось мне в походном марше проходить мимо исторических мест»; «Вечер 5 августа 1941-го. Обветшалый сарай на поле. Нависли свинцовые тучи. На западе – взрывы снарядов. В этой обстановке звучит самая великая клятва в жизни: «...До последнего дыхания бить врага, до полного его разгрома»; «Владик, папа научился стрелять из пулемёта! Вчера из 10 пуль в цель попало 8! Вот так я собираюсь скоро бить фашистов»; «А вот сегодня (09.08.1941-го – Н.Т.) я бы рассказал тебе о Смоленске. Недалеко от места, где мы стоим, деревня Апариха, где я родился, там живёт твой дедушка – мой папа. Смоленск – наш областной город. Люблю я его! Смоленск стоит на Днепре. Правый его берег высокий, как у Туры, где стоит институт. Есть в Смоленске старая кирпичная стена. Это – крепость. Она спасла город от набегов поляков. На кургане, за Смоленском, много-много памятников героям первой Отечественной войны 1812 года. Мне было 18 лет, когда я первый раз увидел эти памятники. Я пришёл к ним, снял шапку и низко поклонился праху героев, защитников Смоленска. ...Вчера по радио сообщили, что наши войска оставили Смоленск. Я рассказал бойцам об этом городе. И все мы, бойцы, поклялись громить врага, биться с ним до последней капли крови».

Это одно из последних писем домой, в Тюмень, нашего земляка Сергея Петрова.

«Сейчас (цитирую слова депутата Тюменской областной Думы Сергея Козлова – Н.Т.) у нас находятся моральные уроды, которые считают, что

мы могли бы заключить с гитлеровской Германией союз и избежать страшных жертв. На бытовом уровне это звучит так: сейчас бы ездили на «Мерседесах». Освежу память таких глупцов. Гитлер не собирался дружить с нами, он считал славян низкими существами, недочеловеками. В его программной книге «Моя борьба» читаем: «Негосударственные дарования славянства дали силу и крепость Русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы».

«Мужество, героизм, стойкость характерны в трудные дни для народов наших (повторяю слова ведущего круглого стола депутата Тюменской областной Думы Александра Крупина – Н.Т.). ...Но сегодняшняя Европа через решения ОБСЕ от июля 2009-го уравнила вину фашистской Германии и СССР. Европа требует от России покаяния по примеру немцев, хотя сама Европа, прежде всего, повинна в развязывании самой разрушительной и кровавой войны в истории человечества. Советский Союз стал единственной в мире силой, которая разрушила победное шествие фашистской Германии».

Да что там ОБСЕ, если мы внутри страны уже доболтались до утверждений типа: «Парад Победы на 9 Мая – шествие тех, кто сам убивал». О том, что убивали вынужденно – замалчивается. О том, что, убивая непрошенного на нашу землю врага, освобождали Отечество от порабощения, дарили возможность родиться и жить на мирной земле... Да хотя бы тем же, что позволяют себе сегодня подобные высказывания...

Вот - поле нашей сегодняшней битвы. Идеологической – безоружной. Но судьбоносной.

...Студентки, выступившие в прениях, соглашались: нужно изучать и читать свою историю, гордиться подвигами прадедов. Диссонансом прозвучали слова девушки, призывавшей не тревожить память о тех, кто умер 200 лет назад, вглядеться в день сегодняшний – увидеть брошенных кошек, собак и ничейных, потерявшихся в этой жизни людей. Позаботиться о них. Девушку не осудили, поблагодарили за смелость. За обозначение еще одного поля битвы сегодняшнего, мирного дня.

Будем помнить и гордиться

Юрий Скочин

Студент 3 курса Тюменского колледжа транспорта, курсант добровольной подготовки к военной службе Областного детско-юношеского центра «Аванпост»

Как-то мне позвонили из нашего центра и сообщили, что меня выбрали как одного из лучших курсантов по результатам оборонно-спортивного палаточного лагеря, чтобы отправить в командировку в Москву: посмотреть реконструкцию Отечественной войны 1812 года на Бородинском поле, так как в ней участвовали наши сибиряки Тобольского 38-ого пехотного полка. На время поездки мне вручили на сохранение точную копию знамени этого полка, для меня это была большая честь и гордость от того, что именно я еду от нашего центра «Аванпост».

В Москве нас встретили хорошо, приехали мы туда за 2 дня до реконструкции сражения, чтобы погулять по городу, посмотреть достопримечательности. На экскурсиях мы прошли по Кремлю, побывали в нескольких соборах и на Воробьёвых горах. В последний день, перед выездом на Бородинское поле, нас сводили в музей: мы увидели экспозицию, посвящённую именно Отечественной войне 1812 года. Экскурсовод провёл нас по всем залам, но мне больше всего понравилась панорама Бородинской битвы. На ней показано, как наши сражались врукопашную, где стоял сам Наполеон, но его там не видно совсем, далеко было. Художник даже изобразил, как наши строили так называемый живой мост: когда в канаву ложились солдаты, чтобы по ним проехала повозка. Нарисованы дома, которые уже полуразрушены: в них попало пушечное ядро, всё разгромлено. Очень понравился этот музей. Советую посмотреть тем, кто будет в Москве.

Когда мы приехали на Бородинское поле, погода была пасмурная и дождливая, но нам это не помешало. На самом поле, когда мы пришли, было много народа, даже пройти почти негде было, все выбирали места, чтобы было лучше видно.

Я развернул знамя Тобольского 38-го пехотного полка и шёл с ним. Все фотографировали нас. Когда всё началось, мы заметили точно такое же знамя, которое было у нас, и оно стояло именно там, где в 1812 году

стоял Тобольский 38-й пехотный полк и вёл сражение.

Началось «сражение», начали стрелять из пушек, мушкетов, стало очень дымно, ничего не видно, невозможно было так сражаться, и поэтому все пошли врукопашную. Была очень завораживающая атмосфера.

Раньше я почти ничего не знал о войне 1812 года. Благодаря поездке, я узнал много нового. Меня волновал вопрос, почему этот полк так известен, и узнал, что сибирякам удалось отбить наступление самой лучшей конницы Наполеона, что никому не удалось. Воины Тобольского 38-го пехотного полка сбили всех французов с коней. В том сражении на Бородинском поле погибло очень много наших сибиряков-героев.

Я горжусь своими земляками - героями Отечественной войны 1812 года! Мы все должны гордиться своими предками!

На Бородинском поле. Со знаменем Тобольского пехотного полка

Екатерина Ульянова

Заводоуковск, средняя школа №2,
специализированный класс добровольной
подготовки к военной службе «Русич»

Исход Отечественной войны 1812 года во многом предопределило знаменитое Бородинское сражение. По случаю исторического юбилея у меня появилась возможность побывать в Москве на праздничных мероприятиях и ощутить свою причастность к героическому прошлому.

Сначала мы посетили музей-панораму «Бородинская битва», где находится гигантское полотно, изображающее узловое сражение. Эта экскурсия была для меня очень полезной: я узнала много нового о событиях тех дней.

Реконструкция Бородинского сражения

Оказывается, главнокомандующий русской армией М.И.Кутузов не случайно выбрал Бородинское поле для генерального сражения. Поле очень просторное, на нем смогли развернуться большие массы войск.

Свои силы Кутузов расположил так, чтобы перерезать неприятелю путь на Москву – обе Смоленские дороги. Правый фланг упирался в деревню Горки, где находилась ставка Кутузова. Центр русских войск защищала Курганная батарея, которой командовал генерал Н.Н.Раевский, потому ее называют сейчас батареей Раевского. Левый фланг проходил близ деревни Семеновское. Здесь очень быстро были возведены укрепления – флеши, которые защищали солдаты генерала П.И.Багратиона (Багратионовы флеши). Деревня Бородино находилась между правым флангом и центром. Сражение началось на рассвете. Самыми ожесточенными местами битвы были Багратионовы флеши, где сам генерал в разгар боя был смертельно ранен.

В музее мы увидели экипировку солдат русской и французской армии. У каждого полка русской армии было свое обмундирование, отличительные знаки. Наибольший интерес у меня вызвала форма Александровского полка, так называемые «Черные гусары»: доломан и ментик – черные, воротник – красный, мех ментика офицеров – серый, а у солдат – белый, пояс-кушак – черный, чакчиры – черные. Находясь на панораме Бородинской битвы, чувствуешь дух далекой и грозной поры.

Реконструкция Бородинского сражения

Главной нашей целью, безусловно, было – увидеть реконструкцию эпизодов Бородинского сражения, которая проходила западнее села Бородино. В батальных сценах с обеих сторон участвовало более 3,5 тысяч человек: пехота, кавалеристы, артиллеристы, а также было использовано множество орудий. Обстановку воссоздали участники военно-исторических клубов из России и других стран.

Мы очень долго ждали начала этого события. И вот показались французы. Сначала завязалась перестрелка пушками, по всему полю шел дым. Затем солдаты отчаянно вступили в рукопашный бой. В дыму земля сотрясалась от взрывов. Из-за залпов и выстрелов возникало ощущение, что ты находишься на реальном сражении. До этого мы батарею Раевского видели только на картинках, а благодаря данному событию увидели собственными глазами.

В этой поездке я поняла, что Отечественная война 1812 года – важное событие в российской истории. Война 1812 года вызвала всплеск национального самосознания у русского народа. Победой в этой войне русский народ подтвердил своё мужество и свой героизм, показал пример самопожертвования во благо Родины. Мы не забудем имена тех, кто не дал французским войскам захватить нашу Родину. Кутузов, Милорадович, Раевский, Барклай-де-Толли, Багратион – это великие имена, которые навечно вписаны в русскую историю.

Отечественная война 1812 года – это Великое событие, уроки которого не стоит забывать и сегодня.

Юные патриоты Тюменской области на Бородинском поле

Александр Сомов

Нижняя Тавда, средняя школа, 11 «б» класс,
кадетский класс «Русские Витязи»

За время нашей поездки в Москву и на Бородинское поле мы посетили Кремль, Красную площадь, здание музея-панорамы «Бородинская битва», посмотрели памятник М.И.Кутузову, второй памятник Н.Томского «Михаилу Илларионовичу Кутузову и славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812года», Триумфальную арку и, самое главное, – реконструкцию Бородинского сражения, которая происходила на плац-театре, около села Бородино.

Я впервые видел реконструкцию военного сражения. И, приехав на реконструкцию Бородинского сражения, я был просто потрясён увиденным. Десятки орудий, стреляющих не хуже, чем настоящие, сотни кавалеристов, у которых стоимость лошадей и обмундирования сопоставима со стоимостью легковых иномарок, тысячи пехотинцев в мундирах, практически не отличающихся от оригинальных музейных экспонатов. Мы стояли где-то посередине склона, откуда открывалась почти полная панорама Бородинского сражения. Жаль только, что поле боя было слишком растянуто, и с нашей стороны было практически невозможно разобрать, что происходит на другой стороне. В целом у меня остались сильные впечатления, несмотря на не очень благоприятную погоду.

Я очень рад, что смог побывать на историческом событии своего государства.

Сибирские страницы
военной истории

70-летие
Сталинградской
битвы

Сталинградская битва 1942-43гг.

Оборонительная операция 17 июля – 18 ноября 1942г.

Наступательная операция 19 ноября 1942г. – 2 февраля 1943г.

«Победа наших войск под Сталинградом ознаменовала собой начало коренного перелома в войне в пользу Советского Союза и начало массового изгнания вражеских войск с нашей территории. С этого времени советское командование полностью овладело стратегической инициативой и удерживало ее до самого окончания войны».

Маршал Г.К.Жуков «Воспоминания и размышления».

«Поражение под Сталинградом повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск».

Немецкий генерал-лейтенант Вестфаль.

229-я стрелковая дивизия: Помним. Чтим. Гордимся

**Светлой памяти воинов-земляков 229-й стрелковой дивизии,
участников Сталинградской битвы.**

**Пресс-конференция в редакции газеты «Тюменская область сегодня»
8 августа 2012 года.**

*Участники: главный редактор газеты «Тюменский курьер» Рафаэль Гольдберг;
историк, краевед, публицист Александр Петрушин; главный редактор
газеты «Тюменская область сегодня» Александр Скорбенко; журналисты
Людмила Шорохова, Наталья Худорожкова, Раиса Ковденко, Сергей Кузнецов.*

Александр Скорбенко:

– Почему далекие события важны для современной молодежи? Почему так важно увековечение памяти 229-й стрелковой дивизии?

Александр Петрушин:

– Дивизия попала в сложное положение и сделала все, что могла. На определенное время она задержала наступление фашистских войск на Сталинград. Если бы не они, враг мог бы сразу ворваться в город. Его отделяли всего 150 км по степи. Моторизованные части могли бы легко пройти это расстояние, тогда бы Сталинград пал, фашисты перешли

Рафаэль Гольдберг и Александр Петрушин. Фото Дмитрия Ткачука

Волгу. Сейчас можно только предполагать, как могла закончиться война. 229-я дивизия в составе других соединений 62-й и 64-й армий сделала все, что могла. Поэтому надо отдать им должное.

Рафаэль Гольдберг:

– Я бы добавил четыре слова из выражения, которое первой употребила Ольга Берггольц: «Никто не забыт, ничто не забыто». Но взял бы только первую часть: «Никто не забыт». Бойцы 229-й были молоды, у них не было жен, не было детей. И мы с вами – единственные наследники их памяти. Мы должны сделать все, чтобы она сохранилась.

Александр Скорбенко:

– *Рафаэль Соломонович, Александр Антонович, как 229-я стрелковая дивизия вошла в вашу жизнь? Как она связана с нашим краем?*

Александр Петрушин:

– До 1982 года в официальной истории Тюменской области было известно только одно воинское формирование периода Великой Отечественной войны – 368-я стрелковая дивизия (Тюмень, 1941 год). Она в составе Карельского фронта до 1944 года простояла в обороне, на самом северном фланге советско-германского фронта. Затем пошла в наступление и закончила свой победный путь в Норвегии. Получила почетное наименование 368-я Печенгская Краснознаменная стрелковая дивизия.

Иногда вскользь упоминали 384-ю стрелковую дивизию, сформированную в Ишиме. Почему? В конце 1941-го – начале 1942 года дивизия истекла кровью в обороне под Ленинградом. Перед ней стояла задача – ослабить удары противника на город на Неве. То есть в победных тонах упоминания о ней были неуместны. А два других соединения, которые сформированы в 1941–1942-х годах – 175-я стрелковая дивизия в Тюмени и 229-я стрелковая дивизия под Ишимом, «забыты» всё по той же причине: уж очень печальна их судьба.

Впервые на упоминания об этих дивизиях вышел, когда занимался материалами тюменцев, ставших жертвами политических репрессий 1930–1950-х годов. Их дела находились в секретном на тот период фонде фильтрационно-проверочных дел. Стоит отметить, что ныне он передан на государственное хранение.

Заинтересовался людьми и судьбой «забытой дивизии». Обнаружил, что многие бывшие военнопленные – солдаты и офицеры – из одной и той же 229-й стрелковой дивизии (229 СД). Кроме того, все они были призваны в Красную армию из наших краев. Благодаря этим архивным открытиям в 1982 году, то есть в год сорокалетия Сталинградской битвы, в историю Тюменской области вписали «забытую дивизию» – 229-ю стрелковую дивизию второго формирования.

Теперь стало доподлинно известно, что она формировалась в Ишиме с декабря 1941 по май 1942-го. Личный состав стрелковой дивизии располагался на территории бывшего пионерского лагеря в Синецынском бору, основное ядро составляли призывники 1921–1923 годов рождения. Более двух тысяч рядовых были призваны после досрочного освобождения из мест заключения. Младший комсостав прибыл из учебных батальонов кадровых частей Сибирского и Забайкальского военных округов, а средний комсостав, в основном, из Омского и Свердловского общевоинских училищ.

Рафаэль Гольдберг:

– Стоит отметить, что все новобранцы получали направление не в пехотную дивизию, а поступали в распоряжение начальника Второй ленинградской авиационной школы, которая была эвакуирована в Ишим.

Наталья Худорожкова:

– Почему именно Ишим был выбран для формирования дивизии?

Александр Петрушин:

– Хорошее железнодорожное сообщение с Тюменью. Кроме того, мобилизационные ресурсы: Ишим – это села и деревни, вокруг города их – великое множество. Такие же мобилизационные центры были в Тюмени и Омске. Эти города и стали главными местами формирования дивизий. В Тобольском районе ничего не формировалось, оттуда людей везли в Тюмень. А жителей севера Тюменской области по реке отправляли в Омск.

Александр Скорбенко:

– Для многих 10 августа 1942 года связано с гибелью 229-й дивизии. Каким был этот последний день?

Рафаэль Гольдберг:

– Между Калачом и правым берегом Дона с одной из самых мощных группировок вермахта – шестой армией Паулюса – бились попавшие в окружение 112-я, 147-я, 33-я и 229-я дивизии. Из котла многие выходили, как могли: группами, поодиночке...

Александр Скорбенко:

– Моя бабушка по маминей линии из Калача (хутор Поплавский) не только свидетель, но и участник тех событий – возила снаряды на передовую. Она мне говорила: сынок, ты бы видел, что здесь было. Небо черное, хлебные поля, танки... все горит. Кругом убитые и кровь...

Рафаэль Гольдберг:

– Один из пленных в показаниях о последних днях дивизии говорил, что немецкие танкисты стояли в башенных люках и показывали пехоте, где прячутся советские солдаты. После 9-го августа еще были бои. А 10-го дивизия не вышла

на связь... Погибла. Кстати, недавно найдено письмо немецкого офицера, который писал: «Когда идет в атаку сибирская дивизия, начинается ад».

Александр Петрушин:

– Те события хорошо показаны в фильме Сергея Бондарчука «Они сражались за Родину», как раз те места: переправа через Дон и оборона большой излучины Дона. Страшная жара, хлеба горят...

Людмила Шорохова:

– *Читая архивные документы, обращаешь внимание на факт: немцев, попавших в окружение, свои пытались отбить. Наших же солдат, как и 229-ю СД, бросили на произвол судьбы. Многие советские люди просто сдавались в плен. Почему так?*

Александр Петрушин:

– Будем откровенны: часть населения СССР не хотела воевать, отстаивать сталинский режим. В пленных тогда числилось свыше 5 млн. человек. Неужели они все попали в руки гитлеровцев ранеными, в бессознательном состоянии? Некоторые добровольно переходили на сторону противника. Ведь предшествующий тому большой террор 30-х годов, когда было расстреляно около 600 тыс. человек, вряд ли способствовал популярности сталинского режима. Например, в 1937–1938гг. только на территории Омской области, в состав которой входили и мы, было расстреляно 14 тыс. человек.

Между прочим, одна дивизия! К людям тогда относились, словно к расходному материалу, ресурсам. Поэтому некоторые, в поисках лучшей жизни, переходили к врагу. Кстати, на это и надеялся Гитлер. Ведь с его стороны война с СССР была большой авантюрой: по численности населения наша страна в 2,5 раза превышала Германию. Плюс такие большие территории. Однако гитлеровцы надеялись, что развалит государство при первом же ударе, что СССР рухнет, словно колосс на глиняных ногах. Вспомните оборону Москвы. Собрали 12 дивизий народного ополчения. Призвали тех, кто был освобожден от военной повинности, включая больных людей. В итоге практически все погибли. Нельзя это списывать на просчеты командования, неподготовленность и всеобщую панику.

В армию было мобилизовано 34 млн. человек. И как после этого можно отрицать победу советского народа в Великой Отечественной войне? Это исторический факт. Другое дело, какой ценой далась нам эта победа, и почему потери были столь велики? Погибло 27 млн. человек, из них 9 млн. из действующей армии, остальные – гражданское население. И это ведь не окончательные цифры. Сколько искалеченных судеб! Историки задают вопрос: почему так много погибших? С тех пор минуло почти 70 лет, люди, виновные в смерти миллионов, сами ушли в иной мир. Мы опоздали! Потомки выживших уже забывают о войне. А документы до сих пор закрыты в архивах.

Людмила Шорохова:

– Работа с архивными документами открывает секреты не только прошлого, но и позволяет проследить события, которые порой повторяются с определенной закономерностью. Известны ли вам такие совпадения?

Александр Петрушин:

– По этому соединению было несколько почти мистических совпадений. Напомню, дивизия №229 первого формирования принимала участие в оборонительных боях под Смоленском, Оршей, где попала в окружение и была разбита. Начальник штаба подполковник Гиль-Родионов вошел в историю Великой Отечественной войны как человек, решивший пойти на сотрудничество с гитлеровцами, сформировавший первую добровольческую русскую дружину и участвовавший в антипартизанских действиях. Правда, затем он осознал ошибку и перевел это соединение на сторону партизан. Участвовал в борьбе, впоследствии был вызван на прием к Сталину, награжден орденом, а в 1944 году погиб, попав в окружение противника.

Сменивший его начальник штаба 229-й дивизии второго формирования подполковник Милешкевич практически повторил судьбу своего предшественника: попал в плен, вынужденно пошел на сотрудничество с гитлеровцами, в Русской освободительной армии генерала Власова возглавлял офицерскую школу, противотанковую бригаду. Когда Германию разгромили, у него была возможность остаться в западной зоне оккупации, но Милешкевич отказался и явился с повинной, поскольку в Ишиме проживали жена и двое сыновей. Суд приговорил Милешкевича к 25-летнему заключению в лагерях. В 1957 году досрочно освободили, но прожил он недолго и вскоре умер. Вот и получается, что судьбы двух начальников штабов одного соединения на удивление схожи. Проекты вашей газеты, которые мы посмотрели, подтверждают: в истории войны немало тайн и совпадений, над ними еще предстоит работать. Причем не только в познавательном плане. Этот труд интересен для читателей, особенно молодежи.

На мой взгляд, надо показывать Великую Отечественную войну как героическое, но вместе с тем и трагическое событие в истории нашего государства. Показывать так, чтобы привлечь молодое поколение. Полностью согласен с мнением психологов, утверждающих: исторические события столетней давности не закрепляются в массовом сознании. У нас осталось около 30 лет до векового юбилея Великой Победы. Поэтому замечания ветеранов и пожилых людей, что молодежь ничего не хочет знать о войне, считаю необоснованными. Если рассказывать о войне в исследовательском духе, затрагивая чувственные стороны, показывать события тех лет через конкретные семьи, то, уверен, в детях можно пробудить интерес. Пример тому – областное поисковое движение, которое уже четверть века работает в данном направлении.

Раиса Ковденко:

– Третий состав этой дивизии тоже где-то у нас формировался?

Александр Петрушин:

– Ее формирование происходило в Московском военном округе, фактически даже не остатки взяли, а номер. То есть дивизия погибла, а под ее номером формировали другую и так далее. Состав мог меняться от двух до пяти раз. Номера сохраняли, чтобы не путаться в мобилизационных документах. Когда 229-я дивизия формировалась в Ишиме, у нее был другой номер, мобилизационный – 444.

Сергей Кузнецов:

– В Тюменской области чтут память о 229-й СД?

Александр Петрушин:

– В Тюменской области с большим вниманием и заботой относятся ко всем ветеранам Великой Отечественной войны. Чтут память и о погибших воинах-земляках. Во всех населенных пунктах региона установлены памятники, не стал исключением и Ишим. Здесь недавно появился новый памятник воинам-землякам. Он авангардистский – символ солдата, пропавшего без вести: из монолита вырезана середина, ушел человек и все, осталась только тень. Когда его возводили, было много споров. Но мне он нравится. В отношении памятников у меня свое мнение: мне кажется, что нужно выдерживать чувство меры и чувство вкуса. Потому что, например, Тюмень – город уникальный: у нас сейчас два Вечных огня, а было даже три. И постоянно предлагают: «Давайте еще один памятник поставим!». Памятников можно поставить сколько угодно, а памяти не будет.

Рафаэль Гольдберг:

– Мы называли много соединений, которые формировались в Тюмени. В Ишиме была еще 128-я стрелковая дивизия, которая сформирована в 1939-м году. Она встретила войну 22 июня в литовском городе Алитус. В городе Пскове, который освободила эта дивизия, есть улица 128-й стрелковой дивизии. Но ни в одной деревне, ни в одном поселке, ни в одном городе нашей области нет улицы 229-й стрелковой дивизии.

Людмила Шорохова:

– Иногда эту дивизию называют Сибирской, а такие названия улиц есть.

Александр Петрушин:

– Сибирская – это по принадлежности. Названия такого не было. Хотя в Сибири выгребли все сусеки – на фронт стали призывать семнадцатилетних и восемнадцатилетних. И последние документы нам удалось найти, потому что их давал Тюменский областной военкомат. Я разговаривал с мамами, которые тогда были еще живы, и они рассказывали: сын сам не мог даже в вагон забраться – подсаживали. И в этом документе записано,

что некоторых забраковали потому, что у них рост был меньше 140 см. У нас же произошла демографическая катастрофа! Надо говорить, какой ценой нам это далось! И поэтому этих людей нужно уважать.

Мы планируем провести научно-практическую конференцию, посвященную 70-летию Сталинградской битвы. Рассчитываем это сделать на базе Института истории при Тюменском государственном университете.

Александр Скорбенко:

– Коллектив газеты «Тюменская область сегодня» рад подставить свое плечо, если будет в этом необходимость. Готовы принять участие и в организации конференции. Хочу от всей редакции поблагодарить наших гостей за участие во встрече. Желаем, чтобы ваша работа каждый день давала вам возможность узнавать новые факты истории войны.

Наталья Худорожкова:

– *И еще один вопрос. Александр Антонович, в адрес редакции нередко приходят письма с просьбой помочь найти родных, пропавших без вести. Вот одно из них, его написала тюменка Байсара Хафизовна. Она хотела бы найти своего брата Миннагатдина Габбасова, участника битвы за Москву, но знает о нем только то, что он ушел на фронт из Бухтала. Можно ли по этим данным найти героя-земляка?*

Александр Петрушин:

– У меня уже выработался стандарт, и я могу по некоторым признакам определить, на каком участке фронта служил солдат, в каком соединении. Затем в письме или в телефонном разговоре прошу сообщить все, что знают. Потому что в семьях сохранилось мало документов. Или вообще ничего не сохранилось. Спрашиваю: «Похоронку получали?». Отвечают: «Не помним». Так что исходная часть очень маленькая, потому что данные о погибших в поколениях потеряны.

Когда я думаю о том времени, меня беспокоит такая нравственная категория как цена жизни. Она тогда ничего не стоила. Сравнивая с нашим сегодняшним подходом к этому, можно признать: жизнь тогда не ценили ни вверху, ни внизу. Даже население относилось к жизни по принципу: «Бог дал – Бог взял». Потому в семьях мало что сохранилось. А если это было связано с репрессивными мерами, люди вообще молчали, чтобы никто ничего не знал.

Только после того, как очерк вышел в «Тюменском комсомольце», 229-ю стрелковую дивизию признали участниками войны. До этого они были не признаны. Они долго сидели и ждали, воевали всего один день, попали в плен, но в этом нет их вины. Они вели себя достойно, не уронили ни честь, ни достоинство.

Никто не забыт, ничто не забыто

В период с 25 апреля по 8 мая 2012 года на территории Городищенского, Октябрьского, Суrowsикинского, Серафимовичского, Клетского, Иловлинского, Светлоярского, Калачевского районов отрядами ВРМОО «Поиск» было организовано и проведено 15 поисковых экспедиций.

Приняли участие более 700 волгоградских поисковиков, а также более 250 представителей поисковых отрядов из Ханты-Мансийского автономного округа, Республик Марий Эл, Татарстан, Башкортостан, Саратовской, Самарской, Свердловской, Оренбургской, Астраханской областей, городов Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Нижний Новгород, Екатеринбург, Тобольск. Общим итогом работы экспедиций стало обнаружение останков 583 советских солдат и офицеров, погибших при защите Сталинграда.

Имена 17-ти из них установлены:

1. *Загвоздин Василий Егорович, 1923 г.р., Омская область, пулеметчик 811 СП 229 СД.*
2. *Волыков Алексей Иванович, 1922 г.р., Красноярский край, г.Боготол, сержант 811 СП 229 СД.*
3. *М... Тимофей, Омская обл., мл. сержант 811 СП 229 СД.*
4. *Ткачук Демид.*
5. *Паненко Владимир Николаевич, 1911 г.р., Новосибирская обл. (родственники найдены).*
6. *Шашков Василий Егорович, 1922 г.р., Алтайский край.*
7. *Никитин Иван Александрович, 1922 г.р., Алтайский край.*
8. *Шаронов Александр Яковлевич, 1919 г.р., Московская обл., красноармеец 967 СП.*
9. *Колесов Николай Алексеевич, 1899 г.р., Москва.*
10. *Ткаченко Николай Алексеевич, 1923 г.р., зв. сержант, Казахстан.*
11. *Маслов Алексей Алексеевич, 1919 г.р., Смоленская обл.*
12. *Моничкин.*
13. *Евстигнеев, лейтенант, Куйбышевская область, г.Сызрань.*
14. *Прукин (надпись на мундштуке).*
15. *Лаврентьев (надпись на котелке).*
16. *Иванов Петро (надпись на котелке).*
17. *Кондрат, танкист (надпись на ложе).*

Также найдены обломки разбившегося советского истребителя и останки пилота. В данное время ведется работа по розыску родственников военнослужащих, чьи останки были обнаружены в ходе поисковых экспедиций. Около 20 медальонов, красноармейских книжек, писем и других документов переданы на экспертизу.

Волгоградская региональная молодежная общественная организация «Поиск».

Хроника

Этапы боевого пути 229-й стрелковой дивизии второго формирования

10 августа. 229-я СД вместе с 33-й гвардейской, 196-й, 399-й, 147-й, 181-й СД (находившиеся на правом берегу Дона) оказались в окружении.

По донесениям штаба Сталинградского фронта на 15 августа 181-я, 147-я и 229-я СД продолжали вести бои в окружении в районе поселков Евсеев, Майоровский, Плесистовский. Ставка приказала командованию фронта немедленно организовать спасение окруженных частей. Однако выполнить это требование и организовать встречный удар в сложившейся обстановке было очень трудно.

16 августа. В 6 часов утра в штабе 62-й армии отметили: «Связи с 33-й гвардейской, 181-й, 147-й, 229-й СД установить не удалось. На вызовы по радио не отвечают, при работе на прием не появляются».

Воины окруженных дивизий продолжали пробиваться к главным силам мелкими группами.

Из 10 тысяч солдат и офицеров 229-й стрелковой дивизии второго формирования на левый берег Дона пробилось 750 человек.

Церемония перезахоронения бойцов 229-й и других дивизий. 2012г. Фото из архива ВРМОО «Поиск»

Волгоградские поисковики установили новый памятник. Фото из архива ВРМОО «Поиск»

Материалы о 229-й СД экспонируются:

- в Государственном музее-панораме «Сталинградская битва»;
- в Ишимском краеведческом музее;
- в музее ишимской школы №31.

В Ишимском районе, где была сформирована 229-я СД, установлен обелиск.

В Ишимском районе, где была сформирована 229-я СД и находилось формирование, реконструирована землянка, в постоянном режиме работает маршрут «229-я стрелковая дивизия».

9 июля 1987 года на Калиновской горе, чуть западнее Суровикино, на стыке 147-й и 229-й СД 62-й и 64-й армий открыт памятный знак в честь павших на первом рубеже Сталинградской битвы.

Подготовлено по материалам «Ишимской энциклопедии», г. Тюмень, Тюменский издательский дом, 2010г.

Мнение:

Александр Ярков, доктор исторических наук, Тюменский государственный университет:

– Из исторической справки о судьбе сформированной в ишимском Синицынском бору 229-й стрелковой дивизии поразила информация, что из окружения смогли выбраться к своим немногим больше 700 воинов (по другим сведениям 528 человек).

На том берегу Дона в самом трагическом начале Сталинградского сражения осталось в разы больше. Кто-то еще продолжал (по крайней мере, по данным на 15 августа 1942 года) вести бои в окружении, в районе Евсеев, Майоровский, Плесистовский, а кто-то попал в плен. Не хочу подозревать всех, но были и те, кто сдавался врагу сознательно, ведь более двух тысяч рядовых были призваны после освобождения из мест заключения. Были, очевидно, среди них и «смертельно обиженные» на советскую власть. Именно они оказались самыми «сознательными воинами» Русской освободительной армии бывшего генерала Власова.

Но не о них речь, а о тех фронтовиках, которые делали всё возможное в самые суровые дни войны. Попытаться раскрыть подлинную судьбу пропавших без вести людей, снять с них позорный ярлык предателя – дело чести живых.

Воспоминания:

Тамара Шастунова (Лимахина), ветеран Великой Отечественной войны (из материалов музея ишимской школы №31):

– В первый бой вступили на территории высокой гряды междуречья Солона и Чира. Она растянулась на множество километров и была не приспособлена для боевых действий – открытое пространство. Завязались ожесточенные, кровопролитные бои.

Наш медсанбат обосновался на правом берегу реки Чир. В его составе были и другие ишимские девчата: Люба Малышкина, Лиза Аверина, Мария Родькина, Фаина Федорова, Дарья Крючкова.

Раненые поступали непрерывно. От них узнавали географические названия, где из последних сил держались сибиряки: город Суrowsикино и районы Логовский, Евсеев, Майоровский, участок железной дороги Лихая – Сталинград, Савинская – Нижне-Чирская, хутор Пятиизбянский.

Потом наша дивизия в числе других попала в окружение. Вместе с ранеными несколько дней пытались прорваться к своим, но в районе Суrowsикино попали в плен. Командный состав отделили от рядовых и отправили по железной дороге во Владимир-Волынский, здоровых бойцов куда-то угнали, тяжелораненых расстреляли, а нас погрузили в товарные вагоны и отправили в Германию.

Петр Александров, участник Сталинградской битвы, г. Тюмень:

– Из Скопино нас отправили в Камышин, оттуда пароходом в Сталинград, затем пешим маршем – 120 километров! – на Калач, город на реке Дон. Шли-шли, по понтонам переправились, на гору поднялись. Последовал приказ: «Окопайся!». А как окопываться, если местность гористая, просматривается со всех сторон? Не успели, налетел двухфюзеляжный самолет, сбросил бомбы, ракеты и все – в бой вступили минометы: крошат нас без умолку. Выжил.

Наша разведка ушла в наблюдение. Вернулись с задания, а нам говорят: находимся в окружении. Командир роты связи, к группе которого примкнули, посоветовал: «Ни при каких обстоятельствах не теряйте красноармейскую книжку». Днем прятались в балках и даже в болоте, ночью продвигались к своим. Ох, и много наших полегло тогда! Приедут немцы, бросят одну-две гранаты, расстреляют раненых, уцелевших в плен уведут.

Выжить и выйти к своим помогли уроки разведроты, которые получил в Скопино. Более двух недель с однополчанами находился в котле,

обессилел, оголодал, а впереди полноводная, с быстрым течением река Дон, за ней – свои. Плыву, чувствую, силы покидают, тону... Вдруг вижу мать, которая говорит: «Сынок, жить надо, борись. Жду домой». Откуда только силы взялись, переплыл. Потом были уличные бои за Сталинград, уже в составе 112-й дивизии, Польша. Победу встретил в Берлине.

От редакции

Сегодня с чувством особой гордости мы вспоминаем воинов-земляков 229-й стрелковой дивизии второго формирования. Ценой жизни сибиряки, плечом к плечу с другими защитниками Сталинграда, не дали одной из самых мощных группировок вермахта – шестой армии Паулюса осуществить план: быстрый выход к Волге.

Боевой путь дивизии – всего восемнадцать дней: в первый бой вступили 24 июля 1942 года, а 10 августа она погибла. Из десяти тысяч солдат и офицеров на левый берег Дона из окружения пробилось 750 человек. Из них 70-летие начала Сталинградской битвы и скорбную дату – гибель своей дивизии встречают сегодня пять ветеранов. Это – Мария Бердюгина (Родькина), медсестра 380-го медсанбата; Трофим Попов, живущий ныне в Армизонском; тюменец Петр Александров; Федор Шмелев из поселка Богандинский Тюменского района; Николай Тюрин из села Абатское.

Склоняем головы в знак скорби по всем погибшим. Со словами глубокой благодарности посвящаем всем участникам Сталинградской битвы, которых более шестидесяти, эту публикацию.

Желаем участникам Сталинградской битвы и всем участникам Великой Отечественной войны доброго здоровья, долгих лет жизни.

Материалы подготовили:

Людмила Шорохова, Анна Заева, Ольга Табанаква, Сергей Кузнецов

Александр Петрушин

Историк, краевед, писатель,
член Союза журналистов России,
полковник ФСБ в отставке

Дивизии, пропавшие без вести

Считалось, что в 1941-1942 годах в Тюменской области (тогда она входила в состав Омской) были сформированы 368-ая и 384-ая стрелковые дивизии.

Однако после передачи в сентябре 1991 года Управлением КГБ СССР по Тюменской области на государственное хранение трофейных и фильтрационных материалов на тюменцев, оказавшихся в немецком плену, были обнаружены документальные данные о других соединениях, сформированных в Тюмени и Ишиме, но не упоминавшихся в истории нашего края.

Мобилизационный номер

«Помогите, – обращалась в Тюменский облвоенкомат жительница Екатеринбурга, – узнать судьбу моего отца, пропавшего в 1942 году без вести. Знаю только, что на фронт его отправили в составе 444-й стрелковой дивизии, которая формировалась в Тюмени...».

В действующей армии не было соединения с таким номером. Тогда в тяжелых оборонительных сражениях стрелковые дивизии сгорали в течение нескольких дней. От них оставались только номера, которые присваивались новым формированиям.

Некоторые дивизии, например, рожденная ещё в августе 1919 в Тюмени 51-ая стрелковая дивизия, награжденная за разгром колчаковцев в Сибири орденом Красного Знамени, а за изгнание врангелевцев из Крыма удостоенная почетного наименования «Перекопская», в Великую Отечественную войну дважды попадала в окружение на Южном фронте, и поэтому трижды полностью менялся её личный состав.

Сосредоточенные в глубоком тылу резервы числились в созданном 29 июня 1941 года Главном управлении формирования и укомплектования Красной армии под так называемыми «мобилизационными номерами», их количество зашкаливало за четырехсотую отметку – 443-й выпал Томску, а 444-й – Тюмени...

При выдвижении на фронт мобилизационные номера менялись на наименования разгромленных к тому времени дивизий.

В протоколе допроса Анатолия Вячеславовича Сыропятава, 1915 года рождения, уроженца Тюмени, отмечено: «... В 1941 году, на третий день войны, меня призвали в армию и направили на учебу в Тюменское первое пехотное училище. В октябре 1941 года в составе 56-й стрелковой бригады, которая входила в 1-ю Ударную армию, отправили на фронт под Москву. Во время контрнаступления 1 декабря 1941 года был ранен и отправлен в госпиталь в г. Горький. После выздоровления возвратился в Тюмень для продолжения учебы в пехотном училище, но здесь в феврале-марте 1942 года формировалась 444-ая стрелковая дивизия, и меня зачислили командиром орудия в артиллерийский взвод 728-го стрелкового полка этой дивизии. 4 марта 1942 года её отправили на Юго-Западный фронт. В пути переименовали из 444-й в 175-ю стрелковую дивизию и включили в состав 28-й армии, которая сосредотачивалась для наступления на харьковском направлении...».

Так было установлено ещё одно (третье!) соединение, сформированное в Тюменской области и получившее в наследство номер дивизии, погибшей в сентябре 1941 года в окружении под Киевом.

«... 1 августа 1941 года Лозовым райвоенкоматом Харьковской области меня призвали по мобилизации в Красную армию и зачислили в 454-й отдельный батальон связи. До октября 1941 года мы находились в г. Славянске, но с приближением фронта наш батальон был эвакуирован в г. Тюмень, где с ноября 1941 по март 1942 года формировалось новое соединение, которое получило номер 175-й стрелковой дивизии. В марте 1942-го года её перебросили на фронт под Харьков. Находились в обороне до 10 мая, после чего пошли в наступление...». (Из протокола допроса Ивана Ивановича Метальникова, 1903 года рождения, уроженца д. Башкирской Половинского района Курганской области, зоотехника Ныдинского оленсовхоза – п. Нумги Надымского района).

Кто-то где-то ошибся

Чтобы понять трагедию наших земляков, считавшихся более шестидесяти лет пропавшими без вести, надо хотя бы в общих чертах представить замысел советского военного командования весной 1942 года в районе Харькова.

Планировалось двумя ударами – с северо-запада, от Волчанска, и с юга, от Барвенкова, – срезать, так называемый, «барвенковский» или «изюмский» выступ, окружить и разгромить группировку противника, овладеть городом Харьковом и продолжить освобождение Украины.

В разгроме 6-й армии генерал-полковника Фридриха Паулюса, силы которой оценивались в 13 дивизий, в том числе одну танковую, предстояло принять участие 23 стрелковым, 6 кавалерийским дивизиям, 19 танковым (925 танков) и 4 мотострелковым бригадам Юго-Западного фронта.

Вновь сформированная 28-я армия генерал-лейтенанта Дмитрия Ивановича Рябышева состояла из 13-ой гвардейской, 38-й, 162-й, 169-й, 175-й и 224-й стрелковых дивизий, 6-й гвардейской, 6-й, 84-й, 90-й танковых бригад. В своих послевоенных мемуарах Рябышев отметил, что его бойцы «были вооружены автоматами, имели артиллерию и противотанковые ружья».

Василий Кузьмич Кропоткин, 1911 года рождения, уроженец Тобольска, после освобождения из плена при фильтрации показал: «В 1937 году я поступил в военно-ветеринарную академию, которую окончил в феврале 1942 года, был направлен в Свердловск, а затем – в Тюмень, на место формирования (444-й) 175-й стрелковой дивизии на должность начальника ветеринарной службы этой дивизии... Она была, в основном, на конной тяге, поэтому мне пришлось принять и пересмотреть значительное количество лошадей для артиллерийского полка и обозов в стрелковые полки. Осмотр и прием лошадей производили на площади, вблизи горвоенкомата. По тому штатному расписанию наша дивизия была полнокровной. В марте 1942 года она выступила на фронт под Харьков, где вошла в состав 28-й армии...».

Наступление войск Юго-Западного фронта началось 12 мая. Поначалу 28-я армия преодолела главную полосу вражеской обороны и вышла на подступы к Харькову.

Алексей Васильевич Копейкин, 1924 года рождения, уроженец с.Нижний Манай Ново-Заимского района Тюменской области на допросе показал: «В июне 1941 года учился в Тюменском сельхозтехникуме, а со 2 июля продолжил учебу в Тюменском пехотном училище. 15 декабря 1941 года мне присвоили звание лейтенанта и назначили командиром взвода в 728-й стрелковый полк 175-й стрелковой дивизии, которая формировалась в Тюмени. 4 марта 1942 года дивизия была отправлена на Юго-Западный фронт, где в составе 28-й армии наступала на город Харьков. Но уже 18 мая нам отдан приказ занять оборону между селами Муром и Старица...».

Советские войска угодили в ловушку. Ни в Ставке Верховного главнокомандования в Москве, ни в штабе Юго-Западного фронта не заметили, что в районе Краматорска скрытно сосредоточилась группа армий генерал-полковника Эвальда Клейста с большим количеством танков.

15 мая эта группировка нанесла мощный удар по флангу советского наступления. Нужно было остановить движение вперед и повернуть

против этого удара все силы фронта. Но останавливать так удачно начавшееся наступление не хотелось. Самонадеянность и пренебрежение к противнику погубили ситуацию. Когда повернулись навстречу танкам Клейста, было уже поздно. 22 мая эти танки форсировали Северный Донец и соединились с частями армии Паулюса. Три советские армии оказались в окружении. Пробылись в ночь на 29 мая немногие. Остальные погибли или попали в плен.

Сыропятков: «... Меня тогда ранили, и я лежал в полевом госпитале санбата. Когда стали отступать, нас решили эвакуировать в тыл. Раненые ехали на санитарных повозках вместе с обозами армии. Но нас догнали немецкие танки и стали давить лошадей и повозки, расстреливать убегающих людей. За танками следовали мотоциклисты, которые согнали оставшихся в живых в колонну и погнали на станцию Кантемировка. Там был устроен сборный пункт пленных – около 15 тысяч человек. Потом на автомашинах нас перевезли в Харьков, в тюрьму на Холодной горе. Там я пробыл до 17 июня. За все это время нас ни разу не покормили...».

Кропоткин: «... Особенно тяжелые бои начались в конце мая – начале июня, когда немцы перешли в контрнаступление. По приказу командира дивизии генерала Кулешова, я и ординарец Крикин верхом на лошадях выехали во второй эшелон обороны между населенными пунктами Муром и Горьково, в которые уже просочились немцы...».

Копейкин: «... 10 июня 1942 года немцы повели массированное наступление. Мой взвод занимал оборону в лесу на проселочной дороге. Первую атаку немцев мы отбили. Тогда они пошли в обход и, прорвав оборону на флангах, окружили... После минометно-артиллерийского обстрела был разрушен наш дзот. Когда я переносил пулемет на другое место, немцы атаковали нас с тыла. Меня ударили прикладом по голове, и я потерял сознание. Очнулся уже в хате в селе Старица. Там всех попавших в плен на нашем участке обороны пешком под конвоем погнали в Харьков. Пять дней мы ничего не ели и не пили... На станции Дергачи нам дали по стакану гречневой крупы и подсолнечных семечек, что мы съели в сыром виде. А потом кормили два раза в день сырыми отрубями, разведенными в воде, примерно пол-литра на один раз. Там же командный состав отделили от рядовых и отправили по железной дороге во Владимир-Волынский...».

Командир 175-й стрелковой дивизии 49-летний генерал-майор Александр Демьянович Кулешов тоже попал в плен и погиб в концлагере в 1944 году.

Бои, которые шли с мая по сентябрь 1942 года на юге страны, оказались крайне неудачными для Красной армии. Потери составили более 600 тысяч бойцов и командиров, причем чуть не половина числились пропавшими без вести. Согласно донесению штаба Сталинградского

фронта начальнику оперативного управления Генерального штаба Красной армии от 17 июля 1942 года, в расположение частей фронта из 175-й стрелковой дивизии вышло 353 человека.*

Почему эту трагедию скрыли от народа? На этот вопрос ответил сам Сталин в секретном письме Военному совету Юго-Западного фронта: «...Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе – с потерей 18-20 дивизий, которую пережил фронт и продолжал ещё переживать, то я боюсь, что с вами бы поступили очень круто...».

За ошибки и просчеты бездарных военачальников позор военного поражения испытали наши пленные.

Копейкин: «...Из Харькова во Владимир-Волынский нас отправили в офицерском эшелоне. Двое бежали, но их поймали с собаками и закололи штыками. После этого в наш вагон добавили ещё 20 пленных офицеров. В дороге нам выдали на пятерых 500 граммов хлеба и по ложке кислой капусты. Во Владимире-Волынском до нашего приезда 26 июня 1942 года было по списочному составу около 17 тысяч советских офицеров, но из-за смертности от голода и болезней осталось только три тысячи вместе с нами. Там мне присвоили номер военнопленного офицера – 15120. Потом через г.Ченстохов нас привезли в Нюрнберг, где отобрали обувь и ремни, и в таком виде, босых и совершенно истощенных, прогнали по городу к лагерю военнопленных. Кто от голода не мог идти, того мы несли на руках.

Обещали наступать

К середине июля 1942 года советскому командованию стало ясно: разбитые и отступающие войска Юго-Западного фронта, преобразованного в Сталинградский, не могут остановить врага.

Поэтому на Сталинградское направление Ставка выдвинула из своего резерва 62-ю, 63-ю и 64-ю армии. Всего к 20 июля Сталинградский фронт располагал 38-ю стрелковыми, тремя кавалерийскими и восемью стрелковыми бригадами. Из них 18 дивизий были свежими и полностью укомплектованными личным составом и артиллерией.

«В красную армию меня призвали в декабре 1941 года Абатским райвоенкоматом и зачислили в 229-ю стрелковую дивизию, которая формировалась в Ишиме. 1 мая 1942 года нас отправили в г. Скопин

---

* Решением Ставки Верховного Главнокомандования с 12.07.1942г. Юго-Западный фронт был ликвидирован, и образован Сталинградский фронт. Командующий Сталинградским фронтом – Маршал Советского Союза С.М.Тимошенко. Член Военного совета фронта Н.С.Хрущев. Штаб фронта – Сталинград.

Рязанской области, где мы получили новое обмундирование и оружие. Командиры и комиссары обещали нам, что мы будем наступать. В июле дивизия по железной дороге прибыла в г. Сталинград. Дальше почти 150 километров до рубежа обороны на правом берегу Дона мы шли пешим строем...». (Из протокола допроса Кирилла Павловича Фадеева, 1923 года рождения, уроженца д. Погорелка Абатского района).

229-я стрелковая дивизия была вторично сформирована с 12 декабря 1941-го по 10 марта 1942 года в городе Ишиме и на станции Называевской. В составе дивизии – 738-й, 804-й и 811-й стрелковые полки, 647-й артиллерийский полк, 130-й истребительно-противотанковый дивизион, батальоны: саперный, связи, медико-санитарный, зенитно-пулеметный, учебный; роты – химзащита, разведки, автомобильного подвоза. Свой штаб, особый отдел НКВД, ветлазарет, автохлебопекарня, мастерская по ремонту вещевого имущества. Все эти подразделения были укомплектованы, в основном, призывной молодежью 1923 года рождения. Почти 10 тысяч человек! После крестьянского восстания 1921 года, поверив в ленинский НЭП, женщины в Сибири рожали часто. Все больше мальчишек. Думали – работников. Оказалось – солдат.

«...В декабре 1941 года меня Тюменским горвоенкоматом призвали в 811-й полк 229-й стрелковой дивизии. Полк находился на станции Называевской. В мае части дивизии передислоцировали в Рязанскую область. Нам говорили, что скоро пойдем в наступление...». (Из объяснения Александра Никитича Нестеренко, 1923 года рождения, уроженца д. Красногорка Исетского района).

«...В декабре 1941 года Абатским райвоенкоматом был призван в 229-ю стрелковую дивизию минометчиком в 783-й стрелковый полк, который дислоцировался в Ишиме. Нас готовили к наступлению». (Из протокола допроса Николая Павловича Шувасова, 1923 года рождения д. Водолазово Абатского района).

Вместо обещанного наступления 229-й стрелковой дивизии пришлось занять оборону в большой излучине Дона. Находившиеся там 62-я и 64-я армии имели десять стрелковых дивизий, две морские стрелковые и три танковые бригады, восемь курсантских полков, шесть отдельных танковых батальонов – 160 тысяч человек, 2200 орудий и минометов, 400 танков.

Но немецкие войска смяли советские заслоны и 25 июля нанесли главный удар на участке 229-й стрелковой дивизии, которая держала 15-километровую оборону всего лишь пятью батальонами, остальные четыре батальона и артиллерия ещё находились на марше. В боевых порядках дивизии было пять танков КВ, десять Т-34 и двадцать Т-60.

Противник сразу бросил на необстрелянных бойцов две мотопехотные и танковую дивизии, ими командовал генерал-лейтенант Вальтер Зейдлиц, отмеченный за удачный прорыв высшей наградой рейха – Рыцарским крестом с дубовыми листьями.

Командующий 64-й армией генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков вспоминал: «...Я видел, как немецкие танки под прикрытием авиации врезались в оборону 229-й стрелковой дивизии. Завязался бой. Наши тяжелые танки выдержали атаки, зато легкие Т-60 понесли потери и расплозились по оврагам».

Во второй половине дня вражеские танки и автоматчики ворвались на командный пункт дивизии.

«...В ноябре 1941 года я призван Казанским райвоенкоматом на военную службу и зачислен в 229-ю стрелковую дивизию, в штаб, в 4-й отдел старшим писарем. 1 мая 1942-го дивизию отправили на фронт под Сталинград. Штаб дивизии располагался в станице Савинская. Командиром дивизии был полковник Сажин, комиссаром – Бандурин, начальником штаба, моим непосредственным начальником – подполковник Мелешкевич, начальником 4-го отдела штаба–интендант 3 ранга Королев, который до войны работал в Тюменском горвоенкомате, начальником 3-й части – следователь военной прокуратуры дивизии Шапран – бывший прокурор Казанского района... Немцы окружили штаб». (Из протокола допроса Алексея Андреевича Андреева, 1906 года рождения, уроженца г.Красногвардейска Ленинградской области, агронома из Казанского района).

Начальник политотдела 64-й армии Михаил Смольянов отмечал: «Это был самый тяжелый момент боя, когда навалилась вся громада танков и авиации. Командир 229-й дивизии полковник Федор Сажин, человек железной воли, спокойный, уравновешенный, бесстрашный, комиссар дивизии Тихон Бандурин и начальник штаба подполковник Матвей Мелешкевич возглавили контратаку. Усилить погибающие батальоны было нечем – все резервы находились на левом берегу Дона».

«Мои дорогие Анечка и Веруся. Я жив и здоров. Вот уже 15 дней горю в жарком бою. Вы, очевидно, по радио слышали, как мои богатыри громят немчину. Вот уже не стало опасно, и до 50 танков рухнули на поле боя. Можно считать, что час расплаты с врагом близится. Правда, враг еще очень силен... Я лично и ночь, и день на поле боя, едим и спим на бегу. Ну, мои родные, живите дружно, будьте здоровы. Целую, ваш и вас любящий Федя и папа».

Это было последнее письмо полковника Сажина. Вряд ли он хотел и мог написать обо всем, что происходило в эти дни с ним, с его дивизией и со всей Красной армией.

Окружение

В пять часов утра 26 июля, после артиллерийской подготовки авиационного налета, до ста немецких танков прорвали оборону 229-й стрелковой дивизии и устремились к переправам через реку Чир, приток Дона.

«...Немцы нас окружили. Их танки не остановились, стреляя из орудий, шли на наши окопы. Взрывом снаряда меня оглушило, ранило в правое плечо и завалило землей». (Из объяснения Александра Павловича Фокина, 1922 года рождения, уроженца д. Ново-Выигрышнево Аромашевского района).

Степные высоты от канонады затягивались пылью и дымом. Горели травы и нескошенная пшеница. Подмога не шла. В наскоро отрытых окопах, задыхаясь от зноя и чада, сражались и умирали полки, батальоны и роты тюменской дивизии.

Еще, казалось, удастся закрыть прорыв, остановить врага и не допустить его к Чиру и Дону. Но в медсанбаты, артпарки и обозы кто-то сообщил: немецкие танки в двух-трех километрах. И многие бросились к переправам. Возник ад кромешный, все перемешалось: автоколонны, беженцы с пожитками, коровы, повозки с ранеными и фургоны со снарядами... Крики, ругань, стрельба... Германская авиация засыпала мосты бомбами. Танки противника вышли к станции Нижне-Чирской и разом захватили переправы через Чир и Дон.

В окружении на правом берегу остались четыре советских дивизии, в том числе и 229-я.

«...В Красную армию я был призван в октябре 1940 года Тобольским райвоенкоматом и направлен в г. Владивосток. 13 июля 1942 года в составе минометного дивизиона 208-й стрелковой дивизии выехал на фронт под Сталинград. В августе четыре наших дивизии попали в окружение и до сентября вели бои. Потом нам дали приказ: собираться всем в кучу около села Юркино и делать прорыв. 11 сентября произошел налет немецкой авиации на наши позиции. Оставшиеся в живых после этого налета бойцы, я в их числе, были пленены немцами. Нас, в количестве 25 тысяч человек, построили в колонны и повели на Ростов. 15 сентября в местечке Цимля на нашу колонну налетел немецкий самолет и открыл огонь из пулемета. Во время обстрела многие пленные, в том числе и я, разбежались». (Из объяснения Кузьмы Ефимовича Еперина, 1921 года рождения, уроженца д. Преображенка Тобольского района, председателя колхоза имени Калинина).

«В декабре 1941 года я был призван Вагайским райвоенкоматом шофером в 130-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион 229-й стрелковой дивизии. В боях на Сталинградском фронте участвовал с 25 июля по 10 августа 1942-го. В плен попал в районе деревень Тузовка и Лысовка, на правом

берегу Дона. При отступлении дивизии, не доходя до Дона 20 километров, наш дивизион наткнулся на немцев. Когда машины съезжали под откос балки, нас обстреляли. Мы хотели принять бой, но старшина Осип Суходольский из Житомирской области скомандовал нам: «Штыки в землю». А сам поднял белый платок и сдал в плен нашу команду в восемь человек...». (Из протокола допроса Егора Васильевича Битева, 1905 года рождения, уроженца Тобольска).

15 августа Сталин потребовал от командующего Сталинградским фронтом генерал-полковника Андрея Ивановича Еременко и члена Военного совета фронта Никиты Сергеевича Хрущева оказать помощь окруженным частям. Верховный Главнокомандующий подчеркнул, что считает делом чести сталинградского командования спасение личного состава и техники. Однако пробиться к окружённым дивизиям и вывести их из вражеского кольца 62-я и 64-я армии не смогли.

В оперативной сводке за 17 августа записано: «Связи с 33-й, 181-й, 147-й и 229-й стрелковыми дивизиями установить не удалось. На вызовы по радио они не отвечают. Из опроса вышедших на восточный берег Дона командиров установлено, что под воздействием противника дивизии расколоты на мелкие группы».

Из 229-й стрелковой дивизии пробились на левый берег Дона около 750 человек (в их числе призванная Бердюжским райвоенкоматом Валерия Осиповна Гнаровская, удостоенная 3 июля 1944 года, уже при освобождении от оккупантов Украины, посмертно звания Героя Советского Союза). Остальные бойцы и командиры числились пропавшими «без вести».

По ту сторону

Пропал без вести... В августе 1942-го эти слова легли тяжелым камнем на души матерей и жен, чьи дети и мужья ушли на фронт в составе 229-й стрелковой дивизии.

Пропал без вести... Эти слова теплили у родных надежду: может быть, партизанит или в немецком плену, но жив и вернется. Так и ждали своих единственных и любимых, пока сами не состарились.

Поле боя за Доном осталось за противником, поэтому не всех погибших успели похоронить. Та боль – в стихах Константина Симонова:

***«Не в честных солдатских могилах –
Лежат они прямо в пыли...».***

Но те, кто остался в плену, хватили лиха. «22 декабря 1941 года я был призван Упоровским райвоенкоматом и направлен в 783-й полк 229-й

стрелковой дивизии. Там мы проучились полгода и 1 мая 1942-го поехали сначала в г. Горький, а потом в г. Скопин Рязанской области. В июле нас направили на Сталинградский фронт. Возле станции Нижне-Чирской мы сразу же вступили в бой с немцами. Через несколько дней наша дивизия попала в окружение. 7 августа меня ранило осколками мины в правую ногу. Товарищи спрятали меня в полыни, но немецкие солдаты наткнулись и взяли в плен. Вместе с другими пленными меня отвели в лог, огражденный тремя рядами колючей проволоки, где уже находилось около 5 тысяч человек, в том числе командир нашего полка капитан Шаповаленко, начальник штаба майор Иванов, парторг полка лейтенант Ушаков. Весь командный состав, около 60 человек, выстроили и увели неизвестно куда. Рядовые бойцы находились в этом логу неделю. Питались только рожью, которую носили нам медицинские сестры в своих сапогах. Потом здоровых бойцов куда-то угнали, тяжелораненых расстреляли, а нас, 260 легкораненых, увезли на машинах на станцию, погрузили в товарные вагоны и отправили в г. Смела. Там в лагере находилось примерно 12 тысяч раненых. Материалов для перевязок не было. Людей кормили одной сырой картошкой. Каждый день пленные умирали от ран и голода. В 1943 году оставшихся в живых увезли в польский город Хелм, где было три лагеря по 24 тысячи человек в каждом. Никто не работал, кормили только ячменем и мороженой картошкой. Ежедневно в лагерях умирали по сто и больше человек. Если мы начинали требовать еды, то нас избивали до потери сознания...». (Из протокола допроса Трифона Кононовича Рудакова, 1923 года рождения, уроженца д. Шишково Упоровского района).

«...Я служила в медсанбате 229-й стрелковой дивизии. 10 августа 1942 года наша дивизия попала в окружение. В этот день я оказалась в плену и работала врачом на станции Нижне-Чирской в госпитале для военнопленных. Там лежало 400 с лишним раненых... С 28 сентября немецкие военные власти направили меня, а также военврача 2-го ранга Бориса Николаевича Троицкого, военврача 3-го ранга Раису Григорьевну Крохалеву и шесть медсестер в г. Сталинград, для эвакуации мирного населения в немецкий тыл (начальником госпиталя была военврач 3-го ранга Мария Ивановна Селиверстова, окончила Ленинградский медицинский институт). Потом я работала в г.Калач при 2-й жандармерии врачом до ноября 1942-го. Жила в доме с медсестрами Марией Сухановой и Добровольской. Здесь же проживали врачи Вера Леонтьевна Хоций и Анна Андреевна Бурьялева, которая училась со мной в одной группе в медицинском институте г. Омска, была комсоргом». (Из протокола допроса Лидии Ивановны Ильиной, 1915 года рождения, уроженки Тюмени).

«...В ноябре 1941 года меня призвали в Красную армию и зачислили в 610-й отдельный батальон связи 229-й стрелковой дивизии. В мае 1942 года мы выехали из Ишима на Сталинградский фронт. Из Сталинграда шли на передовую линию пешим строем. Прошли г. Калач и у ст. Суворовкино, на

реке Чир заняли оборону. 14 августа нас взяли в плен. Мы сопротивлялись до последнего патрона. Немцы шли на нас в полный рост. Мы стали бросать гранаты, а наш капитан стрелял из нагана... Сдалось нас очень много, в том числе начальствующий состав дивизии: Мелешкевич –начальник штаба, Вульф – начальник административно-начальственной части, Потоцкий – начальник санитарной службы, командир взвода – младший лейтенант Бочаров, девушки-медсестры... Немцы отсчитывали по 500 человек и загоняли в лагерь. Его охраняли итальянцы и украинцы, служившие немцам. Они отличались особой жестокостью: избивали пленных, расстреливали их. Кормили нас раз в день отваром из пережженного зерна в одну четверть литра. Иногда пленные питались мясом дохлых лошадей. От голода и болезней пленные гибли сотнями в день». (Из объяснения Ивана Ивановича Денисова, уроженца с. Лариха Ишимского района).

Не все выдержали тяготы плена: многие соглашались на сотрудничество с гитлеровцами. В их числе оказался и подполковник Мелешкевич, начальник штаба 229-й стрелковой дивизии.

«...Я родился в 1902 году в г. Петергоф Ленинградской области, окончил 5 классов реального училища и ушел в декабре 1918 года в Красную армию. Участвовал в гражданской войне на Карельском, Западном и Южном фронтах, красноармейцем и младшим командиром. Окончил курсы комсостава «Выстрел» в 1929 году и один курс военной академии имени Фрунзе в 1939 году, после чего был отозван на войну с финнами по март 1940 года командиром батальона, за что награжден орденом Красной Звезды. Отечественная война застала меня на границе, где я служил начальником штаба 118-й стрелковой дивизии. С боями отступал до Валдая. За вывод дивизии из окружения (заменил погибшего командира) был награжден вторым орденом Красной Звезды. В декабре 1941 года в числе 80 человек командного состава я был командирован в Сибирский военный округ для формирования новых дивизий. Мною были сформированы 112-я и 229-я стрелковые дивизии (города Татарск и Ишим). В составе 229-й дивизии я выехал на Сталинградский фронт. 7 августа 1942 года дивизия, в которой я был начальником штаба, попала в окружение. Во время прорыва из окружения на дивизию напали немецкие танки, в силу чего она потерпела поражение. Все оперативные документы дивизии, списки личного состава, свои ордена и медаль «XX лет РККА» мною были закопаны в землю в районе с. Жарки. Там же начфин спрятал деньги. В полках документы сожгли раньше – я это лично проверил. Артиллерийская часть была разбита, некоторые уцелевшие орудия пришлось бросить при отступлении. С группой бойцов в 20-25 человек я продолжал искать место выхода из окружения до 14 августа, после чего на группу напали немцы. Будучи раненым, я был взят в плен. После пленения два дня находился в селе Добринка в медсанбате 33-й стрелковой дивизии, а потом был направлен в лагерь военнопленных в селе Суравикино, откуда был отправлен в г. Славута, где пробыл в команде выздоравливающих около полутора

месяцев и оказался в офицерском лагере в г. Владимире-Волынском. В марте 1943 года меня, в числе трех тысяч плененных офицеров, перевели в лагерь г. Ченстохов. В апреле того же года немцы предложили служить в «Русской освободительной армии». Посоветовавшись с подполковником Манько, бывшим начальником артиллерии 229-й дивизии, мы перешли на службу в РОА. На путь сотрудничества с немцами я встал, чтобы избежать тяжелых условий лагерного пребывания и из желания сохранить себе жизнь. Окончив полуторамесячные курсы пропагандистов в местечке Дабенсдорф, я был назначен командиром роты курсантов при этой школе. В этой должности я находился с июня по ноябрь 1943 года. С личным составом роты – около 70 бывших офицеров Красной армии – ежедневно проводил физкультурные и строевые занятия. В ноябре 1943 года меня направили старшим пропагандистом в русские формирования (до 30 подразделений) во Франции. В декабре 1944 я был назначен начальником штаба 1-й дивизии, из-за плохих взаимоотношений с командиром этой дивизии, бывшим полковником РККА Буняченко, меня перевели на должность начальника офицеров резерва РОА. В марте 1945 года генерал Власов, командующий РОА, назначил меня командиром противотанковой бригады, которая дислоцировалась на северной окраине Берлина. Прибыв в часть, я увидел, что ею командуют немцы. Доложив Власову обстановку, я получил приказ выехать в г. Гамбург, где я находился до прихода туда английский войск...». (Из показаний Мелешкевича).

Отмщение

После военных успехов в Крыму, под Харьковом и в большой излучине Дона, Гитлер был убежден в окончательном разгроме Красной армии. Он просчитался: обширная территория, экономический потенциал и людские ресурсы Советского Союза, были несопоставимы с немецкими. Население СССР в два с половиной раза превышало население Германии (хотя десятки миллионов оказались на оккупированной территории).

В феврале 1943 года в третий раз возникла 175-я стрелковая дивизия, в составе войск 70-й армии, которой командовал уроженец г. Ялуторовска Тюменской области, генерал-майор Герман Федорович Тарасов. Армия участвовала в Курской битве, громила врага в Белоруссии, освобождала Варшаву и штурмовала Берлин.

Тогда же в очередной раз воскресла из мертвых 229-я стрелковая дивизия в составе 2-й Ударной армии (второе формирование). Под командованием тюменца генерал-полковника Ивана Ивановича Федюнинского, дивизия сражалась на Ораниенбаумском плацдарме, под Ленинградом, участвовала в Нарвской и Таллинской наступательных операциях 1944-го, первой ворвалась в Германию, получив за это наименование «Одерская».

Сталин не забыл своего унижения – этапа пленных советских офицеров через Нюрнберг, партийную столицу гитлеровской Германии. Через два года он приказал провести по улицам Москвы генералов, офицеров и солдат вермахта, окруженных и пленённых под Витебском, Бобруйском и Минском. Пленных немцев не разули, не раздели и даже сохранили знаки отличия – победители оказались великодушными.

Окончание войны для военнослужащих из тюменской дивизии, перешедших по разным причинам на службу к противнику, стало таким же трагичным, как и для тысяч других коллаборационистов. Скрыться на Западе удалось немногим. А у кого была такая возможность, не захотел ею воспользоваться.

«...В Гамбурге я встретил своего знакомого по школе пропагандистов РОА Плотникова. Он спросил, есть ли у меня фиктивные документы. Получив отрицательный ответ, Плотников сказал, что он всех своих подчиненных снабдил фальшивыми документами и устроил на работу к немцам-крестьянам, как угнанных в Германию жителей оккупированных областей СССР. Плотников оформил мне новый паспорт на имя Константина Анульского, уроженца Гродно. Но я не воспользовался этим паспортом, а 5 мая 1945 года явился в английскую комендатуру с подлинными документами подполковника РОА и заявил о своем желании возвратиться в СССР. После небольшого допроса о службе в армии генерала Власова меня отправили в тюрьму г.Гамбурга. Допрашивающий меня английский офицер спросил, куда я хочу ехать в России? Я ответил, что в Сибирь, в Ишим, где остались мои жена и двое сыновей. «Напрасно вы туда стремитесь, – предупредил англичанин, – там вас расстреляют, лучше вам остаться где-нибудь в Европе». Я сказал ему, что считаю себя русским человеком, на путь предательства встал не добровольно, а в силу обстоятельств, поэтому твердо решил вернуться на Родину, пусть меня там лучше расстреляют, чем остаться на чужбине». (Из показаний Мелешкевича).

К идеологической обработке подполковника из 229-й стрелковой дивизии подключился организатор «Национального союза нового поколения России» Владимир Поремский (позднее эта организация будет переименована в «Народно-трудовой союз»). Сын русского офицера-граничника царского времени, окончивший гимназию в Белгороде и химический факультет Сорбонны, владевший английским, французским, немецким, сербским, арабским языками, проявил заботу и в общем развитии Мелешкевича: послал ему в тюрьму несколько посылок с газетами «Посев» и книгами Пушкина «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка». В записке, вложенной в одну из книг, Поремский предлагал политическое убежище на Западе, при условии продолжения борьбы с коммунизмом. Однако Мелешкевич отверг это предложение и 9 апреля 1946 года был передан англичанами советскому командованию. Военный трибунал гарнизона г. Берлина приговорил его к 25 годам лишения свободы. В

последнем слове бывший подполковник просил не сообщать семье об этом решении. Однако уже 3 июля 1946-го его жену и сыновей лишили всех государственных пособий, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года. До приговора военного трибунала Мелешкевич считался «без вести пропавшим». Его участь разделили 148079 «власовцев», служивших в РОА (из них 450 тюменцев).

На основании Указа от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны» Мелешкевича освободили из лагеря и сняли судимость. 12 мая 1957 года он умер.

Гибель 175-й и 229-й стрелковых дивизий тюменского и ишимского формирований отомщена. Но память о них не сохранилась. Поэтому понятны чувства ветеранов этих соединений.

Александр Васильевич Копейкин: «Обидно, что о воинах нашей дивизии никто не вспоминал, как и о тех суровых, жестоких событиях, что выпали на нашу долю».

Зоя Васильевна Рыбкина (Устюжанина): «Перед войной я окончила Тюменское медицинское училище. А в марте сорок второго – на фронт. Бои на подступах к Сталинграду шли упорные. В силу сложившихся обстоятельств, медсанбат, как и вся дивизия оказались в окружении... Мне дорого имя 229-й стрелковой дивизии. С ней мы пережили горечь отступления, потери близких однополчан, трагедию плена, лишения, муки и страх. Но это лучшие годы в моей жизни, связанные с трагической судьбой дивизии. Это – моя молодость...».

«В силу сложившихся обстоятельств», – таково объяснение военных катастроф и собственных трагедий. Оказавшиеся не по своей воле в немецком плену ветераны, которых лишь недавно признали участниками Великой Отечественной войны, великодушны к действительным виновникам ошибок и просчетов. Не ищут правых и виноватых. Только просят помнить: всё и всех. Победы и поражения. Живых и мертвых.

И без вести пропавших – тоже.

Рафаэль Гольдберг

Член Союза журналистов России,
главный редактор газеты «Тюменский курьер»,
Заслуженный работник культуры РФ

Возвращенные имена *

От автора

Эта книга – не история Сталинградской битвы. И не история одного из соединений, сформированных в нашей области – 229-й стрелковой дивизии (СД). Моя цель гораздо скромнее – вернуть забытые имена.

Так получилось, что в моих руках сошлись разные документы, содержащие несколько тысяч имен. Имен призывников 1923 года рождения, из которых, главным образом, и составилось второе формирование 229-й СД.

В течение трех лет, двигаясь по архивам, отечественным и зарубежным, от имени к имени, я наталкивался на удивительные документы времен Отечественной войны. Например, на удивительный «Список капитана Кони́на», на справку о том, как на месте бывшего концлагеря военнопленных в городе Умань были обнаружены списки погибших в плену, специально закопанные так, чтобы их после войны непременно нашли...

Эта книга для тех, кому не безразлична судьба безымянных героев Великой Отечественной войны. На ее страницах вы наверняка найдете фамилии ваших однофамильцев, земляков и, может быть, даже родственников...

Туда, где была война

Иногда машиной времени может оказаться обыкновенный автомобиль, пилотом – водитель из Волгограда по имени Сергей, штурманом – ваша собственная память, хранящая увиденное, услышанное и прочитанное, а маршрутом – федеральная трасса М-21.

Волгоград, он же Сталинград, расположен на правом берегу Волги. Через городские пробки пробиваемся к трассе М-21, что ведет на юго-запад, в сторону Ростова и Элисты.

---

* Фрагменты книги Р.Гольдберга «Возвращенные имена», Тюмень, издательство «Тюменский курьер», 2012г.

70 лет назад, в жаркий июль 1942-го, в этом же направлении пылили сапогами, а чаще ботинками с обмотками солдатские колонны. 229-я стрелковая, срочно переброшенная из-под Москвы на юг, шла к своим позициям в большой излучине Дона.

Километры, которые сейчас проскакивают у нас под колесами, шагами вымерял и Трофим Попов, призывник из деревни Меньшиково Армизонского района.

«Жарко было, – вспоминал годы спустя Трофим Феоктистович, ветеран и инвалид Отечественной войны. – Такая жарница! И вот мы шли и разделися. На нас гимнастерки были, на гимнастерках – патронташи брезентовые. И вот пока мы двигались к передней линии, на нас все плесенью взялось, пришлось все патронташи выбросить. А кроме винтовок у нас ничего не было – на всю роту один пулемет.

Остальное – винтовки. Нет, не пулемет – автомат, пулемета мы еще не видали...».

... Мы едем. Желтая степь справа и слева. Где-то я вычитал фразу: танкоопасное направление. Легко представить себе, как грохоча гусеницами, в клубах пыли двигались на Сталинград пятнистые немецкие танки. И как от этого грохота сжимались сердца у необкатанной танками пехоты, ведь у каждого, как говорил Трофим Попов, «кроме винтовок – ничего».

Словно материализуясь из моих мыслей, раздается басовый рев мощных моторов. Смотрю: справа на небольшом разъезде разгружается с платформ бронетехника. Боевые машины десанта, покачиваясь, выходят на шоссе впереди нас, а на платформах в маленьком тупике еще, примерно, рота танков...

– Тут рядом у военных полигон, – говорит водитель нашей машины Сергей. – То танки стреляют, то самолеты бомбят...

В хвосте у военной техники мы плетемся километр, потом БМД резко сворачивают в степь. Пыльный хвост повисает над сухой травой...

Строки архивных документов и воспоминания ветеранов 229-й встают в моей памяти, они словно накладываются на окружающую местность. Чем ближе к Дону, тем чаще попадаются овраги, по-местному, балки. Предвечерние тени делают их еще глубже. Они словно рубцы от старых ран, грубо, наспех стянутых рукой торопливого хирурга. А там, куда водитель Сергей направляет машину, над выжженной равниной нависают изрезанные темными, заросшими кустарником каньонами выпуклые кручи. Там Дон, его высокий правый берег.

«... От Сталинграда шли пешком, у Калача была переправа...».

В моих ушах – голос уже другого ветерана 229-й дивизии, Петра Ананьевича Александрова. Голоса, вовсе не спрашивая моего желания, будто сами по себе, возникают при каждом повороте машины.

Один рассказывает, как еще при переходе на позиции лейтенант послал его набрать воды, а в яме, к которой подошел солдат, плавали ужи. Другой вспоминает о первой бомбежке. Третий не может забыть, как прятался от автоматчиков в высокой пшенице, а немецкие танкисты стояли в башенных люках своих танков и подсказывали пехоте, где скрываются русские. И все это было здесь, в этом самом месте, в этой самой степи, которую мы пересекаем на большой скорости и почти напрямую. И нет над нами «рамы» – двухфюзеляжного самолета-разведчика «фокке-вульф-189». Только солнце, обгоняющее нас по пути к юго-западу.

«... Шли-шли, по понтонам переправлялись, на гору поднялись. Идем-идем... Стой! Остановились. Окопайся! А как окапываться, там грунт такой...».

Какой такой? В свое время я не спросил Александрова. А сам увидел, когда (примерно еще через час пути) поднялся на Калиновскую гору. Земля вперемешку с камнями, похожими на сланец. Представьте, как копать окоп в полный, к примеру, профиль или хотя бы стрелковую ячейку, если штык саперной лопаты постоянно упирается в камни... Среди этих глубоких каньонов на правом берегу в августе 1942-го красноармеец Александров искал выхода из окружения, в котором оказалась дивизия...

«... С минометов нас обстреливали, потом в окружение попали. Их 330 тысяч на наших 15, их 22 дивизии, а нас – две. Нас быстро окружили. Пошли ночью из окружения выходить. Вел нас старший лейтенант, командир роты связи. Как мы к нему, человек 60, примкнули, не знаю. Но отстали от основного своего звена. А потом лейтенант нас в отрог балки завел. Я говорю: дак вы че? Приедут, одну-две гранаты бросят, расстреляют и все... Молчать! Панику не создавать! Я тихонько ушел в обратную сторону, на косогоре хорошо замаскировался. Смотрю: светать стало, пришли две машины немецких солдат и две легковые. И – с автоматов. Слышу, там, видно, были раненые девчата, слышу: добейте меня, видно, тяжело ранили... Убили, а этих вывели и повели. А я сижу целый день. Там была промоина, и трава выросла. Я видел, как немцы пришли с лопатами, я так думал, что пришли закапывать, которые убитые... Потом я вышел. Где знаешь и то заблудишься ночью. А тут незнакомое – ну куда идти? Ну, я пошел, пошел, слышу шорох: а там ребята с другой дивизии, с 305-й, пятеро. И вот я примкнул к ним. Ночь идем, день маскируемся, лежим. У одного в кармане пшеница была с солью, он нам по щепоточке даст, не солено, а сладко!.. Потом ночью пошли оттуда, лейтенант к нам примкнул, нерусский, грузин ли что ли. И он нас вывел к берегу Дона...».

Надо думать, что тогда Дон был поуже, чем сейчас, когда есть Цимлянское водохранилище. Но все равно вброд не перейдешь, плыть надо. И рассказывал Петр Ананьевич, что за компания подобралась в ожидании возможности пуститься вплавь через Дон: он сам, тот грузин, майор из трибунала соседней дивизии и два лейтенанта – заседатели...

«... Хорошо, у майора карта была – там залив был из Дона... Мы залив этот перешли и в кусты, день сидели. На вторую ночь пошли к Дону. Пришли – нет никого. Разделись. Майор: ты плащ-палатку будешь брать? Да куда я ее? А он палатку свернул, она же не промокает. Автомат сверху – и укатил. Там же течение большое. А грузин говорит: я плавать не умею, я все равно утону. И остался на берегу. А мы трое поплыли. Ну, один лейтенант утонул. Второй выплыл. А я же 14 дней голодом пробыл, у меня уже никакой силы нет – все, тону. Уже воды наглотался. Потом мысль: может, война кончится, может, еще маму увижу – годы-то мои какие? И давай выбираться кверху... Вот уже и кусты близко, я за прут поймался, стал вылезать...».

Под эти чужие, а теперь и мои воспоминания мы пересекли по мосту Дон. Слева и справа – дорожные указатели, названия, знакомые по документам 1942 года, по фильтрационным делам, в которых бывшие пленные рассказывали, что и как здесь происходило между 24 июля и 10 августа 1942 года. Ближняя Осиновка (странно, в старых документах писали) Б-Осиновка, я думал, что это – Большая), хутор Пятиизбянский, Суровикино, где, собственно, и случилась трагедия.

Примерно в километре от Суровикино, сразу за речкой Чир – Калиновская гора. На горе – обелиск, посвященный двум стрелковым дивизиям, 229-й и 147-й. Рядом – одиннадцать пирамидок – братские могилы, где похоронены останки погибших солдат, найденные поисковыми отрядами из Волгограда.

Таблички на пирамидках одинакового содержания: дата, «никто не забыт, ничто не забыто», несколько фамилий «и 83 безымянных солдата». Только цифры меняются.

Я переписал все фамилии на пирамидках, их 32. И 579 «безымянных», общим числом. Возвратясь домой, стал проверять по данным архивов, по именованным спискам призванных в 229-ю стрелковую дивизию с территории Тюменской области.

Среди тех, что лежат в каменистой земле возле обелиска, семь наших земляков. Назову их поименно.

Вагин Юрий Ефимович, рядовой 783-го стрелкового полка, из Юргинского района.

Кузнецов Семен Дмитриевич, рядовой 811-го стрелкового полка, из Ялуторовского района.

Казаринов Леонид Дмитриевич, из Тюмени (в официальных базах данных, в «Книге памяти» его нет, имя сохранилось только в списках Тюменского горвоенкомата).

Коробейников Михаил Степанович, 1923, Абатский район (то же самое).

Репин Иван Михайлович, 1923, бывший Байкаловский район (упоминается только в списках РВК).

Фомин Александр Александрович, рядовой 811-го стрелкового полка, Дубровинский район.

Седьмой – **Мордвинов Тимофей Спиридонович**, рядовой 811-го полка, из Армизонского района. Согласно фильтрационному делу, которое хранится в тюменском архиве, он не погиб под Суровикино, а попал в плен, был освобожден советскими войсками 1 января 1945 года, в сентябре того же года проходил фильтрацию в Сталиногорском спецлагере НКВД...

Есть предположения, что тюменцами могли быть и Пешкин (есть такая фамилия в Викуловском районе), и Загваздин, и Гарбузов... И наверняка многие из тех, кто скрыт за страшной цифрой – 579 безымянных, кого не удалось идентифицировать: не нашлись медальоны или не прочитались найденные...

... Мы ехали обратно. Пейзаж бывшего сражения стал раскручиваться в обратном порядке. И тут мне вспомнились слова, которые в те же годы написал чешский журналист Юлиус Фучик. Он говорил о том, что придет день, когда настоящее станет прошедшим, и будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Он говорил, что все должны знать: не было безымянных героев. У каждого из них было свое имя, свои чаяния и надежды. И муки любого из них были не меньше, чем муки того, чье имя вошло в историю...

Эмилия Тельтевская

Историк, краевед

Чижик

Солнце нежаркое, нежное, золотит купола Тобольского Кремля. По улице идет девушка. Невысокая, светловолосая, в солдатской гимнастерке и кирзовых сапогах. На груди гвардейский значок, ордена, медали. Навстречу стайка мальчишек. Ребята – народ нестеснительный, любопытный. Спрашивают: «А где вы воевали? А орден Славы за что?». Девушка улыбается мальчишкам приветливо и слегка смущенно. Она называет, на зависть мальчишкам: «Сталинград, Орел, Бобруйск, Берлин...».

В родном Тобольске в сентябре 1945 года гвардии старший сержант Нина Кокорина представляла свою прославленную дивизию.

В тот памятный 1941 год Нина окончила 10 классов средней школы №1. Вместо института, о котором мечтала еще совсем недавно, она поступила на курсы медсестер, чтоб вслед за старшим братом и сестрой тоже уйти на фронт.

Но Нину, маленькую и хрупкую на вид девушку, в армию не брали. И тогда втайне от всех она написала письмо в наркомат обороны с просьбой отправить ее на фронт. Ответ из Москвы был лаконичным: «Отправить при первой возможности».

И вот погожим майским утром 1942 года девушки-тоболячки уходили на фронт. «Протяжный гудок парохода, медленно уплывающая пристань. Вот и лица провожающих стерлись вдали. Все тише звуки духового оркестра. И только белоснежный Кремль над кручей все еще ярок. «Прощай, любимый город!», – запели девчата. В те минуты их сердца переполняла радость, и никто не мог знать, что ожидает их впереди» (из военного дневника Н.М.Кокориной, опубликованного в журнале «Урал» №10, 1967г., этот журнал она прислала в школьный музей с дарственной надписью «Моим юным землякам с пожеланиями добра, удач и счастья. Чижик»).

Девушки были направлены в 308-ю Сибирскую стрелковую дивизию, которой командовал полковник, впоследствии генерал-майор, Герой Советского Союза Леонтий Николаевич Гуртьев (имя его носит одна из улиц Тобольска).

В начале сентября 1942 года дивизию направили на фронт. Первое боевое крещение бойцы получили в районе станции Котлубань, в 60 километрах от Сталинграда.

Навсегда остался в памяти Нины первый бой: «Налетели самолеты. Бойцы все в окопах, – писала она в своем дневнике. – Разрыв... Крик... Бегу туда. Ранен боец. Слепое осколочное ранение в живот. Живот как-то сразу вздулся. Самой большой повязкой придерживаю, бог знает что. Голова кружится. Тошнит. Не успела сделать перевязку, боец умер. Первый умерший на моих руках. Отовсюду крики: «Сестра, пригнись!». Но в тоже время десятки голосов: «Сестра, помоги! Чижик, сюда!». Каждая минута дорога. О том, что меня могут ранить или убить, просто некогда думать. Бойцы вновь поднимаются в атаку. И опять крики: «Сестра, осторожно! Сестра, перебежками!». Но я махнула рукой. Бегаю во весь рост. Минуты дороги».

Кокорина Н.

Там, под Котлубанью, погибла тоболячка Тоня Егорова. Были тяжело ранены Катя Бородина, Валя Важенина, Тоня Арканова (выпускницы школы №13 города Тобольска).

После 19-дневных кровопролитных боев под Котлубанью дивизия подошла к Сталинграду. В начале октября бои начались в самом городе. Сибиряки оказались на направлении главного удара немцев. Они обороняли заводы «Баррикады» и «Силикат».

Обстановку, в которой сражались бойцы Сибирской дивизии, можно представить, читая документальный очерк корреспондента газеты «Красная Звезда» писателя Василия Гроссмана «Направление главного удара»: «Против них дрались три пехотных дивизии противника и столько же танковых частей. Десятки самолетов по 8-12 часов кряду бомбили боевые порядки дивизии. Атаки следовали одна за другой. Был один страшный день, когда гуртьевцы отбили 23 яростных атаки немецких танков и пехоты. Героизм стал бытом, героизм стал стилем дивизии и ее людей».

Великий героизм был и в работе девушек-санитарок, вчерашних тобольских школьниц – Зои Колгановой, Веры Каляды, Нади Костериной, Лели Новиковой, Сони Фатеевой, Ани Васильковой, Василисы Щинниковой. Спасая раненых, на поле боя погибла Аня Василькова, в подвале дома погибла Галя Канышева, ее вместе с ранеными засыпало от прямого попадания бомбы. Получили тяжелые ранения Вера Каляда, Нина Лысачук, Соня Фатеева.

Истинное мужество и выносливость проявила Нина Кокорина. Маленькая девушка, которую за ее небольшой рост и веселый нрав солдаты с любовью прозвали Чижиком, вынесла с передовой 146 раненых с их оружием. Сама была ранена и контужена, на время ослепла, а после излечения в полевом госпитале вновь вернулась в свою часть.

Жизнью своей ей обязана и Соня Фатеева. Она нашла ее, когда та с окровавленной головой пыталась ползти, цепляясь пальцами за траву.

«Соня, Соня, подумалось мне, – писала Нина в своем дневнике – вот и сбылись твои слова, когда-то немножко обидевшие меня. Там, в родном Тобольске, Соня была лучшей лыжницей школы. Высокая, крепкая, с сильными руками. Она однажды посмотрела на меня и бросила шуточно: «Ну, куда тебе на фронт? Вот ранят меня, что делать-то будешь? Не вынесешь!». Я укладываю ее на свою шинель, в рукава просовываю лямки. Шинель у меня маленькая, Соня все время сползает. Открыв глаза, как-то старается мне помочь. Размазывая кулаком по лицу пот и слезы, ташу...».

За личный героизм и мужество при спасении раненых под Сталинградом Нина Кокорина была награждена орденом Красной Звезды. Ей было тогда 19 лет.

Тридцать пять дней сражалась дивизия на «Баррикадах». Один непрерывающийся бой. Но сибиряки не сошли со смертного рубежа, они ни разу не оглянулись назад. Они знали – за их спиной Волга, за их спиной судьба страны.

Со своей дивизией гвардии старший сержант Нина Кокорина прошла боевой путь от берегов Волги до Берлина (Сталинград, Белоруссия, Восточная Пруссия, Польша, Германия). Отважная сибирячка была награждена орденом Славы III степени. К двум орденам к концу войны прибавилось 4 медали.

В родном Тобольске в сентябре 1945 года гвардии старший сержант Нина Кокорина представляла свою прославленную дивизию.

В 1972 году в журнале «Красный Крест» было опубликовано стихотворение Михаила Андропова, положенное на музыку Борисом Тихоновым «Чижик», посвященное, как выяснилось из ответа редакции на наш запрос, Нине Михайловне Кокориной.

*Пришла зима, а мы все воевали,
И напевал нам ветер фронтовой,
Что санитарку Чижиком прозвали
Уральские ребята меж собой.*

*В ее душе жила большая сила,
Она людей спасала день за днем,
Она из боя многих выносила
И раны бинтовала под огнем.*

*Сквозь дым войны, где всюду смерть кружила,
Они дошли до Одера-реки
А как потом вся жизнь ее сложилась,
Сейчас хотят узнать фронтовики.*

После демобилизации Нина Михайловна Кокорина жила и работала в городе Свердловске. Долгие годы была председателем совета ветеранов-фронтовиков. Не раз приезжала в родную школу на вечер встречи выпускников военных лет. Умерла в 2003 году.

После войны вернулась в Тобольск и Василиса Григорьевна Щинникова. Она работала директором медицинского училища. Награждена медалью «За отвагу».

Под Сталинградом воевал и Юра Ануфриев, тоже выпускник средней школы №1. Фантазер, мечтатель, веселый и общительный, он редко бывал один. Юра любил музыку, играл на гитаре, балалайке, хорошо пел. По вечерам, когда приходил с работы отец, они играли и пели вдвоем. Долгими зимними вечерами любили посидеть за шахматной доской. Оба были страстными охотниками. У Юры были свое охотничье ружье и собака. В первый раз он пошел на охоту в 12 лет и больше не изменял своему увлечению.

Его призвали в армию в июле 1941 года и направили на учебу в Томское пехотное училище. Уходили ребята с песней «Дан приказ ему на Запад!». А запевал Юра Ануфриев. 27 сентября 1942 года он писал домой: «Движемся на юг, к Сталинграду. Надо с честью оправдать доверие, которое оказало нам командование». Это было его последнее письмо...

Все дальше уходят в прошлое огненные годы, но как вечный огонь на могиле Неизвестного солдата, негасима наша память о них.

Людмила Шорохова

Обозреватель газеты «Тюменская область сегодня»

За Волгой для нас земли нет!

От Тюмени до Волгограда – пятьдесят часов езды на пассажирском поезде. Три дня в городе на Волге. Это еще семьдесят два часа, и вновь дорога домой. Всего сто семьдесят два часа. Но каких! Я почувствовала дыхание Великой Отечественной войны и прикоснулась к истории Российского государства. Сложно выразить то волнение, которое испытала в Сталинграде, ныне городе-герое Волгограде.

Дорога в Волгоград

Я из поколения людей, которые про Великую Отечественную войну знают из книг и кинофильмов. Была уникальная возможность узнать о ней из первых уст, от своего деда Григория Шешукова и его сына Александра, но не воспользовалась этим. Теперь жалею.

Прошли годы. Я еду на научно-практическую конференцию «Вклад средств массовой информации в обеспечение реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». По завершении будут подведены итоги Всероссийского конкурса «Патриот России – 2009», где в числе награжденных и редакционный проект «Свет Великой Победы» – диплом лауреата в самой престижной номинации «Николай Карамзин».

До Волгограда остаются считанные часы, а за окном непривычный пейзаж – степь. Особого восторга не вызывала, а вот попутчица не могла нарадоваться и все повторяла: «Какие красивые у нас степи! Смотри, смотри, вот и бахча». Глядя на эту «красоту», вспомнила рассказ тюменского ветерана-сталинградца И.Петрова: «С детства привыкшие к лесной мощности, мы очень неуютно чувствовали себя в открытой степи. Над головами днем и ночью трассирующие пули, рядом рвутся снаряды, навстречу с лязганьем мчатся танки. Днем в степи невыносимая жара, пить хочется, солдатские фляжки пусты. Даже капли воды нет. А на нейтральной полосе бахча, спелые сочные арбузы. Дождались ночи

и по-пластунски поползли. Набрали в мешки «сладкой ягоды» – и назад. Однако немцы засекали и открыли огонь на поражение. В такой переплет попали, страшно даже вспоминать. Но всё же арбузы доставили по назначению. Правда, многие из них «прошила» пулеметная очередь...».

В далеком 42-м, вот так же, как и я, глядя в окно, наши земляки считали часы до города на Волге, а может, минуты до первого боя... О чем они думали?

Скорее всего, о самом дорогом и сокровенном: семье, родных и близких. Возможно, кто-то пытался отвлечься от тяжелых мыслей и читал взятый с собой томик стихов Лермонтова... Его «Молитва» в устах атеиста была утешением и надеждой на спасение.

За многие километры до города отчетливо вырисовывалась пятидесятидвухметровая скульптура «Родина-мать зовет!». Она величественна, но чем ближе к ней приближаешься, тем больше железобетонная скульптура напоминает мать, которая любит тебя, не оставит ни при каких обстоятельствах, а если надо – и встанет на защиту.

Музей-панорама

Восстановить события Сталинградской битвы гостям города на Волге помогает музей-панорама «Сталинградская битва». Архитектурный ансамбль объединен единым содержанием. На оси, перпендикулярной Волге, находится стена Родимцева с исторической надписью: «Здесь стояли насмерть бойцы Родимцева, выстояв, они победили смерть». Дальше – откосы набережной, руины мельницы. На той же оси находится легендарный дом Якова Павлова. Еще дальше – здание панорамы «Сталинградская битва». От подножия кургана до его вершины – двести гранитных ступеней. Они объединяют десять композиций – памятников, посвященных Сталинградской битве. Это – аллея тополей, площадь Стоящих насмерть, стены-руины, площадь Героев, монумент-рельеф, площадь Скорби. От нее начинается подъем на одну из ключевых позиций обороны города – высоту 102,0 м., ныне ее называют Мамаевым курганом, и воинское мемориальное кладбище.

Скульптура «Родина-мать зовет!», символизирующая всю страну, зовущая на бой, придающая мужества, олицетворяющая самое ценное, что есть у воина, стала центром мемориального комплекса. Каждая его часть – дань памяти и уважения воинам, победившим врага, выражение скорби по погибшим и воплощение патриотизма. Памятники и горельефы, Вечный огонь в зале воинской славы, а еще звуковое сопровождение производят неизгладимое впечатление. Возможно, благодаря этому

картины, особенно на панораме «Сталинградская битва», оживают, и ты чувствуешь дыхание войны, боль раненых, отвагу идущих в бой...

Наша экскурсионная группа перемещалась из зала в зал, от одного памятника к другому. Я слушала неторопливый рассказ экскурсовода, а в памяти всплывали воспоминания тюменских сталинградцев. Многих из них уже нет среди нас, они ушли в мир иной.

Оборонительный этап

Успехи вермахта в мае-июне 1942 года в Харьковском сражении позволили его командованию овладеть стратегической инициативой и создать благоприятные предпосылки для достижения главной цели летней кампании – прорыва на Кавказ и в район Сталинграда.

Во второй половине июля в большой излучине Дона развернулись кровопролитные бои на сталинградском направлении. На дальних подступах к городу, на Волге, ожесточенно сражались армии создаваемого Сталинградского фронта под командованием сначала маршала Семена Тимошенко, затем генерал-лейтенанта Василия Гордова, спешно сформированные советские танковые армии с ходу вступили в бой. В то же время к городу строились четыре оборонительных обвода.

К 10 августа под натиском противника советские войска отошли на левый берег Дона, заняли оборону на внешнем оборонном обводе Сталинграда и остановили наступление врага. Немецко-фашистское командование вынуждено было повернуть с кавказского на сталинградское направление. И вновь донские степи запылали огнем. Удар следовал за ударом.

Из воспоминаний Нины Вологодской: «Когда немцы вплотную подошли к Волге, нашу дивизию ускоренным маршем направили к линии фронта. В первый бой вступили буквально с колес. Перед рассветом прочно заняли боевые позиции, окопались. После бессонной ночи я задремала и вдруг сквозь сон слышу: «Раненые!». Перебежками ринулась в сторону немецких траншей. А мне всего-то восемнадцать лет, да и росточком невелика. Представьте себе невыносимую жару, жуткую пальбу вокруг. Моим первым раненым оказался очень крупный мужчина. Что делать? Положила его на плащ-палатку и ползком километра два тащила в укромное местечко. Сил едва хватало, а еще слезы предательски застилали глаза: так жалко было солдата! К счастью, он остался жив. Потом стало легче. День сменяла ночь, мы, пренебрегая опасностью, оказывали бойцам экстренную медицинскую помощь, чтобы спасти

им жизнь. В нашем первом батальоне 339-го стрелкового полка 308-й дивизии было много тюменцев: санитарным взводом командовал военфельдшер Амосов, его помощником был Сева Цымбалюк, мои боевые подруги – Маруся Елькина, командир отделения, Вера Левчук, Надя Печенкина, Зоя Буторина, Аня Берестенко, Римма Груздева, Саша Байгозина, Тоня и Катя Казанцевы, Тоня Шулепова, Тася Маталасова, Галя Титова. Вскоре нас перекинули непосредственно в обороняющийся город. Первое, что ужаснуло – жители среди пламени, грохота и разрывов, женщины и дети в панике бежали кто куда. Ребятишки тормозили убитых матерей, обезумевшие матери в этом аду искали потерянных детей...».

Те, что постарше, спешили в военкомат или обращались к командирам частей и дивизий с требованием выдать оружие и зачислить в действующую армию. Среди них был и Анатолий Малов: «Одни нас гнали в шею, другие сочувственно говорили: «Подрасти, сынок. Получишь паспорт – приходи». К тому времени и войны-то уже не будет, считали мы. Поэтому на войну пошли по комсомольскому билету. Неведомо было нам, что Сталинградская битва продлится двести дней и ночей».

Из воспоминаний Нины Вологодской: «В Сталинграде поначалу мы обороняли железнодорожную станцию, затем заняли пристанционный сквер. Вражеский огонь был настолько плотным, что нельзя было поднять головы. Много убитых, а еще больше раненых. Мы едва справлялись. В том сквере погибла Галя Титова, бывшая учительница из Новой Заимки, ранило Веру Левчук и Машу Елькину».

Бои были настолько тяжелыми и кровопролитными, что сталинградцам приходилось биться за каждую улицу, дом, квартиру. Нередко случалось так, что советские воины в одном доме, в соседнем – противник, на одном этаже защитники, на другом – фашисты. Не успевала одна атака закончиться, как тут же начиналась другая, вспоминают о тех днях ветераны. Пополнение обычно прибывало ночью, как и ужин. Зачастую его принесут, а есть некому...

12 сентября 1942 года на совещании у Верховного главнокомандующего Иосифа Сталина военачальники Георгий Жуков и Александр Василевский высказались за поиск решения проблем на южном крыле советско-германского фронта. Им была поручена подготовка контрнаступательной операции по окружению и уничтожению противника под Сталинградом. Разработка идеи проходила в строжайшей тайне. Даже командующие фронтами были посвящены в ее замысел только во второй половине октября.

Перелом

Контрнаступление началось 19 ноября. Громовые раскаты тысяч орудий разорвали предрассветную тишину. Они оповестили мир о начале грандиозного контрнаступления Красной армии на берегах Волги. В нем участвовали войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов (в ознаменование этого артиллерийского наступления 19 ноября стало в нашей стране Днем ракетных войск и артиллерии).

23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе поселков Калач, Советский, Мариновка. Взятыми в кольцо оказались немецко-фашистские войска численностью около 300 тысяч человек – 22 дивизии и более 160 отдельных частей 4-й и 6-й танковой армии противника. Через неделю наши войска сжали кольцо окружения, но расчлнить и уничтожить его группировку с ходу не смогли, в связи с недостатком сил, как позже выяснят военные историки.

В то же время был образован более чем 500-километровый внешний фронт окружения, проходивший по рекам Кривая, Чир, Дон, а далее по рубежу – Верхне-Яблочный, Чилеков, Обильное.

Высота 102,0

Бои в районе Мамаева кургана начались 13 сентября 1942 года. Спустя три дня он был захвачен немцами. На следующий день отбит советскими войсками, 112-й и 13-й стрелковыми дивизиями. После продолжительных боев враг закрепился на западном склоне, а к середине октября овладел вершиной, северным и южным склоном кургана. Восточный склон с 28 сентября по 26 января обороняла 284-я стрелковая дивизия, командир Николай Батюк. Воинам дивизии ежедневно приходилось отбивать по несколько атак противника, проявляя героизм и стойкость. Бои за Мамаев курган длились 136 суток, вершина неоднократно переходила из рук в руки. Только 26 января 1943 года войска 62-й армии, наступающие на северо-западном склоне, соединились с войсками 21-й армии.

В октябре 1967 года главная высота Сталинградской битвы стала памятником-ансамблем героям Сталинградской битвы. В июне 2008 года на Красной площади были подведены итоги конкурса «7 чудес России». По итогам голосования Мамаев курган вошел в число семи российских чудес.

О чем рассказала раненая медаль

В Волгоградском историко-мемориальном комплексе «Сталинградская битва» большое место отведено многочисленным и ярким экспонатам, рассказывающим о Сталинградской битве, о героических подвигах ее защитников.

Много здесь и «металла» – спаренная зенитная установка, например, или немецкий грузовой контейнер. А еще каски, патронники, оперение от снаряда, корявые осколки, которых в музейных залах столько, что они «цепляются» за одежды и души посетителей. И режут по сердцу ржавыми краями... Поэтому каждый экскурсант начинает всматриваться в музейные экспонаты, словно пытаясь найти что-то очень важное для себя. Не стала исключением и я.

В одном из залов внимание привлекла медаль «За боевые заслуги». С виду медаль как медаль, вот только раненая: глубокая щербинка зияла на ее поверхности. Рядом с ней фотография и пожелтевшая от времени дивизионная газета «На разгром врага» за 1943 год.

Отрывок из публикации: «...Фрицы предприняли контратаку, поддержала их значительная группа танков. В этом бою вышел из строя командир одного подразделения, немцам удалось потеснить наших бойцов с занятых позиций. Коммунисту Багуркину поручили восстановить прежнее положение. Он немедленно принял меры... Бой длился несколько часов... Бронебойщики подбили четыре танка, уничтожили их экипажи, а одного танкиста взяли в плен. Все поле было усеяно трупами немецких автоматчиков. ...Командир Багуркин проявил исключительную личную храбрость, инициативу и бесстрашие, за что представлен к правительственной награде. За этот бой награжден орденом Отечественной войны 1 степени».

Смотрела на фотографию героя-сталинградца, и мне показалось, что где-то его раньше видела. Уже по приезде домой вспомнила: это же Александр Агапович Багуркин – известный в Тюменской области человек. Он многие годы работал в органах соцобеспечения, возглавлял эту службу, несколько раз избирался в Совет народных депутатов. Его работа в органах соцобслуживания была отмечена орденом «Знак Почета» и нагрудным знаком «Отличник социалистического обеспечения РСФСР». После выхода на пенсию он стал активистом ветеранского движения в Тюменской области. И за этот труд получил награду – «За активную военно-патриотическую работу». Обо всем этом несколько лет назад я писала в одном из материалов, посвященных очередной юбилейной дате департамента социального развития Тюменской области. Моя встреча с Александром Агаповичем состоялась в 2010 году, уже в Тюмени. В свои восемьдесят восемь лет ветеран Великой Отечественной войны сохранил ясный ум и доброжелательное отношение к людям.

– Правда, веду затворнический образ жизни. Фронтные раны и множественные осколки в теле, один из них ношу у сердца, постоянно напоминают о себе, – сетует сталинградец.

Ветеран показал большой альбом: здесь вся биография офицера Багуркина, в снимках, датах, в наградных документах, письмах от однополчан и поздравительных открытках. Сделала его семья фронтовика, но альбом не пылится в дальних шкафах – внуки многое знают про деда, теперь подрастают и правнуки.

Фронтовая биография Александра Багуркина началась в июне 1941 года после окончания Омского военного пехотного училища имени Михаила Фрунзе. Командовал взводом, ротой, затем был начальником штаба батальона, командовал батальоном, стал начальником полковой разведки. На многотрудном боевом пути начальника разведки гвардейского пехотного полка самой памятной остается Сталинградская битва:

– Лето 1942 года подходило к концу. Наша 13-я гвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия, которой командовал Герой Советского Союза генерал Александр Родимцев, по приказу Ставки Верховного Главнокомандования была срочно переброшена в Сталинград. Ситуация там была сложная. Передовые колонны 6-й армии Паулюса и 4-й танковой армии Гота ожесточенно рвались к центру пылающего города. Мы знали, что в городе отбивались от немцев обескровленная дивизия войск НКВД и поредевшие ряды народного ополчения. Поэтому спешили им на помощь, но прежде надо было преодолеть водную километровую ширь, кипевшую от разрывов бомб и снарядов, поливаемую свинцом вражеских пулеметов и автоматов. Вот в этом смертоносном месиве мы и форсировали реку. Стоит отметить, что авиационного и артиллерийского прикрытия у нас не было, хотя орудий и хватало. Просто непонятно было, куда стрелять, где немцы? Всюду сплошной огонь и дым. И вот, наконец, передовые группы наших гвардейцев высадились в районе Центральной пристани, с ходу вступили в бой. Мне, начальнику разведки, было отрадно, что задачу, поставленную командиром полка Дмитрием Панихиным, выполнил. А ночной бой продолжался. И сколько их было потом, не счесть.

Город горел. Пламя пожаров рвалось в небо. Рушились оставшиеся здания. Пыль, дым, гарь, но гвардейцы шли вперед на врага. К концу второй недели неудачных для себя боев противник перешел к ночным действиям.

В ночь на 1 октября фашисты, сосредоточившись в районе оврага Крутого, внезапно обрушились на советские войска и вклинились в расположение дивизии. Глубина оборонительной полосы, считая от берега Волги, колебалась от 300 до 500 метров. Хорошо зная местность, гвардейцы в отдельные дни отбивали до 12-15 пехотных и танковых атак немецкой армии. Сражаясь и умирая, они клялись: «За Волгой для нас земли нет!». Прорыв был ликвидирован. Гвардейцы Родимцева

стояли твердо на своих позициях, перемалывая живую силу и боевую технику противника. А в последних боях за Сталинград они первыми соединились с войсками Донского фронта.

Сейчас в центре города у самой Волги стоит бетонная плита. С любого теплохода видны начертанные на ней светлые метровые буквы: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева. Выстояв, победили смерть».

У подножия Мамаева кургана при выполнении разведывательного задания был тяжело ранен и контужен капитан (звание майора присвоили уже после войны – Л.Ш.) Багуркин и его первая боевая награда – медаль «За боевые заслуги».

– Жизнь мне тогда спасла молоденькая девушка, санинструктор. Полуживого, под обстрелом, она дотащила меня до Волги, вернее, до нашей медсанроты, – рассказывает ветеран Сталинградской битвы. – Узнал я об этом через сорок лет здесь же, у подножия кургана, или высоты 102,0 м, когда в очередной раз собрались с однополчанами. Мою спасительницу звали Галина Николенко.

Далее 13-я гвардейская Полтавская ордена Ленина, дважды Краснознаменная, орденов Кутузова и Суворова стрелковая дивизия продолжила мужественно громить противника на Курской дуге и на Украине, в Молдавии и Польше, Германии и Чехословакии, но уже без нашего земляка – Александра Багуркина. Он длительное время находился на лечении в госпиталях, после его, инвалида Великой Отечественной войны, демобилизовали.

Александр Багуркин (второй справа) с тюменскими сталинградцами, 1983 г.
Фото из семейного архива Багуркиных

Победное завершение

12 декабря 1942 года немецкое командование по личному приказу Гитлера предприняло попытку деблокировать свои окруженные войска ударом из района Котельниковского. Войска противника значительно превосходили советские с южного крыла Сталинградского фронта: по численности – в два раза, по танкам – в шесть раз; на первом этапе им удалось прорваться и продвинуться вперед.

Всего сорок километров отделяло их от окруженной группировки.

После провала деблокады плачевный конец 6-й «непобедимой» армии был близок. 24 декабря Фридрих Паулюс радировал Гитлеру: «Дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна».

Главную роль на данном этапе контрнаступления советских войск должен был сыграть Юго-Западный фронт во главе с генералом Николаем Ватутиным, одним из опытных молодых военачальников. Николай Федорович блестяще оправдал оказанное ему доверие. Ныне его имя носит одна из улиц города Тюмени.

8 января 1943 года советское командование во избежание кровопролития предъявило командованию окруженных под Сталинградом немецких войск ультиматум с предложением прекратить бессмысленное сопротивление и капитулировать. Но ультиматум был отклонен.

Утром 10 января войска Донского фронта перешли в наступление.

Началась заключительная операция Сталинградской битвы, носившая условное название «Кольцо». В ходе боев с 10 января по 2 февраля 1943 года было разгромлено 22 дивизии противника. Освободительные бои изобиловали множеством примеров массового и индивидуального героизма, стойкости и воинского мастерства бойцов и офицеров Сталинградского фронта.

Из воспоминаний тюменца Александра Багуркина: «В те дни, сражаясь и погибая за Отечество, гвардейцы нашей 13-й стрелковой дивизии клялись: «За Волгой земли для нас нет!». Они проявляли массовый героизм. А в завершающих боях за Сталинград – первыми соединились с войсками Донского фронта на Мамаевом кургане».

Из воспоминаний Нины Вологодской: «Когда нашу 308-ю стрелковую дивизию выводили на отдых, никому из оставшихся в живых не верилось, что среди этого ужаса мы выжили и выстояли, несмотря на яростное сопротивление врага. И в то же время гордились: приказ выполнили, не пропустили врага к матушке-Волге».

Из воспоминаний тюменца Павла Грехова: «Весной 1943 года нас направили в Сталинград, только что освобожденный от немцев. Мы

увидели сплошные развалины, груды металла и камней. Коммуникации, свет, вода – все было разрушено. Питьевую воду приносили издалека. Эта страшная картина потрясла нас, молодых солдат».

Боевые успехи

Боевые успехи Красной армии в битве под Сталинградом были высоко оценены советским правительством. 45 соединений и частей, принимавших участие в сражениях и особо отличившихся при выполнении задания командования, получили наименование Сталинградских, Донских, Абганеровских, Басаргинских, Воропоновских, Зимовниковских, Кантимировских, Котельниковских, Среднедонских, Тацинских.

Правительственных наград удостоилось 55 соединений и частей, десятки тысяч солдат и офицеров получили боевые награды, а 112 воинов за мужество и героизм, проявленные в ходе Сталинградской битвы, были удостоены звания Героя Советского Союза. 183 части, соединения и объединения за участие в Сталинградской битве были преобразованы в гвардейские.

В 1965 году в ознаменование 20-летия Великой Победы на Волге город Волгоград был награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Никто не забыт, ничто не забыто?

После увиденного в музейном комплексе особенно больно было узнать: останки советских солдат, отдавших жизни в Сталинградской битве, находят и по сей день случайно – при строительных и иных землеустроительных работах. В местах кровопролитных боев останки тоже ждут, когда их предадут земле.

В настоящее время перезахоронены на мемориальном кладбище останки воинов, имена 109 из них установлены, 502 неизвестны. На стене памяти, состоящей из 540 плит, увековечены имена 6480 защитников Сталинграда. Список этот пополняется, предполагается увековечить память более 30000 солдат и офицеров Красной армии.

В 2045 году, к 100-летию Великой Победы, в музейно-мемориальном комплексе будет вскрыта капсула с обращением сталинградцев к потомкам.

Сохраняя память о народе, одержавшем победу в Сталинградской битве, думаю, они видят свою страну в перспективе мирного сосуществования, а наследников солдат Победы – достойными гражданами и творцами Великой России.

Областной
писательской
организации –
50 лет

Владимир Якушев
Губернатор Тюменской области

Тюменскому региональному отделению Союза писателей России*

Дорогие друзья, земляки, писатели!

Тюменская областная писательская организация отмечает свой полувековой юбилей.

Этот творческий союз, у истоков которого стояли Иван Истомин, Михаил Лесной, Майя Сырова, Иван Ермаков, Константин Лагунов, Василий Еловских, родился в эпоху грандиозных свершений, связанных со становлением мощного нефтегазового комплекса Западной Сибири, освоением необъятных просторов тюменской тайги и тундры, строительством северных городов и посёлков, развитием сельскохозяйственных районов области.

Литераторы находились в самой гуще событий, ярко и интересно рассказывали о своём времени, о своих современниках. Тюменскими писателями написаны сотни книг стихов и поэм, повестей и романов, очерков и публицистических статей, которые по сей день не потеряли свою актуальность – они созданы людьми талантливыми, думающими, неравнодушными.

По произведениям тюменцев поставлены театральные спектакли, сняты художественные и документальные фильмы. Поэты и писатели часто выступали на рабочих площадках Тюмени, Тобольска, Ишима, в сельской глубинке, в самых отдалённых уголках Югры и Ямала. Как вспоминают очевидцы тех лет, «стихи читали в общежитиях, на заводах, на колхозных фермах», они звучали везде и всюду.

За прошедшие полвека создано немало талантливых произведений, реализовано много проектов, проведены тысячи семинаров, и сегодня Тюменский Союз писателей – в авангарде событий, происходящих в нашей области, создает новые книги, растит молодую смену литераторов.

От всей души хочу поздравить всех вас с юбилеем и пожелать больших творческих свершений!

Губернатор Тюменской области В.В.Якушев.

---

* «Одержимые творчеством». Буклет, изданный к 50-летию областной писательской организации. Тюмень, ОАО «Тюменский издательский Дом», 2012г.

Константин Лагунов

(1924-2001гг.)

Член Союза писателей СССР, два ордена «Знак Почета», орден Дружбы народов, «Заслуженный работник культуры РСФСР», почетный гражданин города Тюмени, ответственный секретарь Тюменской областной писательской организации (1963-1983 гг.), кандидат исторических наук

В ворота памяти стучусь

(1998г.)

Вершинным творением Природы является человеческая память. Живой неразрывной нитью она связует поколения, времена и события. Давно пережитое, отболевшее, преданное забвению не исчезает из памяти, покоится в ее донных пластах, готовое в миг любой, по первому востребованию вынырнуть, ожить, разбередить, казалось бы, зажившую болячку, или, напротив, оросить елеем, смирить незажившую ссадину.

Ей, памяти, обязаны люди неугасанием вековых традиций, обрядов, обычаев.

Ей, памяти, обязаны они и своими познаниями, эрудицией, культурой.

Лишенный памяти человек – идиот.

Лишенный памяти народ – стадо неведомых двуногих животных, неодолимо и слепо бредущих к своей гибели...

Бежит, торопится Время. От лета к зиме, от зимы к лету. И снова к зиме. И опять к лету.

Неуловимыми невидимками мелькают годы, калейдоскопят события, мельтешат лица. Но ничего не исчезает бесследно.

Все пережитое оставляет, пусть мимолетный, пускай неглубокий, но все-таки оставляет неперемный след в нашей памяти. И когда нам захочется что-то воскресить, что-то оживить, вырвать из небытия, чтоб наново присмотреться и осмыслить, мы стучимся в ворота памяти.

- Эй!.. Отворяй!.. Выкладывай на свет. Дай по-новому оглядеть. Не руками, так хоть взглядом придиричиво ощупать. Прикинуть. Оценить...

И старые, замшелые, скрипучие ворота памяти послушно растворяются. И слышится сонный, но уверенный и добрый голос:

- Входи. Ты здесь хозяин. Бери, что надо....

Все именно так и случилось у меня, когда вздумалось мне взглянуть на путь, пройденный нашей писательской ватагой с изначала. А поводом этого желания явился внушительный юбилей Тюменской областной писательской организации.

1

Первые строки, как первый аккорд, предваряющий неведомую мелодию, и оттого, каким будет этот первый аккорд, зависит мое отношение к музыке, которая сейчас зазвучит. С теплой радужной надеждой, а может с холодной настороженностью или даже с откровенным раздражением стану я слушать эту музыку. И если случится возобладать последнему чувству, то любой мелодии нелегко будет пробиться к сердцу моему, прорвать плотину моих чувств, выжать слезы блаженства либо восторга.

Вот и перелопачивал я пережитое, соображая с чего начать рассказ о рождении, взрослении и возмужании родной писательской организации, которой ныне исполнилось тридцать пять лет. Если от 98 отнять 35, получится 63. Стало быть, родилась наша писательская организация в 1963 году.

Тогда Тюмень не была еще нефтяной и всемирно известной. И в своем-то отечестве о ней не шумела молва, и многие столичные снобы при слове *Тюмень* выпучивали глаза: «Откуда, мол, и что это за географические новости?».

Но характерный стойкий запах нефти уже пропитал воздух Тюмени. И хотя нефть существовала пока лишь на бумаге – в отчетах, планах, справках, докладных, и многие властные особи в нее еще не верили, в ней еще сомневались, Тюменский обком партии вспугнутым лосем пер напролом сквозь чащу запретов, сомнений, предостережений и окриков, торопясь поскорее зачерпнуть первый ковш живой тюменской нефти. По болотным топям, сквозь непролазные урманы и вечную мерзлоту, к тому же первому ковшу земной гремучей кровушки рвались тысячи одержимых, лихих и отважных нефтяных фанатов – буровиков и вышкомонтажников, промысловиков и строителей.

У них не было узаконенных проектов и утвержденных смет, не было научно обоснованных расчетов, чертежей и схем, но они пробились к нефтяным кладам Сибири, зачерпнули первый победный ковш.

И, как октябрьский выстрел «Авроры», прогремело над миром: *Есть Тюменская нефть!*..

Это случилось в мае уже 1964 года, и на том незабываемом великом торжестве я присутствовал в качестве ответственного секретаря Тюменской областной писательской организации...

Всемирную славу Тюмени принесли дела и подвиги геологов и нефтяников, строителей и газовиков. Но разнесли, раззвонили эту славу по всему белому свету писатели и журналисты. И громче всех трубили о «великом открытии века», о непостижимом «чуде века», о загадочном «тюменском сфинксе», громче всех трубили об этом тюменские писатели.

С их запева громкозвучную осанну тюменским первопроходцам подхватили писатели социалистического зарубежья. И мощное, стогласное, неодолимое «славься, славься» накрыло всю планету.

Наверное, не будь у нас под боком «нефтяной целины», становление и возмужание областной писательской организации проходило бы

намного трудней и медленней, и не знаю, смогла ли бы она завоевать огромный авторитет и громкую популярность не только на родной земле Тюменской, но и во всей стране.

Всякое событие, великое и малое, - творение рук человеческих. Появление в области писательской организации – культурное событие высшего разряда. Кто причастен к этому событию?.. Кто приложил к нему руки и разум, и талант?..

Распахиваю пошире ворота памяти, и не наощупь, не наугад начинаю пробираться к спрессованным временем пластам, в коих и сокрыт желанный ответ...

2

В шестьдесят третьем в Тюмени не было дворцов культуры, не было и филармонии, и Дома политического просвещения с их просторными многоместными залами. В городе имелся всего один большой, современно оборудованный зал заседаний в помещении областного комитета партии. В том зале проходили все наиболее значимые совещания, заседания, конференции, пленумы. Поэтому, вероятно, никого не удивило, что в тот смурной студеной мартовский вечер к обкому шли и шли люди.

Однако внимательный наблюдатель непременно заметил бы, что на сей раз в обком спешили не только партийные, советские, комсомольские да профсоюзные деятели, но и учителя, врачи, журналисты, студенты, военнослужащие. И шли они, в основном, не по одному, а веселыми говорливыми стайками - так идут на большой всенародный праздник.

К означенному в приглашениях часу зал заседаний обкома партии был переполнен. Припозднившиеся стояли либо сидели в проходах на невесть где раздобытых стульях.

Непривычным оказался и состав президиума этого собрания. Вместе с областной «верхушкой», возглавляемой первым секретарем Тюменского обкома партии Борисом Евдокимовичем Щербиной, за длинным широким столом президиума восседали секретарь правления Союза писателей СССР, известный детский писатель Сергей Баруздин и шестеро именных членов Союза писателей СССР, из которых и состояла только что родившаяся Тюменская писательская организация. Ее рождению и посвящено было столь представительное и многолюдное собрание общественности города Тюмени.

Собрание открыл Борис Евдокимович Щербина. Человек высокообразованный, эрудит, прекрасный оратор. По своей природе, складу ума, духовному настрою Щербина был идеологом. Его всегда занимала и глубоко волновала духовная жизнь всего советского общества и, конечно же, своего края. Именно он сыграл решающую роль в создании областной писательской организации. Щербине во многом обязана она своим стремительным взлетом, превращением в одну из авторитетнейших писательских организаций Советского Союза...

Нарядные, веселые, улыбочивые тюменцы восторженной овацией встретили весть о рождении областной писательской организации. И щедрыми аплодисментами наградили каждого писателя.

За вычетом моей персоны, их было пятеро. Великолепная пятерка!

Чтобы даже бегло охарактеризовать каждого, старательно роюсь в темном углу памяти, нашариваю нужный пласт, вытаскиваю его на свет божий. Начинаю медленно потрошить его, отыскивая желаемое...

Иван Истомин. Человек-легенда. Прозаик и поэт. Публицист и драматург. Всю жизнь не расстававшийся с костылями. На закате своей жизни Иван Григорьевич задумал книгу «Преодоление». Это – не роман. Не повесть. Это – исповедь могучего духом, отважного и дерзкого человека, всю жизнь преодолевающего жестокие наскоки немилосердной судьбы.

И начиналась эта исповедь такими стихами:

*О, если б могли костыли объясниться,
Они рассказали б (пускай не в стихах),
О том, почему и во сне мне не снится,
Что я без подпорок стою на ногах.*

*Они рассказали б про горькое детство,
Про то, как недуг мою юность распял,
Про то, как искал я волшебное средство,
Как Бога молил. Как его проклинал.*

*От горя мои костыли почернели,
Но я не сдаюсь. Мой еще не черед.
С трудом отрываю себя от постели,
Беру костыли, и... полшага вперед.*

*Какая же сила нужна и отвага
(Навряд ли из вас это кто-то поймет),
Чтоб кинуть себя всего на полшага,
Всего на полшага – вперед!..*

Вот таков он, Иван Истомин. Первый из первой пятерки профессиональных писателей земли Тюменской...

Вторым память высветила **Михаила Лесного (Зверева)**.

Это добродушный, изысканно - вежливый, гостеприимный ишимец. Он жил тихо и неприметно в своем ишимском «поместье», сочинял превосходные книжки для детей – о родной сибирской природе, о наших четвероногих друзьях.

Настал черед **Майи Сыровой**.

Смуглолицая болгарка. С ослепительной улыбкой и искристым взглядом. Поэтесса. Вскоре переехала в Москву. В кардиологической клинике встретилась с будущим мужем. Оба страдали от одинакового сердечного недуга. Уговорила мужа на операцию. Их прооперировали одновременно. Из реанимационной Майя ушла в мир иной, а муж выжил.

Не успел я завершить представление Майи Сыровой, а из вороха воспоминаний уже возник самостийно неукротимый, размашистый и голосистый **Иван Ермаков**.

Крупный плечистый мужик. С лицом крупным, будто наспех, одним топором вытесанным. Большенос. Крупные ядреные губы. Лохматые брови. В глазах – озорное лукавство. Он пришел в Союз писателей с большой книгой самобытных, ярких, звонких сказов, которые намного пережили писателя, и будут жить еще долго-долго...

Замыкает великолепную пятерку **Василий Еловских**. Худощавый, очень проворный и энергичный человек. Принимали его в Союз по книгам, вышедшим в Москве. А это что-нибудь да значит...

После торжественного публичного крещения новорожденной Тюменской писательской организации, нас пригласили в малый зал заседаний бюро обкома партии. Зеркально отполированные столы накрыты белыми салфетками. На них закуски и напитки. Там новорожденного омыли «русской горькой».

Чтоб в зале заседаний бюро обкома партии пили водку, курили и во всю мощь голосовых связок базарили, кто во что горазд, а захмелевший Иван Ермаков хриплым баритоном распевал самодельные частушки – такое и присниться в ту пору никому бы не могло. Но жизнь изобретательней и фантастичней любых снов...

3

Появление профессиональной писательской организации взбодрило, разогнало, раскрутило литературную и духовную жизнь нашего неоглядного, сказочно богатого талантами, края.

Что такое шесть человек, шесть профессиональных писателей? Ничтожно малая величина в сравнении с теми всесоюзными мероприятиями, которые принесли ей общепризнанный авторитет и славу.

Штатных работников в писательской организации было всего двое: я (ответственный секретарь) и Зинаида Алексеевна Белова-Черкасова. Она была бухгалтером и кассиром, техсекретарем и машинисткой, делопроизводителем и завхозом. И еще литератором: ее рассказы и очерки постоянно появлялись в местных газетах, передавались по областному радио.

Невысокая. Спортивно стройная. Энергичная и очень подвижная. Умеющая делать все: шить и вязать, плотничать и малярить, стряпать и считать, печатать на машинке и сочинять рассказы. Это была женщина высоконравственная, неправдоподобно щепетильная, поразительно добросовестная и работоспособная. За двадцать лет совместной работы не было случая, чтоб мне пришлось дважды говорить свою просьбу.

Она жила по закону наших первопроходцев: «что такое нельзя, если надо». Как-то за день она отпечатала более ста страниц на машинке.

Работа, дом, где все надо было делать самой, своими руками, отнимали уйму времени и сил, но она еще умудрялась постоянно и упорно заниматься самообразованием. В ее обширной библиотеке были сочинения Достоевского и Булгакова, Скабичевского и Сенеки.

Зинаида Алексеевна Белова-Черкасова была одна. Но вокруг писательской организации было много деятельных, талантливых людей, беззаветно преданных литературе, одержимых творчеством.

Это были наши надежные, верные помощники, доброжелательные критики и советчики.

Это был живой, неиссякаемый, прозрачный родник, который подпитывал нашу энергию, раздувал наше вдохновение.

Это был наш тыл, наш всемогущий резерв, откуда в организацию вливались и вливались новые молодые таланты. И не только молодые. Резерв-то был всевозрастной и многонациональный. Но состоял он из конкретных личностей, и обойти их молчанием, не назвав хоть некоторых – я не могу...

Зачем я тронул эту струну, поднял этот пласт памяти? Из него тут же вывалилась горластая, неугомонная, озорная ватага тех, кто всеми силами подпирал писательскую организацию, питал ее живыми молодыми соками, помогая ей стремительно мужать, совершенствоваться, набирать всесоюзную высоту.

Если попытаться выстроить эту ватагу в одну длиннющую шеренгу, то на правом фланге, наверное, окажется Лазарь Вульфович Полонский.

Неувядаемый. Неугомонный. Неутомимый Полонский. Улыбчивый и добродушный. Язвительный и царапучий. Добрый советник и помощник, сделавший очень и очень много для пропаганды творчества региональных писателей, для возвышения авторитета областной писательской организации.

Ну, а левый фланг представят два юных друга – восемнадцатилетние Владимир Нечволода и Николай Денисов. Внешне они мало схожи. Владимир – круглолиц, яркогуб, улыбчив и по-детски наивен. Николай – приметно крепче телом и духом, с крутой мужицкой суровинкой в лице и прицельно цепким взглядом.

Позже оба окончили Литературный институт при СП СССР (Союз писателей СССР – примеч. ред.), стали профессиональными поэтами. Однако время показало, что талант Николая Денисова разносторонней и ядреней. Николай Васильевич проявил себя и как незаурядный прозаик, и как огненный публицист, и как отменный организатор литературного процесса: он много лет является главным редактором газеты-альманаха «Тюмень литературная». Это издание пользуется заслуженно широкой известностью не только в России, но и за ее рубежами.

Между право- и левофланговыми - полусотня превосходных литераторов. О каждом из этой полусотни можно было бы рассказать много интересного, поучительного и забавного, смешного и грустного, но непременно оригинального, запоминающегося.

Но сделать это в статье невозможно. А простой перечень фамилий лишь утомит читателя. Потому из этой блистательной шеренги вырву несколько личностей, и коротко, очень коротко, представлю их...

Вот поперешный, задиристый и ершистый поэт **Владимир Фалей**, которого «мама в капусте нашла», когда его «шлепали по попке лопухи». Решительный и отважный и в жизни, и в стихах, Володя обладал редким качеством притяжения, и вокруг него всегда кучковались жаждущие подвига и славы...

А вот рафинированный интеллигент, философ, тонкий, изящный лирик Анатолий Кукарский. Однажды встретив на улице женщину, которая силой волокла на поводке упирающуюся, рвущуюся в кусты собаку, Анатолий заступил незнакомке путь. И так красочно, так взволнованно, так убедительно живописал страдания подмятого неволей вольнолюбимого веселого пса, что женщина отстегнула поводок, дав волю ошалелой от радости собаке...

Или вот комиссар нашей писательской организации – так заглазно называли мы своего бессменного парторга **Виталия Клепикова**. Критик и публицист, блистательный знаток современной литературы, Виталий был душой литературной молодежи.

Во время подготовки к Дням советской литературы в Тюменской области (разговор о них впереди) Клепиков отвечал за выпуск серии небольших красочных поэтических буклетов. На открытии очередных Дней подхожу к столу, где разложены эти буклеты. Перебираю их. Знакомые имена, известные стихи. Вдруг натыкаюсь на неведомую фамилию – Китир. Кто такой? Слыхом - не слышал, видом – не видал. И товарищи на мой вопрос только плечами пожимают да руками разводят. В биографической справке значится, что Китир – северянин, ненец, да еще охотник. И в стихах – Север да охота. Дотошные столичные гости уцепились за этого самого Китира, терзают меня расспросами, а я ни бум-бум.

Ларчик открылся просто. Клепиков придумал этого Китира, сочинил его биографию и написал стихи...

Вот такие талантливые, озорные да смышленные были мужики в нашем литературном активе. Из него пришли в Союз писателей **Зот Тоболкин и Сергей Шумский, Анатолий Васильев и Станислав Мальцев, Геннадий Сазонов и Юрий Надточий, Николай Смирнов и Маргарита Анисимкова**, и еще многие, ныне здравствующие и процветающие прозаики, поэты, публицисты.

4

Однажды С. Маршак обронил крылатую фразу: «Сперва я работал на свое имя, потом имя стало работать на меня». Приложив эту мудрость к жизни любой общественной (в том числе и писательской) организации, можно сделать бесспорный вывод: сперва делами завоюй авторитет, добейся уважения и почитания людей, потом рассчитывай на их поддержку и помощь.

Книги наших писателей, их выступления в печати, по радио и телевидению, регулярные встречи с читателями – все это, конечно, подогревало и подпитывало авторитет писательской организации, но не настолько, чтобы приковать к ней внимание общественности, сделать организацию одним из духовных и идеологических центров земли Тюменской. Для этого нужны были какие-то масштабные, впечатляющие и яркие мероприятия. Но ни опыта, ни сил, ни средств для этого у нас тогда не было. И все-таки мы рискнули. Решив ежегодно проводить в Тюменской области Неделю поэзии. Первая такая неделя состоялась в 1964 году...

В ту пору в Тюмени был талантливый поэтический молодец, но именитых профессиональных поэтов не было. Мы разослали во все концы приглашения известным поэтам. Откликнулись очень немногие. А принять участие в Неделе согласились единицы. И первыми, кто приехал к нам на поэтическую неделю, были Дмитрий Ковалев, Илья Фоняков, Людмила Щипахина, Юрий Окунев.

Чтобы понять, какие это были люди, как самозабвенно и преданно служили они любимой Поэзии, я чуть подробнее расскажу об одном непременно участнике всех наших поэтических Недель, московском поэте Дмитрие Михайловиче Ковалеве...

Студеным хмурым декабрьским вечером зеленокрылый «ЛИ-2» летел из Тюмени в Салехард. Мягко покачиваясь, подрагивая корпусом, натужно урча моторами, упрямо пробивался сквозь облака тихоходный «ЛИ». За бортом минус 57. Пассажиры замерзли, устали от болтанки. Даже стюардесса, поначалу очень веселая, улыбочивая и говорливая, даже она притихла, съезжилась на своем сиденье, то ли задремала, то ли задумалась, что не сразу откликнулась на обращение к ней невысокого худощавого мужчины.

- Девушка, позвольте воспользоваться вашим микрофоном.
- Что случилось?.. Кому-то плохо?..

Мягкая добрая улыбка осветила лицо мужчины. Успокаивающе коснувшись ее плеча, сказал добродушно и весело:

- Не волнуйтесь, пожалуйста. Люди замерзли, устали, и мне хотелось бы их приободрить, сказать несколько теплых слов...

И зазвучал в салоне негромкий, но какой-то глубинный и волнующий голос Дмитрия Ковалева:

- Дорогие товарищи! Вчера в Тюмени открылась Неделя поэзии. На нее приехали поэты из Москвы и Ленинграда, из Новосибирска и Свердловска.

Во всех городах области пройдут поэтические вечера, встречи... Давайте-ка и мы проведем сейчас поэтический вечер. Я почитаю вам стихи...

Он читал спокойно и ровно. Не декламировал, а вроде бы разговаривал со слушателями, доверительно и откровенно:

*И зачем самих себя бояться?
И нечестно будущему льстить?
Дайте человеку посмеяться!
Дайте человеку погрустить!*

Люди впитывали проникновенные строки. И вроде бы поутих натужный рокот моторов. И неожиданно вдруг потеплело в салоне.

...В зале Тобольского культпросветучилища было пусто. А через полчаса там должен был начаться городской литературный вечер, посвященный Неделе поэзии. Соберутся ли тоболяки? На улице мороз за тридцать.

В маленькой, полутемной, выстуженной комнатенке за сценой собрались те, кому предстояло выступать на литературном вечере. Пустой зал. Холод. Полумрак. Все это действовало на них угнетающе.

Вдруг Ковалев запел. Высоким, прозрачным, трепетным голосом, негромко, но очень выразительно запел он «как на черный Ерек», и сразу притянул к себе всех, и «любо, братцы, любо» мы пели уже хором – громко, дружно и слаженно.

В эти минуты дирижировавший Ковалев привиделся мне юным краснофлотцем. Среди друзей во фронтовой землянке. Скоро в атаку. Сдвинута лихо на затылок бескозырка. Небрежно расстегнут бушлат. Подобранный крутоплечий Ковалев поет лихую казачью песню. В Отечественную Дмитрий Михайлович был подводником и морским пехотинцем Северного флота. «От всей заставы пятеро осталось. И не сознание подвига – вина. В глазах тысячелетняя усталость. А только-только началась война...».

Когда в назначенное время мы вышли на сцену, зал был переполнен. Дмитрий Михайлович читал свои стихи о войне, о любви, о смысле жизни. Читал упоенно. И зал внимал ему, не дыша...

В ту пору в Тобольске была единственная деревянная допотопная гостиница. С печным отоплением. И единственный ресторанчик, всегда забитый до отказа.

Гостеприимные тоболяки забронировали нам два ресторанных столика. Мы сдвинули их. Тесно уселись вокруг.

- Нельзя мне пить, ребята. Нельзя, - сокрушенно проговорил Дмитрий Михайлович, отодвигая рюмку.

Мы смущенно отвели глаза, сочувственно опустили головы.

- Ну, разве что одну, - заколебался он. - За встречу.

- Тогда и мы по одной, - высказал общее мнение Анатолий Кукарский.

В маленьком зале было накурено до синевы. Надрывно хрипела радиоло. За столиками спорили, празднично болтали, выясняли отношения. Несколько пар танцевали на крохотном пяточке в центре зала.

А мы, сойдясь головами, разговаривали о поэзии. Когда заговорили о Твардовском, Ковалев стал читать его стихи. Негромко, но так взволнованно и искренно, что мы заслушались и не заметили, как смолкли голоса, сперва за столиком справа от нас, потом за столиком слева. И будто цепная реакция пошла по залу. Один за другим смолкли разгоряченные голоса. Кто-то взял за руку забузвившего было танцора, и тот исчез. Смолкла горластая радиола. Отложены ножи и вилки. Погашены сигареты и папиросы. Длинной шеренгой вдоль буфетной стойки выстроились официанты и кухонные работники.

Дмитрий Михайлович встал. Отодвинул стул. Возвысил голос. И зазвучали волшебные стихи Есенина и Блока, Гумилева и Цветаевой.

Это было неправдоподобно прекрасное зрелище. Ресторанный чад. Тусклый свет люстры. Сдвинутые в груды тарелки, рюмки, фужеры. Подпертые ладонями лохматые и обихоженные, молодые и седые головы. Стойкая чуткая тишина, в которой звучит раскаленный волнением голос поэта Ковалева...

Вот какие поэты задавали тон на наших Неделях поэзии. Это были не только прекрасные мастера отечественной поэзии, но и высоко нравственные люди, исполненные чувства гражданского достоинства и благородства. У них многому научились наши молодые поэты и, опираясь на их поддержку и опыт, круто набирали желанную высоту. Стремительно взорлили в поэтическую высь Николай Денисов и Владимир Нечволода, Анатолий Кукарский и Алла Кузнецова. Им «наступали на пятки» Владимир Фалей и Федор Чурсин, Михаил Лецкий и Анатолий Васильев, Андрей Тарханов и Юван Шесталов...

Всю Неделю поэзии местные газеты ежедневно публиковали интервью с поэтами, их стихи, рассказы о их творчестве. Радио и телевидение рассказывали о поэтических вечерах. Над Тюменью и краем голосистыми весенними птицами кружили стихи, стихи, стихи...

Торжественное открытие и закрытие Недели поэзии проходили все в том же зале заседаний областного комитета партии. Иногда эти поэтические вечера продолжались более трех часов без перерыва. И все это время переполненный, битком набитый большой зал благоговейно внимал поэтам, награждая каждого бурными аплодисментами.

И традиционный прощальный ужин участников Недели поэзии проходил в столовой обкома партии.

Тут, по-моему, комментарии не нужны. Как говорят, «и ежу ясно», что без разносторонней и мощной поддержки обкома партии, городских и районных партийных комитетов, такие грандиозные областные мероприятия, как Неделя поэзии, писательской организации никогда бы «не подняты».

Ежегодно проводимые Недели поэзии стали первой, высокой ступенью к признанию, популярности и авторитету областной писательской организации не только в родной Тюменской области, но и в Москве, и в Союзе.

Потому и посетил нас Первый секретарь Союза писателей СССР, дважды Герой социалистического труда, член ЦК КПСС, депутат Верховного совета СССР, лауреат Ленинской и многих премий Георгий Мокеевич Марков.

5

Почти тридцать лет Георгий Марков возглавлял Союз писателей СССР. Чтобы тащить всесоюзный писательский воз, надо было быть первоклассным дипломатом и блестящим политиком, выдающимся организатором и отменным оратором, требовательным администратором и чутким талантливым психологом; и еще следовало быть добротным писателем.

В приемной Маркова всегда толпились обиженные, рассерженные, надеющиеся писатели, приехавшие в свой Союз из разных уголков великой державы. А на рабочем столе Маркова всегда толстенная папка деловых бумаг – постановлений, циркуляров, писем – из самых разных инстанций от ЦК КПСС до министерства иностранных дел. Потому сочинительству Марков отводил время от четырех до восьми утра.

Я часто встречался с Георгием Мокеевичем, бывал с ним в поездках, в том числе и зарубежных, видел его в самых разных обстоятельствах и не раз дивился его спокойной рассудительности, хладнокровию и мудрости. Потому-то приезд в Тюмень Георгия Мокеевича явился для меня незабываемым событием...

Это случилось в студеном пасмурном январе 1970 года.

Мы съездили с Георгием Мокеевичем в Ялуторовский музей декабристов. Побывали в Тобольске и в селе Покровском. О чем только не переговарили, то и дело наталкиваясь на вопрос: какое общесоюзное литературное мероприятие можно провести в Тюмени, чтобы оно, во-первых, прогремело на всю страну; во-вторых, стало традиционным; в-третьих, оттолкнувшись от Тюмени, покатило бы по всему Советскому Союзу?

В конце концов, надумали в этом же году провести в Тюмени первые Дни советской литературы с участием лучших наименитейших писателей всех пятнадцати союзных республик.

С этой идеей и явились мы к Борису Евдокимовичу Щербине. День был воскресный. Принимал он нас на своей квартире, в которой не было следов евроремонта. Стояла обыкновенная мебель, и застолье было самым рядовым, и «обслуживала» нас жена Бориса Евдокимовича. Упоминаю об этом специально для тех, кому задурили мозги рассказами о барской роскоши бывших «партократов».

А 20 июля 1970 года в Тюмени открылись первые Дни советской литературы, в которых участвовало более ста прозаиков, поэтов, драматургов и критиков из всех республик Союза, да еще гости из семи зарубежных стран.

Открывали Дни литературы в Тобольске, на кремлевском дворе в присутствии многих тысяч тоболяков. Море улыбок. Бурные восторженные овации. Охапки цветов.

В этот же день открыли в Тобольске памятник П.П.Ершову, сделанный тюменским скульптором Беловым.

Всем гостям вручили памятные медали с портретом Ершова, сделанные тюменскими умельцами на заводе медоборудования.

В Тобольске возглавляемая Г.М.Марковым писательская армада разделилась на пять отрядов. Самый большой из них на «своем» теплоходе направился вниз по Иртышу и Оби к геологам и нефтяникам Горноправдинска, Ханты-Мансийска, Сургута, Нефтеюганска, Нижневартовска, Мегиона.

Другие писательские бригады улетели и уезжали к газодобытчикам Заполярья, к рыбакам и лесникам, к хлеборобам.

Сотни литературных вечеров в переполненных залах. Встречи с писателями на лесосеках и буровых, на полевых станах и животноводческих фермах, в заводских цехах и на рыбацких песках, в сейсмоотрядах и на промыслах. Многие участники этих встреч впервые видели живого писателя, слышали жаркое проникновенное писательское слово.

Это был непередаваемый всеобщий праздник духа, праздник отечественной культуры, торжество высоких идеалов и благородных стремлений. Все центральные газеты Советского Союза, центральное радио и телевидение ежедневно рассказывали о Днях литературы в Тюменской области; печатали интервью с писателями, подборки стихотворений, отрывки из рассказов и повестей все местные, областные, окружные, городские и районные газеты. Добавьте к этому многие очерки, репортажи и статьи о Днях литературы, написанные и опубликованные нашими зарубежными гостями.

Насколько велик авторитет этих Дней был в стране, можно судить хотя бы по такому факту. Центральное телевидение предоставило мне сорок минут для рассказа о делах тюменских.

К Дням литературы мы выпускали поэтические буклеты, медали, афиши, плакаты, альманахи. В период подготовки к первым Дням родилась наша газета «Тюмень литературная», выпуск которой продолжается и поныне. За эти годы внешний вид и объем газеты неузнаваемо изменились, она превратилась в оригинальный красочный и яркий альманах. А вот редактор у «Тюмени литературной» остался прежний – поэт и прозаик Николай Васильевич Денисов. Человека, одновременно играющего на нескольких музыкальных инструментах, называют «человек-оркестр». Следуя этому примеру, Николая Денисова можно назвать «человек-редакция». Готовя очередной номер своей газеты-альманаха, он выступает в качестве корреспондента и редактора, фотографа и корректора, техреда и экспедитора, экономиста и юриста. Почему? Да потому, что весь штат редакции «Тюмени литературной» состоит из одного человека – Николая Денисова. Дивлюсь его неиссякаемой работоспособности. Восхищаюсь его творческой энергией. Радуюсь его новым книгам поэзии и прозы...

Шесть лет подряд, в одно и то же время, проводились в Тюмени Дни советской литературы. Наш опыт подхватили писательские союзы всей страны. Авторитет и вес Тюменской областной писательской организации стал не только высок, но и всесоюзно масштабен.

А мы были уже недовольны достигнутым. Вместе с руководством Союза писателей СССР стали думать да гадать, чем бы новым удивить да порадовать тюменцев.

И придумали...

6

Это была первая в истории Всесоюзная творческая конференция писателей и критиков. Тема конференции «Герои великих строек нашего времени и советская литература». Проходила конференция в Тюмени 25-27 января 1978 года.

Снова Тюмень принимала более ста писателей со всех республик великого Советского Союза. Конференция стала главным событием в жизни нашего края. К ней было приковано внимание всех средств массовой информации страны.

С большой, яркой и мудрой речью на конференции выступил первый секретарь обкома партии Геннадий Павлович Богомяков...

Здесь мне хочется сделать маленькое отступление для того, чтобы сказать: ни Дней советской литературы, ни Всесоюзных творческих конференций, и даже Недель поэзии наша писательская организация никогда бы не провела без поддержки, помощи и руководства областного комитета партии.

Дни советской литературы «съедали» немало средств. Мы откупали на неделю двухпалубный теплоход «Ленинский комсомол». По нашим маршрутам развозили писательские десанты спецрейсами самолеты и вертолеты, катера и автобусы. На десять дней мы полностью откупали гостиницу «Турист». Аренда залов. Реклама. Питание... Все это деньги, деньги и деньги... Нашей, писательской сметой такие расходы не предусматривались. Деньги на проведение, скажем, Дней литературы давали облсовпроф, облисполком, главки, и давали, прежде и главным образом, потому что за нашей спиной стоял обком партии.

Прихожу я, к примеру, в нефтяной главк, к начальнику главка Виктору Ивановичу Муравленко, и говорю:

- Двадцатого июля начнутся Дни советской литературы в нашей области. Посмотрите, каких именитых гостей ждем мы...

Виктор Иванович внимательно «изучает» программу дней, список предполагаемых участников этого литературного праздника. Из пяти маршрутов, по которым поедут писательские бригады, главным и самым многолюдным, был маршрут «нефть» - на теплоходе по нефтяным городам.

Передавая Виктору Ивановичу именное приглашение на торжественное открытие Дней, я говорю:

- Мы обговаривали с Борисом Евдокимовичем программу Дней и возможные источники материальных затрат... Он посоветовал обратиться к вам с просьбой принять на главк расходы по аренде теплохода, на котором поплывут писатели к нефтяникам...

Борис Евдокимович Щербина – первый секретарь обкома партии. Его советы и рекомендации следовало исполнять. И поворотив свой седой чуб,

покашляв коротко и многозначительно, Виктор Иванович писал на уголке принесенного мною письма распоряжение своим финансистам: оплатить аренду теплохода...

С каждой из пяти писательских бригад ехал работник идеологического отдела обкома партии. Он брал на себя все организационно-хозяйственные хлопоты и заботы, связанные с поездкой писателей к рыбакам, лесникам или хлеборобам. А это: транспорт, гостиницы, питание, организация встреч, вечеров, конференций.

Местные партийные органы – горкомы, окружкомы, райкомы – были душой всех мероприятий, проводимых на их территории во время Дней литературы...

Тюменский обком партии был крестным отцом нашей писательской организации. И относился к писателям по-отечески взыскательно и добросердечно. Обком для писателя был родным домом, куда можно было постучаться с любой бедой и нуждой.

Я никогда не забуду долгие откровенные беседы обо всем с Борисом Евдокимовичем Щербиной или Геннадием Павловичем Богомяковым. Разговор всегда проходил, как говорят, на равных. Не таясь и не лукавя, и не эзоповским языком, я высказывал все, что наболело: сомнения, недоумения, неприятия. Мы часто и порой непримиримо спорили, но это не портило наших дальнейших отношений. Для меня эти беседы были глотком живой воды...

Но вернемся к первой в стране Всесоюзной творческой конференции писателей и критиков, которая проходила в Тюмени 25-27 января 1978 года...

С глубокой яркой речью на конференции выступил первый секретарь Тюменского обкома партии Г.П.Богомяков. У него великолепная память. Цепкий аналитический ум. И даром красноречия природа не обделила Геннадия Павловича. Его пространная, убедительная, образная речь была встречена писателями восторженно.

45 ораторов выступило на этой конференции. Среди них такие выдающиеся писатели, как Георгий Марков и Вадим Кожевников, Сергей Залыгин и Борис Полевой, Григорий Бакланов и Даниил Гранин.

И снова Тюмень из нефтяной стала литературной столицей Советского Союза.

И снова к Тюмени литературной было приковано внимание всех средств массовой информации.

И опять Тюмень стала инициатором, и по ее примеру всесоюзные творческие писательские конференции стали проводиться в других городах – краевых, областных да республиканских столицах неоглядного Советского Союза...

Да, Тюменская писательская организация родилась, росла и мужала под красным знаменем большевиков. Книги наших писателей постоянно

выходили не только в Средне-Уральском, но и во всех столичных издательствах, и за рубежами нашей прекрасной Родины. Мы чувствовали себя постоянно действующей, активной и могучей силой идейной и духовной жизни нашей Тюменской земли.

Писателей знали.

Писателей уважали и почитали. С их мнением считались. К их голосу прислушивались.

Мы входили в состав пленумов правлений Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР, были членами издательских редсоветов и редколлегий журналов. Наши голоса постоянно звучали по радио и телевидению. Наши имена не сходили со страниц областной печати.

Так это было...

С тихой щемящей грустью покидаю я волшебные лабиринты своей Памяти.

Сколько же там скопилось интересного, важного, нужного людям. Но мне пока недосуг перелопачивать прожитое. Дважды я уже проделывал подобное. Желających узнать, что из этого получилось, отсылаю к своим книгам «Пред богом и людьми» и «Портрет без ретуши».

А пока я покидаю пенаты Памяти. И тихо затворяю ее ворота...

Юрий Мешков

(1939-2011гг.)

Член Союза писателей России,
профессор Тюменского госуниверситета (1999 - 2011гг.),
Заслуженный работник высшей школы РФ

Тюменской строкой*

(Продолжение)

Тюменская писательская организация не распалась. В том заслуга почти 17 лет возглавлявшего ее Сергея Шумского. В 2003 году его сменил Анатолий Васильев, а в 2005 ответственным секретарем был избран Николай Денисов. Правда, потеряли особняк, в котором располагался Дом писателей. Теперь квартируем у новых хозяев нашего прежнего Дома в двух небольших комнатках (В настоящее время адрес: г. Тюмень, улица 50 лет Октября, 48 – примеч. ред.). Лишились бюджетной поддержки, а потому все вместе собираемся крайне редко. Крайне редко встречаемся с читателями. Редкие презентации новых книг привлекают все больше фуршетом. Во властных кабинетах встречают недоуменно: вы еще существуете? Правда, отдельным писателям удается найти спонсоров на издание книг. И власть отдельным писателям помогает. Но организацию в упор не видит.

Создается ощущение, что начальники от культуры исходят из представления о культуре только как о виде досуговой деятельности. И все, что связано с досуговой деятельностью, получает поддержку. Будь то гастроль заезжей поп-звезды, межрайонный фестиваль лошкаррей или городской праздник непервого поцелуя.

Не понимают они, о чем речь, когда говоришь им, что самосознанием культуры являются искусство и литература. Отстраняя творческие союзы, начальники от культуры опускают культуру на уровень развлечения. А потому сегодня в большом спросе массовики-затейники из былых культпросветучилищ, но не писатели.

Не только тюменская, но практически все региональные писательские организации большие надежды возлагают на Закон о творческих союзах. Но когда он будет принят! А существовать надо сегодня.

---

* Фрагмент книги «Тюменской строкой. Антология», ОАО «Тюменский дом печати», 2008 г.

Не способствует востребованности и тот факт, что писатели разобщены. В 1993 году московский раскол дошел и до Тюмени, было образовано Тюменское региональное отделение Союза российских писателей. Его возглавил поэт Николай Шамсутдинов. В 1997 году выделились в самостоятельную организацию писатели Ханты-Мансийского автономного округа. Ее возглавил талантливый прозаик Николай Коняев (в настоящее время возглавляет Дмитрий Мизгулин – примеч. ред.). Они получили право самостоятельного приема в Союз. Все меньше, в силу удаленности, свою принадлежность к Тюменской организации ощущают писатели Ямала. В ситуации разобщенности уютно начинают себя чувствовать внеуставные самодеятельные Ассоциации. Они устраивают литературные шоу с конкурсами и премиями на щедрые пособия спонсоров, которых тут же производят в лауреаты.

Но хватит плакаться...

Николай Денисов

Член Союза писателей СССР с 1975г.,
председатель Тюменского регионального
отделения Союза писателей России,
лауреат премии Тюменского комсомола
и Всероссийской премии имени Д.Н.Мамина-Сибиряка

Душа не обманет

Заметки к юбилею *

Нет необходимости говорить о первых десятилетиях жизни творческого Союза. Об этом в настоящем сборнике-буклете подробно говорит писатель Константин Лагунов, он очень плодотворно руководил организацией с начала ее создания, ровно 20 лет. Замечу лишь, что рядом с профессионалами, а их было немного, очень быстро тогда вставали на крыло и молодые. Боевые и задорные: прозаики Геннадий Сазонов, Зот Тоболкин, Николай Смирнов; поэты Микуль Шульгин, Андрей Тарханов, Владимир Нечволода, Алла Кузнецова, Галина Слинкина, Булат Сулейманов... Свои, доморощенные, так сказать. Мы сочиняли. И, не стесняясь снобистских замечаний, «делали себе биографии». Тогда это было не только «модно», но и необходимо для жизненного и творческого кругозора. К тому же атмосфера в обществе, великие дела на Тюменщине способствовали нашим поэтическим целям. Николай Смирнов строил железнодорожный путь на Север.

Бывшая голышмановская доярка Алла Кузнецова тоже ринулась на севера. Юный Володя Нечволода рулевым на теплоходе «Капитан» возил первую тюменскую нефть из Шаима на Омский нефтеперегонный завод.

Я, бывший военный моряк, плывал матросом на пассажирском теплоходе по Северной Сосьве. Потом ходил в ледовую Арктику в качестве корабельного кока – перегоняли плавучую электростанцию из Тюмени на Чукотку. Все это было естественным и выливалось в строки, в журнальные и газетные публикации, в настоящие и будущие книги.

Целеустремленное, но несколько размеренное, дававшее уже «сбой», течение времени взбучила горбачевская перестройка. Все говорили «о свежем ветре перемен». Жили надеждами на обновление.

---

* Фрагмент буклета «Одержимые творчеством», посвященного 50-летию областной писательской организации. Тюмень, ОАО «Тюменский издательский Дом», 2012г.

Но пришла, подкралась беда. Великая страна СССР была раздавлена иноземной вражеской технологией развала, предана КГБ, обязанным защищать государственность, предана и верхушкой кремлевской власти.

Пришло время, когда в людских душах стала иссякать доброта.

Трудно говорить о так называемых «реформенных» годах, связывая их с жизнью писательской организации. Да, формально мы устояли. Даже возобновили выход (1989 год) писательской газеты «Тюмень литературная». Организация численно росла. Выходили малыми тиражами и книги. Раньше наиболее талантливые наши авторы печатались в московских издательствах. Их читала вся Россия. И не только Россия.

Перестроечные проблемы в полной мере захватили и литературные сферы. Мы «варимся» в них уже два десятка лет. С 2004 года без финансовой помощи госструктур, как было раньше. И чудится, что слова «культура» и «литература» наши большие государственные начальники так и не научились выговаривать! А ведь таланты никуда не делись.

Их, правда, настоящих, немного. Такова закономерность времен. «Свобода» слова и возможность беспрепятственно – за деньги – издаваться породили другую проблему: печатается и бесталанное. Авторы этих книжек нередко атакуют писательскую организацию: примите нас в члены Союза писателей!

Не можем. Мы – не профсоюз, куда волен вступить каждый. У творческих людей иной подход: приветствуем одаренных, талантливых. Просто. И никак иначе.

Много трудней нынче молодым и начинающим.

Но плодотворно работают и наши старые кадры: Зот Тоболкин, Юрий Надточий, Николай Коняев, Вячеслав Софронов, Борис Комаров, Аркадий Захаров. Прозаики. Из северных пределов слышны голоса поэтов со стажем – Андрея Тарханова, Владимира Волковца, Людмилы Ефремовой. Успешно вступили на профессиональную тропу поэты из Тюмени – Виктор Захарченко, Сергей Горбунов и Виталий Огородников.

Живой творческий огонек «бьется» в литературных объединениях городов и райцентров Тюменского края, в литературных изданиях.

Живем трудами и надеждами!

Евгений Зашихин

Кандидат филологических наук,
главный редактор издательско-полиграфического
центра Уральского федерального университета имени
первого президента России Б.Н.Ельцина

Правее многих

О тюменских писателях и не только

Сразу объяснюсь насчет названия, а то решит еще кто-нибудь, что я использую исходную форму правый в значении «справедливый». Или – хуже того! – подумают, что это я высказываюсь в смысле политическом, с намеком на вроде как консервативность, реакционность...

Нет, речь лишь о том, что на карте Родины тюменцы проживают *правее* и *дальше* в Азии, чем мы, уральцы, или, скажем, жители столиц – Первопрестольной и Приневской. И куда ближе к условному центру Российской Федерации, находящемуся где-то на юго-восточном берегу эвенкийского озера Виви... Аспект географический трудно не учитывать при разговоре о литературе региональной: ведь это и есть сугубо специфический извод общей нашей отечественной словесности.

Так что маркировать послание читателю «обратным адресом» автора – да еще с реальными приметам территории, с обстоятельствами, присущими только местным жителям – прием типологический. Он, похоже, существенен для творчества тюменских писателей: один сам факт нахождения *малой* родины на нефтегазоносных болотах Западной Сибири становится в их творчестве символом судьбоносных процессов в стране.

Разумеется, что звучавшее в контексте того времени с высоких трибун и с печатных страниц утверждение, что «Тюмень – передний край» («Литературная газета», 22 февр. 1978), не могло не отразиться затем в стихах и рассказах, повестях и романах здешних и заезжих литераторов. Тем более что создание писательской организации в Тюмени совпадает по срокам и с освоением нефтяного Приобья, и с «утром газовой целины» Ямала, и с рождением новых городов на севере области.

...А начиналось все с газетных жанров, поскольку они – открыватели характеров и первопроходцы проблем. «Публицистика – передний край литературы», – так называлась статья А.Ананьева в «Тюменской правде» за 26 января того же 1978 года. А другой Ананьев, Евгений Григорьевич,

который Шерман, писал в предисловии к библиографическому указателю «Писатели Тюменской области» (Свердловск, 1988), что местная писательская организация попросту «родилась из очерка».

Впрочем, про очеркистику я сейчас умолчу, а вспомню о тюменской поэзии, поскольку как журнальный критик именно о ней писал.

Да и популяризируемая в тогдашнем самосознании литературы оперативность тематической «разведки боем» ярко проявлялась и в поэзии. Вслед за командированными на ударные комсомольские стройки стихотворцами со всего Советского Союза освящать (глагол не от *света*, а от совкового концепта *святости*) данную в ощущениях действительность (буровые/магистралы/трассы) собственной рифмованной строкой принялись и местные дарования.

Не случайно же самобытный талант Николая Шамсутдинова в те годы оказался востребован коллегами-литераторами не столько для написания собственных стихов (в чем он сразу же заявил о своей мастеровитости), сколько для оргработы в Сургуте: руководством созданной под почетную миссию *головной походной заставой* – литературным постом от журнала «Сибирские огни» «На нефтяном Приобье».

Писать «*про Тюмень*» было престижно во всех жанрах, включая критику. И вот уже я сам, молодой преподаватель кафедры советской литературы Уральского государственного университета из тогдашнего Свердловска, под заглавием «Мир, где живем впервые» в июльской книжке «Урала» за 1978 год написал рецензию на четвертый поэтический сборник Анатолия Васильева «Ранний мир» (Свердловск, 1977). Нет резона сейчас вспоминать ее содержание, показателен контекст данной публикации: для анализа я привлекал еще и вышедшие в тот период в Средне-Уральском книжном издательстве книжки стихов Владимира Нечволоды, Альфреда Гольда, Николая Денисова...

Конечно же, на нынешнем временном удалении, странновато смотрится указание на место выхода изданий – все они появились в Свердловске. И приходится констатировать, что длительное отсутствие в Тюмени собственного издательства было для текущей творческой практики тюменцев фактором очень и очень негативным. Попросту не хватало тех очагов креативного горения, где можно было бы воспламениться импульсом общего профессионального воодушевления, поспорить о вопросах «ремесла», понегодовать о чужих успехах, уточнить замысел etc.

Хотя этому вспоминается и объяснение подобному статус-кво, бытовавшее на уровне чьего-то сановного «мнения»: вышестоящие

руководители – как по литературной, так и по издательской линиям – считали, что слишком уж порою не критически сами тюменские авторы, и рекомендовавшие их к изданию коллеги-земляки подходили к составлению своих подборок или рукописей... Мне тогда приходилось писать для издательств внутренние рецензии на творения тюменцев, так что и я зачастую видел самую банальную графоманию, «прикрываемую» позицией в темплане и «оправдываемую» значимостью темы...

Ох уж эта «тема»! На страницах «Урала» в октябре 1978 года был опубликован посвященный поэзии «круглый стол» критиков – под симптоматичным для сплошь идеологизированной советской эпохи названием «Счет по-комсомольски». Я сейчас, по-видимому, не вспомню логику устроителей, давших подобное заглавие: если смотреть на состав участников – Юрий Мешков (40 лет), Евгений Зашихин (25), Леонид Быков (31) и Николай Кузин (37), то *подсчитывающим* «комсомольцем» был, очевидно, только я, да и то с натяжкой, ведь не был в членстве; если взять тех, о ком мы говорили – Анатолий Кукарский (44 года), Альфред Гольд (39), Николай Денисов (35), Владимир Нечволода (33) и др., то там *комсомольцев* по возрасту не было и вовсе...

«Комсомольцами» мы все тогда были по манифестации своего неравнодушия. *По беспокойности сердец...* Читаю сейчас свой давний опус в этой дискуссии, со свойственной молодым отвязанной требовательностью озаглавленный вопросом – «Не затянулась ли разведка?», а рука привычно нашаривает наган в ящике письменного стола: «...Попытки передать пульс нашей действительности не через собственную натуру, а внешними аксессуарами обречены на неудачу. Буровые, дизеля и вездеходы затмевают человека в таких стихах своим грохотом, и самые изощренные описания могут произвести лишь бумажный эффект:

*«...И слышен гром железных трапов,
И шорох шин, и клекот траков...
...Это было, когда трактора буксовали,
Траки, тросы и нервы – все хрустело, рвалось...».*

Это строки Альфреда Гольда из сборника «Красная луна». У подобных стихов есть еще одна характерная для многих молодых поэтов черта: желание из любого момента, увиденного на трассе или стройплощадке, непременно выводить «мораль». Что ж, ущучил... Хотя мы потом, кстати, много с Гольдом общались, дружили, я даже к его 70-летию статью в «Тюменских известиях» напечатал (11 июня 2006). И я не стал бы повторять фрагменты того своего брюзжания, если бы не усмотрел в давнишних упреках Фреду – более серьезного диагноза, нежели тот, что в замечаниях. И это серьезное

относится не только к Фреду, но и ко мне самому, и ко многим другим. Может быть, ситуация станет яснее, если я процитирую еще и пару абзацев из своей рецензии «Право на итог» на сборник стихов Николая Денисова «Разговор» («Урал», 1979, №9). Она среди прочих суждений содержала следующее:

«...И все же интересной встречей новый сборник Н.Денисова будет лишь для тех, кто впервые знакомится с этим тюменским поэтом. Рискуя показаться однообразным, я старался чуть ли не посписочно перечислять названия: читатели предыдущих книг вспомнят многие из них. «Разговор» – как бы избранное молодого стихотворца, что, кстати, сразу низводит его ранние книжные публикации до уровня своего рода черновиков.* Я имею в виду не столько естественное для любого автора стремление к доработке своей литературной продукции (такое только приветствуешь), сколько желание поделиться перепечаткой, вариацией, автореминисценцией. С подобным всегда трудно смириться: копии когда-то счастливо созданного, разбавляют лирическую суть сборника, разбавляют стихами, возможными лишь на уровне наброска, заготовки».

Не думаю, что сказанное понравилось тогда Николаю Васильевичу, но для меня это было своего рода раздраженной реакцией еще на его предыдущую – московскую – книжку «Снега Самотлора», где я узрел-таки своего рода кампанейщину. И еще процитованное высказывание было моим аргументом в споре пишущих и издающих на тему «Почему первых *мало* печатают».

И мой упрек, что мало печатают, потому что, по большому счету, нечего печатать, относился не только к Денисову. Кстати, его последующее творчество, когда он написал стихи, где есть и проникновение в историю России, и горькое философское раздумье о судьбах Отечества, и *ладную* (по Василию Белову), добротную прозу, обращенную к нравственным истокам народной жизни, все больше убеждает меня, что *самотлорщина* была для этого литературного поколения чем-то типа ветрянки...

О сходном недуге точно высказался в записи Твардовского за 20 июня 1965 года Александр Твардовский – в его «Рабочих тетрадях 60-х годов»: «Сколько я потратил сил на «подворачивание» себя, своей биографии, своей сущности к требованиям и понятиям тогдашних лет. Но без этого «подворачивания», пожалуй, не было бы меня, а был бы вроде Рыленкова (но все лучше) певец родных перелесков и всяческого «разнотравья»» (Знамя, 2002, №2).

---

* Был у меня тогда пунктик – *уговаривать* авторов хоть как-то «фильтровать» собственное творчество. Даже про это «Заметки на полях» в «Урале» опубликовал «60:300 в пользу поэта» (1980, №9), где перед тем, как критиковать современников, напоминал, что Николай Тихонов для своей дебютной книги «Орда» отобрал только три десятка стихотворений – из шестисот, которыми располагал.

Не стану комментировать прозвучавшую в процитированных словах Твардовского оценку творчества его смоленского земляка (Бог судья Александру Трифоновичу и Николаю Ивановичу) и вернусь на землю. Тюменскую. Сюда любили присылать так называемый литературный десант. Это ведь у нас в провинции общепринятое: по случаю и без презентовать заезжую столичную «штучку» – при том, что собственные дарования не замечены. «Лицом к лицу лица не увидать» (Есенин).

К слову, выбор той или иной приглашаемой персоналии был строго детерминирован – не в пример сегодняшним гостям проводимого в Тюменском госуниверситете издательской кафедрой Н.П.Дворцовой конкурса «Книга года», когда зовут знаковых и по возможности лучших: варягов звали опять же по тому пресловутому *тематическому принципу* – рабочая тема, неподдельное умиление очередному нефтяному фонтану над болотной топью (вариант: газовому факелу над тундрой), радостный восторг от запаха тайги и первопроходческого сидения у костра:

*Ой, гитара, палаточный наш уют,
Дорогая, поедem в Сургут!*

Так в поэме «Лесная школа» пародировал подобный образный строй замечательный поэт Тимур Кибиров.

Впрочем, нас, уральцев и сибиряков (в Москве похоже всё еще верят, что Дмитрий Наркисович Мамин был Сибиряк, поэтому упорно путают эти два понятия), в столицу также приглашали отнюдь не из-за особой штучности. Нет, звали за «прописку», то есть принадлежность к определенной – знаковой! – территории, и за... тематику. Помню, месяц жил в гостинице ЦК ВЛКСМ «Юность». Потому как обсуждал ряд насущнейших проблем: выступал (вместе с Юрием Надточием и Владимиром Рогачевым) на Всесоюзной творческой конференции «Молодые писатели – XXVII съезду КПСС» (См.: «Литературная учеба», 1986, №4) и на «круглом столе», посвященном 10-летию Постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» («Литературная учеба», 1986, №5). Надо ли говорить, что примерами я оперировал тюменскими. И здесь мне хотелось бы отдать должное и Константину Яковлевичу Лагунову, и Евгению Григорьевичу Ананьеву-Шерману – возглавляя областную писательскую организацию, они не жалели сил – и средств! – на благодарнейшее дело воспитания литературной смены.

Творческие совещания и семинары, как в Тюмени, Салехарде, Ханты-Мансийске, Сургуте, так и Дубултах, Малеевке, Пицунде, разного рода обсуждения и творческие командировки были для тюменских литераторов вполне доступны. Понимая, что для пишущего молодняка проблемой становится дефицит профессионального общения, каких только «литературных» поездок тогда не придумывали.

Помню, ранней весной 1987 года мы на самолетах и вертолетах облетели север Ямала в рамках выездной редколлегии журнала «Уральский следопыт». Харасавэй, Сабетта, буровые площадки и даже погранзаства, Напалково и Тадибейха на Гыданском полуострове – всё это навечно осталось в памяти, также как и здешние люди (при том, что абсолютное большинство из них были вахтовики, а единственного аборигена, Романа Ругина, мы захватили с собой в Салехарде). Кстати, в организации той поездки огромную роль сыграл главный редактор «Следопыта» Станислав Федорович Мешавкин, который, вообще, считал, что без опыта общения с Полярным Уралом творческих людей не бывает...

Не случайно здесь всегда были яркие индивидуальности, о которых с интересом говорила критика – скажем, уже упоминавшийся «энергетик» стиха Николай Шамсутдинов или автор замечательной «многоСлойной» (так!) энциклопедии отечественного бытия 90-х годов Виктор Строгальщиков. И не то, чтобы литераторов такого уровня было слишком мало, чтобы количество переходило в качество. Зачастую не хватало ... критики. Вне пределов области о многих писателях попросту не знали.

Сказывалось практически полное отсутствие местных критических сил: Владимир Рогачев, основательно подготовленный филологически и потенциально способный на квалифицированное суждение о книгах любого уровня, предпочитал текущему литпроцессу научное поприще; Юрий Мешков приехал в Тюмень только во второй половине 80-х. Остальные местные литературоведы в рецензировании разве что разово отмечались, предпочитая академические штудии. «Найдите нам критика, готового переехать в Тюмень, а мы найдем для него *«синюю куру»*», – не раз формулировал своего рода запрос К.Я.Лагунов, когда приезжал в тогдашний Свердловск на заседание редколлегии «Урала»... Но критики в Тюмень только лишь наезжали...

Не скрою, я и сам много ездил по Тюменской области: и работая с 1981-го заведующим отделом критики «Урала», и на посту главного редактора Средне-Уральского книжного издательства (с 1990-го), и на этой же должности в Издательском Доме «Сократ» (с 1997-го). Езжу и сейчас, когда приезжаю к Наталье Петровне Дворцовой на кафедру преподавать основы издательского дела. Бог даст, и из наших студентов появятся свои неистовые Виссарионы Белинские и доброжелательные Львы Аннинские. И когда-нибудь я об этом напишу.

А сейчас – в завершение – о другом.

Пару лет тому назад мне довелось участвовать в презентации электронной «Книги Сибири» блистательного Анатолия Омельчука, которая состоялась

в Екатеринбурге в Представительстве Президента Российской Федерации в УрФО. Происходила эта помпезная церемония в рамках реализации проекта «Хребет России». И, кстати, там, на стене зала, где шло торжество, была такая выразительная заставка – рельефная карта округа: по центру стволами и ветвями «горного» деревца, влетающего к океану (то бишь «северным морям», которыми, по Ломоносову, наряду с Сибирью будет прирастать величие России), привольно раскинулся собственно Каменный Пояс, а пообочьи в подбрюшьи расположились равнинные области. А западно-сибирская низменность смотрелась едва ли не болотиной. И жуткой несправедливостью к соседям показалось тогда мне тиражирование замечательного, вообще-то, образа Леши Иванова – «Хребет России», ведь по этой логике тюменцы, на чьи углеводородные деньги мы все сейчас живем (и, видимо, данная ситуация носит долговременный характер) – *захребетники*...

Что ж, и в екатеринбургском нашем гоноре тоже бывает своя неправота. Как бывает, что тюменцы – правее... Им бы только одно пожелать: написать все-таки те книги, которые полно и емко отразят их ментальность, покажут масштаб величайших преобразований в регионе, дадут внятный и доходчивый портрет своего прекрасного и древнего края, раньше многих вступившего в новый век – ведь впереди у Тюмени история нового тысячелетия.

Анатолий Молоканов

Член Союза писателей России,
 секретарь правления Союза писателей России,
 председатель правления Новгородского регионального
 отделения Союза писателей России,
 главный редактор журнала «Новгород литературный»,
 лауреат премии имени В. Хлебникова,
 член-корр. Петровской Академии Наук (Санкт-Петербург),
 медаль «За заслуги в культуре и искусстве»,
 Золотая Пушкинская медаль «За сохранение традиций в
 русской литературе»

Мы помним былые года

Путь создания-образования писательских организаций в СССР во многом однотипен. Во многих областных городах, пройдя определенные трудности, в далекие шестидесятые годы зарождались с горстки-десятка маститых писателей областные писательские организации. Советская власть отводила особое внимание духовной составляющей своего многонационального народа. Сумела сохранить русскую культуру, приумножала ее, отводя особое внимание и писательскому сообществу. Все лучшие произведения, поставленные по ним кинофильмы, пьесы и постановки зарождались в те далекие годы. Во многих произведениях затрагивались темы: труда, общественной и бытовой жизни народа, с заложенной определенной идеологией. Многие произведения в наше время стали бестселлерами в российской литературе. Писательские организации особое внимание уделяли молодежи. Организовывали семинары молодых литераторов, при союзах работали литературные объединения, секции поэзии и прозы, организовывались и другие культурно-массовые мероприятия. Мне помнятся те девяностые годы, когда Тюменская областная писательская организация уже твердо стояла на ногах, когда стоял у руля Константин Яковлевич Лагунов. За его годы председательства резко увеличилось число членов Союза писателей. Сменивший его на посту Сергей Шумский продолжил начинания.

В эти же годы партия и правительство приступили к освоению газа и нефти в Западной Сибири. Как грибы выросли из поселков города: Нижневартовск, Ноябрьск, Уренгой, Надым и многие другие. На освоение месторождений, естественно, ехали люди высокой духовности: смелые, сильные, знающие свое дело, свою профессию. И двигал ими, в основном, не «длинный рубль», а энтузиазм. В свободное от работы время они посещали кружки по интересам. Организовывались литературные

объединения, где молодые литераторы под руководством корреспондентов газет, малотиражек создавали свои произведения в поэтическом и прозаическом жанрах. Темы в те годы «валялись под ногами».

На этих началах в 1981 году зародилось Надымское литературное объединение (НЛО), в городе Надыме Тюменской области Ямало-Ненецкого автономного округа, членом которого с 1984 года являлся и я. Находясь под пристальным вниманием Тюменской областной писательской организации, мы постоянно участвовали в их мероприятиях. В Тюмени ежегодно проходили семинары молодых литераторов, в которых пришлось мне участвовать дважды. Новые встречи, друзья, общение – все давало такой запал, что любые встречи для нас были праздниками.

Ежегодно проводились и окружные семинары литераторов и фольклористов Тюменского Севера. Так 16-20 апреля 1987 года, в городе Салехарде встретился практически весь Север Тюменской области. Пятидневное празднество приносило свои плоды. Там же впервые пришлось мне встретиться с Лидией Гладкой из Санкт-Петербурга, с которой поддерживается связь и сегодня. Ее энтузиазму можно только завидовать. Расстояния в три - четыре тысячи километров для нее не являлось препятствием. Многим она проторила дорогу в литературу (Роману Ругину, Леониду Лапцую и другим).

Вспоминаются первые наши руководители Надымского литературного объединения: Альфред Гольд и Анатолий Алексеев. Память о них и по сей день хранит в сердце каждый член НЛО девяностых. Многое сделано и Людмилой Георгиевной Ефремовой. Молодая в те годы, энергичная, она помогала нам, связывала нас всех с Тюменской писательской организацией и не только. Благодаря ее вниманию и поддержке только из нашего надымского литературного объединения в члены Союза писателей России, а значит, и в ряды Тюменской писательской организации было принято более десяти наших товарищей по перу: Валерий Мартынов, Махмут Абдулин, Борис Кожухов, Юрий Агапитов, Павел Турутько, Павел Нядонги, Юрий Басков, Владимир Мостипан, Владимир Шумков, Людмила Ефремова, Нина Ядне и Анатолий Молоканов.

Впоследствии в наши ряды влились и другие молодые литераторы. А многие из нас, первых членов НЛО, со временем разъехались по матушке России, продолжая на новых местах ту работу, которой заболели в девяностые...

Дружба, личное общение с такими писателями, как Константин Лагунов, Сергей Шумский, Зот Тоболкин, Николай Денисов, Анатолий Васильев, Александр Рахвалов и многими другими – дали дорогу в литературу

не только ямальским литобъединенцам. Благодаря им многие из нас, молодых на те времена, добились в своей литературной деятельности определенных результатов. Они давали нам рекомендации для вступления в Союз писателей России.

Наше большое литературное сообщество продолжает и в наши дни поддерживать дружеские и даже приятельские отношения: ведем переписку, общаемся через интернет на www.proza.ru и www.poezia.ru, встречаемся на значимых мероприятиях.

Трудности, постигшие все писательское сообщество с периода развала Советского Союза по настоящее время – переход областных писательских организаций в разряд общественных организаций – не погасили стремление создавать произведения, прославляющие нашу Родину, свой народ, прививающие любовь к русской культуре, к русскому языку, к русскому Слову.

Думается, в канун празднования 50-летнего юбилея Тюменской писательской организации значимым событием стал и выход четырёхтомного альманаха ямальских писателей, в который вошли все до единого, кто оставил свой литературный след в те годы на этой Земле.

Мы, писатели Великого Новгорода, члены Новгородского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» 21 сентября 2012 года отпраздновали свое 45-летие.

Тюменские писатели – наши старшие братья по перу. И в канун юбилейной даты – 50-летия Тюменской областной писательской организации – коллектив писателей-новгородцев от всей души поздравляет тюменское писательское сообщество с этой прекрасной датой! Желаем всем вам здоровья и счастья, благополучия и терпения, дальнейших творческих успехов, дружеских отношений и долголетия!

Людмила Ефремова

Член Союза писателей России,
руководитель литературного объединения «Надым»,
редактор литературного альманаха «Окно на Север»

НЛО – Литературное объединение «Надым»

Начало и продолжение

Литературное объединение «Надым», работающее при Доме культуры газовиков «Прометей», в 2011 году отметило свое 30-летие! Не каждый творческий коллектив может похвалиться таким долгожительством и от года к году растущим творческим потенциалом.

А начиналось всё в далёких семидесятых в тесном кабинете ответственного секретаря газеты «Рабочий Надыма» Анатолия Александровича Алексеева, журналиста и поэта. Сюда на творческий огонёк заглядывали люди самых разных профессий, объединённые желанием попробовать свои силы на ниве русской словесности, будь то стихи, проза, юмористические рассказы или пародии. Собирались для того, чтобы поговорить о новинках литературы, разобрать то или иное произведение, пошуметь, поспорить и, конечно же, почитать стихи...

Официальной датой создания НЛО (вот такая получилась аббревиатура) стал ноябрь 1981 года. Именно тогда с лёгкой руки первого генерального директора «Надымгазпрома» В.В. Стрижова была введена в штат Дома культуры «Победа» ставка руководителя литературного объединения. Владислав Владимирович Стрижов был не просто отличным производственником, но и человеком лирического склада души. В часы короткого отдыха он любил петь под гитару, любил хорошие стихи и, конечно, понимал, как необходима газовикам и строителям, добывающим газ и возводящим города и посёлки на вечной мерзлоте, творческая отдушина после напряжённого рабочего дня.

В дни праздников стихи читались с импровизированных подмостков молодого города. Такие же молодые, полные сил и романтики, звучали голоса Анатолия Алексеева, Альфреда Гольда, Юрия Баскова, Павла Нядонги, Станислава Лаевского и других. Они славили человека труда и признавались в любви Северу. Именно Анатолий Алексеев и Альфред Гольд стали первыми руководителями литературного братства...

*... Хвала тебе, Рабочий человек!
Утри слезу с обветренного лица...
Сойдёт на нет срамной XX век,
И Родина воспрянет, многолика....
И ценности вернуться. И в краю,
Где электродом писаны новеллы,
Благодаренья знаком – в честь твою
Воздвигнет несгораемые стелы!*

Так писал Альфред Гольд, первый из поэтов Надыма, принятый в Союз писателей тогда еще СССР.

Первые ласточки

На родине Альфреда Гольда (1939 - 1997гг.), в Екатеринбурге, с начала семидесятых вышло 5 книг поэзии: «Мост», «Красная луна», «Дерево тревоги», «Колесница», «Путь к алтарю» и столько же книг художественной публицистики...

На заседаниях литературного объединения Альфред Генрихович непременно говорил начинающим литераторам, что без судьбы не бывает и настоящей литературы. И тому примером – его собственная жизнь. В предисловии к книге «Медвежье: имена и судьбы» он пишет: «...Дело в том, что уже и до тюменских северов мне довелось достаточно погулять по свету: Урал, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Колыма.... Я сменил несколько рабочих профессий, пощупал железо, попотел на морозе, похлебал океанской водицы, а уж потом, подустав от трудов праведных, подался в студенты. Иначе говоря, мне достало времени вкусить от жизни и определиться в её ценностях. С этим багажом (другого-то не было!) в марте 1971 года я прилетел на Север, чтобы стать свидетелем полярного освоения».

По сути, Альфред Гольд явился первым и лучшим летописцем истории Надыма. Богатейший материал, собранный им в самом сердце освоения Севера, наполнил книги: «Надым»(1982г.), «Полярные встречи» (1984г.), «Десант на Ямбург» (1987г.) и др.

...Альфред Гольд вернулся в Екатеринбург, но не переставал тосковать по Северу, по друзьям и искал любую возможность побывать в Надыме. Искренне радовался творческому взлёту надымчан, нашим книгам. В 1995 году

Анатолий Алексеев

Альфред Гольд

Юрий Басков

Павел Нядонги

у нас с Юрием Басковым вышли поэтические сборники: «Непойманная птица» и «Сокол Гамаюн». Альфред Генрихович специально зашел ко мне на работу в ДК «Прометей», чтобы поздравить: «Молодец, Людмила! Очень рад. Растешь на глазах. Удачи!», и по-мужски крепко пожал мне руку.

Как только А.Гольд приезжал в Надым, по городу молниеносно разносилась весть: «Папаша здесь!». Именно так, любя, его называли близкие друзья. Рассказывают, что он всегда отдавал предпочтение широкополым шляпам, а если учесть, что не мыслил себя без бороды, то, естественно, выглядел солиднее своих лет...

...Сентябрьским слякотным вечером поезд Москва - Лабитнанги прибыл к месту назначения. Гольд, в ту пору журналист окружного радио, поспешил с двумя чемоданами на встречу с другом. И надо же такому случиться! Спускаясь по крутым ступенькам на незаасфальтированный перрон (его просто не существовало), а в расчавканную грязь, он не удержался... и нырнул вниз головой. Зрелище было достаточно комичное: шляпа полетела в одну сторону, чемоданы – в другую. Сам, понятно, в каком виде... А проходящий мимо мужичок сочувственно бросил: «Ну что же вы так, папаша...». С тех пор и пошло – Папаша...

Его уважали, частенько приглашали в гости. От этого человека веяло благородством, такой немодной нынче романтикой, добрым духом... Любил поэзию Николая Рубцова, вот кому, говаривал, нужно было Нобелевскую премию вручать...

К 25-летию Надымгазпрома именно ему было предложено написать документальную книгу. Гольд ликовал: «...Господи! Да ведь весь мой замороженный заживо архив фактически насквозь пронизан Медвежьим, Уренгоем, Ямбургом...». И книга вышла. Только автор не дожил до яркого праздника Надымгазпрома и города. Уже посмертно вышли ещё две книги поэта, публициста, писателя: «Путь к алтарю» и «Земные времена».

В предисловии известный поэт из Екатеринбурга Герман Дробиз пишет: «...Как всякий подлинный поэт, А.Гольд не удовлетворялся достигнутым, менялся, вел неустанный поиск новых тем и выразительных средств. От воспевания романтики мужественного труда на «северах», от ярких, красочных портретов и пейзажей, увиденных зорким глазом художника (поэт был ещё и весьма одарённым живописцем), он продвигался к воссозданию незримых картин потаённой жизни человеческого духа. С годами в его поэзию входят все более зрелые и глубокие размышления о сути человеческой природы, о «вечных» истинах, о нравственных проблемах жестокого двадцатого века... Девизом к его жизненному и поэтическому пути можно было бы поставить всего два слова: «мужество» и «беспокойство».

Писатель и Почётный гражданин

У Валерия Андреевича Мартынова первая книга повестей и рассказов «Близкие люди» вышла в 1986 году. И, как он сам считает, это окончательно убедило его в целесообразности литературного труда, ведь основная его профессия – строитель. Он участвовал в открытии газовых гигантов тюменского Севера: Медвежьего, Юбилейного, Комсомольского. С 1971 года – первостроитель городов Надым и Уренгой. Награждён многими знаками, медалью «За освоение и развитие недр Западной Сибири». Ветеран труда. Ветеран Ямала. Почётный гражданин города Надыма.

Творчество для Валерия Мартынова стало отдушиной, поиском самого себя в бешеном ритме уходящего двадцатого века. Ещё две книги – «Фагоцит» и «Черта» – вышли в 1994 году, в 2003 году – «Ворoshить прошлое».

Его проза сразу привлекла внимание, как рядовых читателей, так и критиков. Рассказы и повести разбирались на страницах журнала «Литературная учёба», в журналах и альманахах тюменской области.

«В художественной картине мира Валерия Мартынова, – размышляет Наталья Цымбалистенко из Салехарда, – при всей его индивидуальной специфике просматриваются и некоторые «узнаваемые», типические для северной литературы черты. В повести «Посолонь» конфликт строится на столкновении добра и зла. Кроме мотива смерти ещё два мотива пронизывают рассказы Валерия Мартынова: мотив судьбы и мотив случайной встречи. Его герои относятся к категории «маленького человека», всеми обижаемого, которым легко манипулировать. Однако его «маленький человек терпит до определённого момента, а потом начинается «бунт смерти»...

«...Удивительная манера письма. Очень редкая. Его свободная душа уходит всё дальше от стандартов, но ближе к живой природе. Читаешь его рассказ и подчас физически чувствуешь, как строка сливается с ручейком, пробивающимся в вязких болотах.....», – отозвался о Валерии Мартынове известный писатель из Тобольска Александр Рахвалов.

Родившись в провинциальном городке Усвяты, что на Псковщине, за 33 года Валерий Мартынов стал не просто северянином, но и заметным ямальским и тюменским писателем. Многие годы Валерий Мартынов был в Надыме да и остается на новом месте жительства, в г.Боровичи Новгородской области, наставником начинающих писателей. Не все выдерживают критику Мартынова, порой окольными путями обходят пронизывающий взгляд писателя, его седую бороду. Слов на ветер Мартынов не бросает: похвалил – не расслабляйся, работой до седьмого пота, ищи слово свое заповедное. А если отругал – значит, поделом: за

леность, за себялюбие единственного и неповторимого. В печь, в огонь писанину, коль осознал. И опять начинай с чистого листа.

Писатель и к себе столь же требователен и не торопится загнать под обложку новые произведения. Не первый год в работе вторая часть романа... Приехав в Надым на 25-летие НЛО, искренне посочувствовал молодым начинающим писателям: «Варитесь в своем соку, а вот мы поехали в свое время. И в Тюмени, и в Новосибирске, и в Москве побывали на совещаниях молодых писателей. И бивали нас не раз, оттого и вышел толк... Жаль, что эта традиция практически утрачена...».

Отряд праведных поэтов

Когда-то я написала строки, которые так и остались поэтическим двустишием: «Я сама выбираю родных, кроме тех, что мне Богом даны». Одним из таких родных, дорогих людей, старшим братом, другом и замечательным поэтом стал для меня Юрий Басков. Помню наше знакомство в конце восьмидесятых, когда я, молодая мама, прибыв из Сургута, искала работу корреспондента и, по наводке редактора «Рабочего Надыма», отправилась в ведомственную газету «Комсомольская вахта». Посмотрев документы, немногословный редактор, улыбнувшись, достал из верхнего ящика стола свой паспорт и, открыв на второй странице, положил его рядом с моим. Наши даты рождения с разницей в десяток лет совпадали: мы родились 9 ноября.

При всей мягкости и покладистости на первый взгляд, Юрий Иванович Басков оказался требовательным и жестким редактором. Вместе с блокнотом и ручкой тут же вручил мне фотоаппарат, о котором я имела весьма смутное представление, и отправил в самую гущу событий одного из старейших строительных трестов «Севергазстрой». Наш третий и старший по возрасту коллега – Андрей Андреевич Виноградов, смеясь, частенько говаривал, что два скорпиона в одной редакции давно бы слопали друг друга, если бы не его молчаливое, а скорее, мудрое присутствие. Между тем, наша троица была, пожалуй, самым дружным коллективом среди журналистской братии, и именно в «Комсомольскую вахту» по праздникам и просто на огонек подтягивались творческие неординарные личности. И при всем разнообразии тем значительное место в разговорах отводилось литературе, новым книгам. И, конечно, читали стихи: Альфред Гольд, Анатолий Алексеев, Юрий Басков... Еще не охваченная поэтической лихорадкой, благодаря столь колоритному окружению я попала в эпицентр поэзии, наполненный могучим дыханием севера. Собственно, вхождение в литературу и началось

со стихов Юрия Баскова. Удивительная теплота и простота его строк поражали и притягивали. Потом Юра принес томик Николая Рубцова «Подорожник» со словами: «Хочешь узнать настоящую поэзию – вникай».

При всей ироничности и скупости на похвалу Юра не мог сдержаться радости, слыша удачные строки своих поэтических братьев. Когда в 1991 году у меня вышла первая поэтическая книжка, опередив выход книг и Баскова, и других, уже сложившихся надымских писателей, Юра первым, лучисто улыбаясь, протянул мне дружелюбную руку: «Старуха, поздравляю! Мне-то подаришь с автографом!?». Ни тени превосходства, ни затаенной зависти в голосе. И таким он был всегда. А потом, уже в 1994 году, нас с Юрой, по стечению обстоятельств, в день рождения, 9 ноября, принимали в Союз писателей России.

У поэта при жизни небольшими тиражами вышло всего четыре книги: «След», «Сокол Гамаюн», «Площадь», «Люди с луны». Может, потому что у него, как у настоящего поэта, времени хватало лишь для написания стихов, но не для их «проталкивания», сопряженного с хождениями по кабинетам чиновников в поисках средств на издание. Свои душевные силы он «тратил» на признания в Любви женщине, матери, Родине.

Но ведь и по месту рождения Юрий Басков тоже северянин. Он родился в Тюмени, здесь же заочно окончил филологический факультет Тюменского государственного университета, до этого три года проучился в Тюменском инженерно-строительном институте. Работал инженером в НИИ, грузчиком-экспедитором в различных предприятиях, на строительстве дороги Сургут – Уренгой. В 1980 году приехал в Надым. Трудился слесарем в тресте «Севертрубопроводстрой», затем – стропальщиком на трассе магистральных газопроводов.

С 1984 года – собственный корреспондент газеты «Градостроитель» по Надыму. На два года уезжал в Тюмень и снова вернулся.

В 1990 году с группой единомышленников организовал в Надыме городское телевидение, где и работал до переезда в Салехард заместителем главного редактора по творчеству.

Анализируя сборник Юрия Баскова «Люди с луны», Руслана Ляшева прослеживает эмоциональное развитие книги: «...Сочинитель в первых стихах отдал дань меланхолии и унынию. Словно именно над Басковым посмеялся Пушкин, бросив насмешливое: «Дни поздней осени бранят обыкновенно...». Стихотворение «Осеннее» заставляет, например, вспомнить, как в непогоду скулит щенок, которому негде приткнуться и согреться.

*Ветви ив оплакивает лето.
В заводях студёная вода...
Что за мука, право, для поэта
это время грустное всегда.
Летнюю весёлую тропинку
скрыл тумана серый колорит,
И твоя линиялая косынка
об ушедшем чём-то говорит.
Говорит, что голос скорой вьюги
пересилит смелый плеск весла,
что трава нескошенного луга
пользы никому не принесла.*

Безуспешно ищет автор спасения от хандры в том или сём, а более всего в новых любовных увлечениях, но находит лишь забвение на миг. И вдруг происходит чудо, и появляется другой Юрий Басков – с волевой интонацией стиха, с умудренной созерцательностью, с философским пониманием жизненных противоречий.

Душа поэта вырвалась из цепких лап хандры, и он напутствует её: «...селись в лесах, в озёрных камышах!». Очарование природой доходит до обожествления, такое «неоязычество» всё теснее соединяет внутренний мир с внешним:

*Я знаю, что будет со мною.
...В высокое небо смотрю...
Я с лесом и тёмной водою,
наверно, усну к октябрю.
И выберусь я из-под крова,
Лишь солнце согреет поля...
И радостней будет мне снова
печальная наша земля...*

Поэт прошёл адаптацию на Севере – климатическую, социальную и нравственную, обрёл творческую зрелость и как бы остановился перед поэтической картой России, чтобы осознать своё местонахождение на ней...

В суровой поэзии северян мужество и нежность неразделимы, эта особенность и определила имидж Юрия Баскова:

*Здесь ранний свет изломан, как душа,
а поздний свет суров, как вечер жизни.
«Надым», скажу и не могу дышать.
«Надым» слепит, как сладкий дым Отчизны.*

...Прожив в Салехарде два года, безуспешно пытаюсь наладить работу писательской организации, Юра весной 2003-го снова вернулся в Надым и буквально через месяц в гололед жестоко поломал ногу.

«Ты знаешь, старуха, как болит сердце, вот ляжет снег и вздохну, и писать легче будет...», – обычно сетовал Юра по осени. Та же осень после полугодового ношения гипса наоборот как бы вдохнула в него новые силы. Он еще прихрамывал и ходил с палочкой, но глаза его вновь жизнерадостно лучились. Он с лихвой наверстывал упущенное за время болезни: навещал многочисленных своих друзей, составил две рукописи новых книг, строил планы на отпуск, собираясь будущей весной в Тюмень к сыну и маленькому внуку...

...Его сердце не смогло пережить весны, оно перестало болеть и биться, когда снег ещё плотно укрывал ямальскую землю...

*«...Лишь взойдет от ночлега
март, скучая по свету,
разбросает по снегу
золотые монеты.
Я смотрю на монеты
и от радости плачу,
потому, что на свете
нет поэта богаче».*

Он был и остался для нас, Юрий Басков, по-настоящему богатый и щедрый человек и в дружбе, и в поэзии. Его стихи востребованы, часто слышу огорчительные нотки в словах его новых поклонников: «Какой поэт! И ведь жил-то совсем рядом, а вот не встретились...». Север так и не отпустил поэта от себя.

Алевтина Владимировна Сержантова перешагнула порог литературного объединения далеко не новичком в литературе. У себя на родине, в Уфе, где она окончила Башкирский медицинский институт и работала врачом-невропатологом, она неоднократно со страниц местной прессы выступала в роли очеркиста, в начале девяностых в коллективном сборнике «Орбита» был опубликован её рассказ «Часы для Сарии». Писала Алевтина Сержантова и стихи, но, как она сама признаётся, по-настоящему поэзия её захватила в Надыме, куда она приехала с мужем и дочкой в 1992 году. После выхода её первой книги стихов и рассказов «Вариации на вечные темы» в 1995 году, а затем поэтического сборника «Прикосновение», Алевтину Сержантову единогласно приняли в Союз писателей России.

Я была редактором этой книги и в предисловии, взяв фрагмент стихотворения Алевтины, тогда написала:

*«...Какой меня дьявол занёс
В сей край, где не ведают шуток?
Коль тундра – так тыщами вёрст,
Коль ночь – так десятками суток?
...Увидел, – глазам не поверил?
Всё крайности. Крайний Север.*

Так буднично и просто сказано, что хочется воскликнуть: «Надо же! Сколько жила между этими банальностями, а музыки не услышала. Алевтина её записала, я запомнила. Может, в этом и заключена сила поэзии?».

Алевтина строит свои стихи из природного материала, не прибегая к сложным новомодным конструкциям. Люди, птицы, дома названы своими именами:

*До горизонта голая равнина.
Кой-где мелькают редкие кусты.
Хоть влево глянь, хоть вправо – всё едино...*

Есть в её стихах надёжность и доверительность. И признания в любви, и сценки из жизни, и иронические «безделушки» типа «Сонеты для деловых людей» как-то органично сочетаются с собственным мироощущением. Не хочется спорить, просто перечитывать. На душе тепло и уютно.

Но вдруг устоявшийся порядок чувств начинает рушиться, сердце зашкаливает, наворачиваются слёзы:

*Лишь только не покинь,
Не умирай хотя бы,
Разжалуй в просто бабы
Из «неземных богинь»...*

А какая внутренняя сила поэта заявляет о себе в ряде стихотворений гражданской направленности!

*Господи, твое поле
Засветло дай пройти.
Не утопи в застолье,
По миру не пусти.
Дай не прерваться роду
И не проклясть родни.
Властью не изуродуй,
Завистью не черни.
Совести дар бесценный,
Чести – не отнимай.
Не заклеими изменой,
Подлостью не замай.
Дай не нарушить слова
И не поклясться в лжи,
Не убивать живого,
Мертвому не служить,
Идолам не молиться,
Веры не потерять,
Переменив столицу,
Родины не менять.
Пусть эта песнь нестройна,
Лучшей мне не сложить.
Господи, дай достойно,
Засветло жизнь прожить.*

Алевтина
Сержантова

В книгу вошли стихи разных лет. В Надыме написано много больше. Уроженка Уфы, Алевтина продолжает открывать свой Север. Она признаётся:

*Такая доля мне дана –
Сибири испытать бездонность.
В своих бесчисленных домах
Повсюду чувствовать бездомность...*

Вторую часть книги – прозу я также прочитала на одном дыхании, совершенно забыв на тот момент об авторе, о пристрастном редакторском оке. А наш прозаик Валерий Мартынов в своей рецензии, не мудрствуя лукаво, написал: «Прочитал с удовольствием. В рассказах есть всё – психологическая завершенность, добротный язык. Пишет Алевтина как давно сложившийся прозаик. Не надо ей только мешать...».

И Алевтина Сержантова продолжает писать стихи и рассказы, в которые нет-нет и врывается горечь каждодневной изматывающей работы врача-невролога городской больницы:

*...Всё к чёрту!
В дворники! В уборщицы! В вахтёры!
От всех, кто умер по моей вине.
От тех, кто корчится от боли и в который
Раз просит: «Помогите мне».
От мечущейся матери: «Спасите –
Сыночка - он единственный...». Бежать.
Я просто человек. Я не Спаситель.
Не видеть. И не слышать. И не знать.
Я не могу. Не дюжу. Тяжело так.
Всех скорбей человеческих – не снести.
Любимая? Проклятая работа!
Моя беда.
Моя судьба.
Мой крест.*

В 1996 году у А.Сержантовой вышел ещё один поэтический сборник «Мелодия ромansa». А в 2005 году, наконец-то, благодаря департаменту информации и общественных связей Ямало-Ненецкого автономного округа вышла и сразу же завоевала симпатии читателей солидная книга прозы «Зарево».

Многие годы нас с Алевтиной связывает сердечная дружба. Однажды она позвонила мне и взволнованно сообщила:

– Люда! Я сегодня письмо получила! Знаешь, какой на нём указан адрес?! Город Надым, врачу-невропатологу, прозаику и поэту Алевтине Сержантовой. И ведь дошло!

Можно с уверенностью сказать, что известность к Махмуту Касимовичу Абдулину (литературный псевдоним – Габдель Махмут) пришла с публикацией в 1994 году трогательной повести о татарском мальчишке «Татарчонок» в казанском журнале «Идель», выходящем как на русском, так и на татарском языках. В этом же году, по счастливому стечению обстоятельств, у него в двух тюменских издательствах вышло сразу две книги: «Земляки» и «Камертон» (в соавторстве с поэтом и писателем Борисом Кожуховым). Выход книги рассказов и повестей «Земляки» был приурочен к 50-летию Тюменской области, ведь автор – коренной сибиряк из Прииртышья, родился и вырос в Вагайском районе области. Окончил Тобольское культпросветучилище, Челябинский институт культуры. Освоил около десятка рабочих профессий, был корреспондентом. Публиковался в периодической печати области, в различных альманахах и журналах России. Член Союза писателей, Союза журналистов России. До последнего времени работал директором муниципального архивного учреждения.

Журналист из Салехарда Николай Белоногов, прочитавший книги на одном дыхании, на страницах альманаха «Обская радуга» поделится с читателем: «...Знание двух языков, татарского и русского даёт возможность использовать лексику для более красочной и образной передачи мысли. В своих рассказах с обычными сюжетами автор поселил людей, которые живут привычной для них жизнью, похожей на тысячи других. Они случайно встретились автору, прожили с ним какое-то время и ушли каждый своей дорогой. А у Габделя остались узелки на память, о которых он через время написал удивительно чистые рассказы».

С 1994 года у Габделя Махмута вышло ещё несколько книг. В марте 2002 года из Москвы были переданы сигнальные экземпляры новой книги «Поскреби ТАРТАРИНА». Вот как её представил редактор, известный российский писатель, кандидат филологических наук Владимир Николаевич Ерёмченко: «Поскреби русского – проступит татарин». Легенда приписывает это выражение Наполеону. Автор назвал свою книгу, как теперь говорят, с точностью наоборот.

В названии сборника публицистических работ известного русскоязычного татарского писателя Габделя Махмута – особый смысл. В нём заключена не только идея единения двух этносов, живущих два тысячелетия на одной земле, но и неразрывная духовная связь культур, традиций быта и даже языков русичей и татар.

Эти и другие проблемы исследует писатель. Исследует горячо, заинтересованно, часто с полемическим перехлёстом равнодушного человека.

...Лирический талант автора зримо проступает там, где он обращается к поиску истоков и корней своего родового дерева. Оно поначалу возрасло в горах Кавказа, а потом волей злых судеб ветвью прадеда Махмута было

занесено в глубины сибирского Севера. Это случилось задолго до советской власти. (Главы: «Родники Родины», «Копну корни и нарисую древо» и др.).

Благодарные дары малой родины писатель щедро возвращает соотечественникам в своих произведениях прозы, поэзии, песенном творчестве.

Писатель отстаивает самобытность и «самодостаточность» своего народа, борется с бытующим в нашей стране невежественным мнением, что современные татары на Руси – это «осколки» оставшихся татаро-монгольских завоевателей. Конечно, эти заблуждения и чушь не могут не вызвать протеста.

...Есть поверье на Руси: тех, кто не знает своих родовых корней до шестого колена, называют Иванами, не помнящими родства.

Сколько оборвали родовых нитей прошумевшие над Россией войны? Сколько вырвано с корнями фамильных древ жизни? Несть им числа....».

Там же, в московском издательстве, при еженедельнике «Литературная Россия» в скором времени у Махмута Абдулина вышла книга сказок и легенд «От белой змеи», а совсем недавно – и книга «На кончике пера», главы из которой были опубликованы на страницах альманаха «Врата Сибири».

От себя лишь могу добавить, что многие годы Махмут был и остается моим добрым другом: и в самые трагические дни, связанные с уходом дорогих нам людей, и в дни торжеств, и в будни я всегда чувствовала его бескорыстную поддержку, слышала мудрый совет. Им написаны десятки рецензий на произведения начинающих и состоявшихся прозаиков Надыма.

Кожухова Бориса Фёдоровича друзья по литобъединению называют своим капитаном. Да и как же иначе, если вся жизнь его связана с речфлотом?! 23 года проработал он на Тюменском Севере капитаном теплохода в управлении «Спецподводстрой». Энергичный, жизнерадостный с началом навигации приезжал он из подмосковной Балашихи, чтобы вновь встать к штурвалу теплохода. Он и в свободное от основной работы время не может сидеть без дела. Может, поэтому и втянулся в писательство? Хотя, прослеживая вехи его богатой биографии, узнаёшь, что Борис Фёдорович, окончив речное училище, институт водного транспорта, преподавал, работал журналистом. Стихи и рассказы начинал писать ещё в юношестве. Всегда живо интересовался своими корнями. В первой книге «Камертон», изданной в соавторстве с Габделем Махмутом, читатель узнаёт:

Махмут
Габдель

Борис
Кожухов

«Родина Бориса Фёдоровича Кожухова – плоская равнина средней полосы России, орловская земля, небольшой хутор под городом Ливны. В долгие зимние дни крестьяне занимались подсобным делом – кожа из бараньих шкур шили. Отсюда пошли корни по отцовской линии. А по материнской – бывшие крепостные графа Орлова. Прадеды на конных заводах работали, были записаны как Орловы не по родине, а по принадлежности...».

В «Камертоне» опубликованы стихи, многие из которых родились на речном просторе реки Надым.

*Мне кисти тонкие рябин
Твои напоминают руки,
Когда в печальный час разлуки
Иду по берегу один.*

*Волною свежей бьётся плёс
О берег, осенью обросший.
Я алой россыпи пригоршню,
Как память поцелуя нёс.*

*Пусть счастья – тоненькая нить
Идёт сквозь искорку прощанья.
Она в нём тлеет изначально,
И нам её не погасить.*

Рядом со стихами любовной лирики – горькие стихи гражданской направленности:

*Безликой серостью вокзала,
Толпою загнанных племён
Столица древняя встречала
Наш промороженный вагон.
Слова запомнил я старухи,
Мечтавшей отогреться всласть:
«В который раз после разрухи
В бега Россия подалась».*

*Оживших хроник эшелоны
Напоминают поезда.
Плывут над маревом перрона
Судьбы тревожные глаза.*

*Застыли лужи в переходах,
По стенам жмётся рванный люд.
Рука протянута у многих.
Быть может, что и подадут.*

*Стоят безмолвно, не взывают...
Смешенье судеб. Вавилон...
Иду и как-то забываю
Свой промороженный вагон.*

Борис Кожухов стал инициатором и редактором книги четырёх авторов – «Гладь памяти», куда вошли также стихи Павла Турутько, Александра Первушина, Тимура Грановского. Затем был поэтический сборник «Здесьняя

эпоха», а в 1998-ом году в Тюменском издательстве, в серии «Проза северных широт», вышла повесть в письмах и дневниках «Надымский вариант». В роли редактора выступил надымский поэт Владимир Шумков, а графические рисунки выполнены поэтом и художником Павлом Нядонги. Борис Кожухов достоверно и живо повествует о смешном и трагическом, приземленно-бытовом и романтическом, порой даже экзотическом в жизни строителей-подводников. Им и посвящена книга. Она не осталась незамеченной как критиком из Тюмени на страницах библиографического журнала «Лукич» Владимиром Рогачёвым, так и коллегами по перу и творчеству. В.Рогачёв восклицает: «Скажу сразу – великолепная проза, мастерское владение сюжетом, оригинальное стилевое оформление труднейшего материала – рассказа о рабочих буднях. Конечно, нужны летописи о славных делах тюменской нефтегазовой эпопеи с фактами и биографиями, оценками содеянного. Живое человеческое измерение «чуда века» в художественно-документальном блеске иронии и юмора, быта и характеров, эмоционально воссоздающее всё, как было, но уже образно, увлекательно, – не менее значимый вклад северного писателя в эту летопись.»

Александр
Перушин

В настоящее время член Союза писателей России живет в Подмосковье, несколько лет работает над исторической повестью о становлении российской государственности и православия в Сибири, начиная с середины XVII века: с 1650 по 1689 годы.

В литературное объединение по телефону... Именно так пришел к нам Леонид Васильевич Нетребо, энергетик из поселка Пангоды. Неожиданно быстро из внештатного сотрудника городской газеты «Рабочий Надыма», автора книги публицистики «Пангоды», он вырос в серьезного прозаика. Наши встречи в прямом их смысле можно сосчитать по пальцам – поселок в сотне километров от Надыма. А вот в поле зрения критика и обозревателя Русланы Ляшевой мы с Леонидом в 2001-ом попали вместе:

«...Небольшие сборнички – Людмилы Ефремовой «На Покрова земля светла» и Леонида Нетребо «Чёрный доктор» – натолкнули меня на мысль, что в современной прозе кроме основной тенденции реализма в классической трактовке живут и развиваются многообразные стилевые ручейки, делая нашу литературу богаче и полноводнее. На ум неожиданно пришёл афоризм из фильма Мотыля «Белое солнце пустыни»: «Восток – дело тонкое». Точно-точно, вот эту тонкость Востока (кроме шуток уже) принесли, точнее сказать, привнесли русские переселенцы на Север из Средней Азии – Людмила Ефремова и Леонид Нетребо. Действительно, в большом миграционном потоке, хлынувшем после распада Союза и образования

Леонид Нетребо

СНГ в Россию, переселились в числе разных профессий и литераторы. Элемент восточной культуры, который они в Киргизии и в Узбекистане впитали, теперь проявился в стиле и в художественном мышлении. И душевная теплота, и психологическая утонченность пришлись северной прозе, на мой взгляд, как нельзя кстати...».

Следующая книга Леонида Нетребо «Мидии не родят жемчуг» послужила веским аргументом для его приема в Союз писателей России. У пангодинского прозаика вышла еще одна книга «Имидж», а многие его произведения небезуспешно участвовали в серьезных литературных конкурсах. Лауреат литературного конкурса электронного журнала «Русский переплет» в номинации «Лучший рассказ 2004 года», дипломант Международного конкурса художественной и научно-популярной литературы имени А.Н.Толстого.

Приключилось на Севере...

Как-то легко в круг надымских литераторов вошел со своим творчеством Вадим Гриценко. И всего-то лет пять назад, а кажется, что дружба наша длится не одно десятилетие. Вадим – историк по образованию, автор недавно вышедшего уникального двухтомника «История Ямальского Севера в очерках и документах» (порядка 700 стр. текста!), книги автобиографических очерков «Приключилось на Севере», а также составитель нескольких краеведческих сборников по истории и этнографии Ямальского Севера и ямальского номера альманаха «Лукоморье. Тобольск и вся Сибирь». Будучи энтузиастом исторического краеведения Ямала, Вадим Гриценко со своими коллегами по Западно-Сибирскому гуманитарному институту ежегодно проводил в Надыме общероссийские научные конференции по этой тематике.

Вадим Гриценко

Насколько мне известно, одной из первых публикаций Вадима Гриценко был исторический очерк «Сталинка», вышедший в альманахе «Тобольский хронограф» еще в 1992 году. Его сочинения печатались в десятке изданий, в том числе областных и центральных. Потом были многочисленные публикации в окружных журналах: «Ямальском меридиане» и «Югре», в ряде столичных изданий, например, в общероссийском литературном альманахе «Охотничьи просторы», которым не пренебрегал даже сам Виктор Петрович Астафьев.

В 2000 году отдельной книгой вышел исторический очерк «Река Таз и окружающая тундра до середины XX века». Книга художественной публицистики «Приключилось на Севере» пользуется особой популярностью у читателя, совсем не обязательно северянина и уж тем более надымчанина. Разошлась она моментально, и автор решил, дополнив её, переиздать, над чем сейчас и работает.

Вот такие они наши надымчане-писатели. И не о всех я, увы, рассказала. Отдельной главы достойно творчество Владимира Ивановича Мостипана, удивительного знатока северной природы. Покоряет женскую аудиторию знаток житейских историй и «надымских тайн» Анатолий Николаевич Молоканов, живущий сейчас в Новгороде и возглавляющий там местную писательскую организацию.

Жизнь в литературном объединении «Надым» продолжается, потому что лучшие традиции, заложенные патриархами, сохранились и поныне. Неизменными остаются: терпимость, уважение и чуткое отношение друг к другу.

Последние двадцать лет литературное объединение возглавляет автор этих строк. Произошло это как-то само собой: почти одновременно из Надыма уехали и Альфред Генрихович Гольд, и Анатолий Александрович Алексеев, (я же в то время осталась за редактора в газете «Комсомольская вахта»), и мне, чтобы сохранить литературный коллектив, предложили полставки в Доме культуры «Прометей». Тогда уже вместе с поэтом Владимиром Шумковым мы загорелись собрать первый альманах, условно назвав его «Окно на Север». Работа закипела. Перелопатив десятки страниц поэзии и прозы, составили довольно внушительную рукопись и стали искать возможность её издания. На нашу просьбу откликнулась и администрация города, и «Надымгазпром»: одни оплатили работу городской типографии, другие помогли с бумагой для печати. И альманах – наша первая коллективная книга, оформленная иллюстрациями художника Сергея Крысина, вышла в свет. Типография при тогда еще слабых возможностях не смогла сшить в одну книжку 250 страниц текста, и поэтому альманах в мягкой обложке вышел в двух частях: поэзии и прозы. Мы же – 30 авторов, любя говорили о нем: «Книга в двух томах...». Это был 1992 год. С тех пор стало доброй традицией каждые пять лет, к очередному юбилею города, выпускать по альманаху. В этом мне помогли члены редколлегии: Юрий Басков, Махмут Абдулин, Владимир Шумков, Алевтина Сержантова, Валерий Мартынов.

В предисловии к первому выпуску альманаха «Окно на Север» в 1992 году тоболяк Александр Рахвалов писал: «Здесь, в отличие от прочих литобъединений на тюменской земле, нет грызни за каждую, даже пустяковую публикацию. Наоборот, всегдашняя поддержка, и даже слабую вещь пытаются вытянуть до уровня и опубликовать... Здесь сердечная

Владимир
Мостипан

дружба, и даже явно слаботалантливых людей не приговаривают, как в Литинституте, к «смертной казни». Такие разные, они даже в эту книгу пришли всем литобъединением, никого не оставив за бортом».

Стихи и проза на наших заседаниях непременно выдерживают деловую критику, комплиментарная – не приветствуется. Оттого и уровень книг растет. А их вышло более шестидесяти. Ну, а как же рядовой читатель, спросите вы? В преддверии юбилея по городу прошел поэтический фестиваль. Мы встретились с различными аудиториями населения и еще раз убедились, что люди ценят и знают нас, что хорошая литература нужна современному человеку.

Литераторы Надыма не замыкаются в себе. Их дружеские связи с самыми разными писателями, литературными изданиями помогли поверить в себя и в свои силы. На многие годы большим другом, духовной наставницей и для меня, и других поэтов Надыма и ямальского севера стала поэт и переводчик из Петербурга Лидия Дмитриевна Гладкая. Именно она открыла на страницах «Красного Севера», где в свое время отработала немало лет, имена известных ныне поэтов. Связь с ней не теряется и по сей день.

Теперь у Ямала есть и свои журналы, и свой альманах, где охотно публикуют произведения надымчан.

Поэт и критик из Тюмени Виктор Захарченко на страницах альманаха «Обская радуга» так оценил поэзию надымчан: «Высоким уровнем мастерства отличаются стихи надымских поэтов – Юрия Баскова, Людмилы Ефремовой, Алевтины Сержантовой, Владимира Шумкова. Есть свои творческие удачи у Бориса Кожухова, Натальи Массальской, Натальи Шабло. Без преувеличения можно сказать, что Надым – поэтическая столица Ямала, и стихи надымских литераторов – достаточно прочная база для альманаха...».

Писатели Надыма – желанные авторы многих литературных изданий России и СНГ. Достаточно назвать хотя бы такие популярные журналы, как: «Мир Севера» - Москва, «Сибирские огни» - Новосибирск, «Невский альманах» - Санкт-Петербург, «Ямальский меридиан» - Салехард, «Подъём» - Воронеж, «Литературный Киргизстан» - Бишкек, «Югра» - Ханты-Мансийск, «Северяне» - Салехард, «Бельские просторы» - Уфа, «Идель» - Казань, «Россия молодая» - Москва; альманахи: «Эринтур», «Врата Сибири», «Медный всадник»; еженедельник «Литературная Россия» и многие другие. О нас рассказывают в радиопередачах, в телесюжетах и программах округа, области и России. На ежегодных совещаниях молодых писателей в Тюмени в числе лучших и перспективных авторов, как в семинаре поэзии, так и в семинаре прозы неизменно назывались имена надымчан. Если семинары возродятся, думаю, снова услышу знакомый вопрос: «Ну, что, Ефремова, кого нынче будем в Союз принимать?».

В доперестроечное время, раз в пять лет, проводились Всесоюзные совещания молодых писателей. От Тюменской области туда направлялись два-три человека, прошедшие творческий конкурс в Москве. Так вот на двух последних такого уровня совещаниях были и литераторы Надыма, на VIII-ом – в 1984 году – В.Мартынов и Ю.Басков, на IX-ом – в 1989 году – Л.Ефремова. С 1994 по 2005 год в Союз писателей России из рядов надымчан приняты: Юрий Басков, Людмила Ефремова, Валерий Мартынов, Габдель Махмут (Махмут Абдулин), Алевтина Сержантова, Анатолий Молоканов, Борис Кожухов, Леонид Нетребо, Владимир Мостипан.

Охватывает бесконечная грусть, когда думаешь о том, сколько же их, талантливых, неординарных, не доживших до преклонных лет, наших друзей, не встретили 25-летний юбилей НЛО. Нет с нами первых руководителей – Анатолия Алексева и Альфреда Гольда, нет веселого доброго парня Александра Милованкина, балагура Паши Нядонги, нет Александра Цырятьева, Ивана Ануфриева, Маргариты Бреус, Юрия Головинова, Витаутаса Чапы. Нет замечательной Татьяны Смагиной, которая писала о нас очерки, рассказывала в радиопередачах. Нет большого поэта, отличного журналиста Юрия Баскова, нет замечательного художника Евгения Игошева... Но жизнь на то и жизнь, чтобы продолжаться, несмотря ни на что. Вышел в свет 4 выпуск альманаха «Окно на Север», спасибо Департаменту информации и общественных связей ЯНАО. И хочется верить, что избирательный и объективный читатель наряду с известными именами откроет для себя и новые страницы творчества литературного объединения «Надым». Его порадуют стихи Елены Яцкой, Натальи Масальской, Ирины Стецев, Александра Ульриха, Ирины Ипатовой, Татьяны Гусельниковой; юные голоса Елены Анисимовой и Виты Четверик; рассказы Александра Панарина, Леонида Маслова, Федора Савина, Тимура Грановского; удивят и растрогают воспоминания Ивана Марманова.

И всех нас, таких разных по возрасту, характеру и профессии, связывает между собой не только творческая и человеческая дружба, – и сердцем, и душой мы прикипели к Северу, Ямалу, Надыму.

Наталья
Масальская

Ирина Стецев

Иван Марманов

Антонина Маркова

Руководитель авторской студии «Верешок»

Малая частица большой поэзии

Все мы родом из Детства, из той страны, где есть молочные реки и кисельные берега, где совершаются чудеса и оживают сказки. Дети с радостью обживают эту страну, наполняя своими песнями и песочными замками, смехом и воздушными змеями, рисунками и удивлением, открытиями и дружбой. И еще – стихами, сказками и рассказами собственного сочинения.

Детское творчество – это целый мир со своими особыми законами, традициями, праздниками и буднями. Этот мир вот уже несколько лет бережно взращивается и сохраняется под крышей литературной авторской студии «Верешок».

У нее – своя тринадцатилетняя история. Поэтический клуб (а начиналась студия именно в этом качестве) был организован в 1998 году при детской библиотеке №3 города Тюмени. Замысел подсказал радиоконкурс «Пегасик», после которого появилась идея собрать юных поэтов вместе, дать им возможность общения и творческого роста. Название литературному объединению искали, что называется, всем миром, пока не обнаружили в словаре В.Даля необычное слово «верешок». Оно обозначает: «... черепок, осколок, частичку чего-то большого». Решили, что детский клуб – это и есть малая частица Большой Поэзии.

Под теплой крышей студии собрались ребята разных возрастов – от непосредственных и трогательных первоклашек до серьезных и вдумчивых студентов. Казалось бы, такая разница в возрасте – непреодолимая пропасть для общения. Ан, нет! Вдохновение позволяет юным литераторам говорить на одном языке.

Заседания в студии – это особая поэтическая школа, в которой оттачивается литературное дарование. Это – общение со сверстниками, обретение благодарных слушателей и добрых критиков. Традицией объединения стала литературная гостиная, в которую приглашаются интересные люди нашего города – профессиональные писатели и поэты, художники и музыканты, сотрудники детских газет и просто увлеченные

творчеством люди. Верешковцы сами становятся желанными гостями детских библиотек, музыкальных школ, подростковых клубов. Их голоса звучат по местному радио, тюменское телевидение не раз посвящало свои видеосюжеты юным поэтам.

Участие в литературных конкурсах – одно из любимых занятий воспитанников студии. Ребята пробуют свои силы в городских, областных и всероссийских конкурсах. На счету начинающих писателей более 15 крупных испытаний. Самым первым был конкурс в 1999 году, посвященный 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина. Итогом стало участие юных поэтов в коллективном сборнике «Любезен я народу», выпущенном под грифом тюменского отделения Союза писателей России. Несколько лет подряд верешковцы принимали участие в областном конкурсе «Тюменские имена». В 2004 году юные поэты рискнули отправить свои работы в Москву на Всероссийский конкурс «Моя любовь – моя Россия» и получили заслуженное признание строгого жюри – публикацию в сборнике «Новые имена России». Воспитанники клуба неоднократно принимали участие в региональном конкурсе «Волшебная строка» в городе Екатеринбурге и привозили в Тюмень новые награды и коллективные сборники, среди авторов которых значились их имена. Были также конкурсы на лучшее произведение, объявленные тюменским радио, редакцией газеты «Боливар», городской библиотекой и т.д. За время существования студии почти каждый верешковец получил почетный диплом или стал лауреатом конкурса.

Лучшие произведения юных тюменцев были опубликованы на страницах областных газет, журналов «Лесовичок» и «Тюмень литературная», в альманахе «Врата Сибири», в коллективных сборниках. В 2000-ом году, при содействии председателя администрации Калининского округа Тюмени В.Борисова, был выпущен первый и пока единственный сборник детских стихов под названием «Капелька».

За 13 лет через наше объединение прошло более 60 детей и подростков. Конечно, немного. Но всем известно, что не каждый способен выразить словами себя и свою душу. Но каждый прикоснулся к великой тайне творчества. Вкусил ее. А это – великий шаг к пониманию самих себя и того удивительного мира, в который юные таланты пришли и пытаются стать личностями. Вдохновение обязательно поможет им вырасти хорошими, добрыми и талантливыми людьми, преумножающими на земле добро и красоту!

Наталья Рогачева

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
института гуманитарных наук
Тюменского государственного университета

Я верю в музыку стиха

Андрей Тарханов принадлежит к поколению «первых поэтов». Он родился в 1936 году и вступил в литературу в конце 1950-х, практически одновременно с Юваном Шесталовым, признанным первым профессиональным поэтом манси. Становление мансийской поэзии произошло на глазах одного поколения, её опыт измеряется опытом жизни одного человека. И за столь короткое время был создан глубоко своеобразный мир, в реальности и ценности которого сегодня уже никто не может усомниться.

Самая характерная черта лирического стиля А.Тарханова – обострённое чувственное восприятие жизни, напряжённость ощущения природы и порождённое им стремление найти образы, адекватные такому мировосприятию. Подчёркнутая «наивность» и даже детскость его лирики проявляются в особом колорите, почти не имеющем полутонов. «Многоцветье» заполняет картину Севера, где вместо ожидаемой белизны и приглушённости красок царит пёстрая палитра, пронизанная солнцем: «Осенние волны Казыма желты от листвы и хвои», «озёра синие», «с голубой каёмкою сосняк», «меж сосен горизонт лиловый», «берёза, алая от небесных снегирей», «жёлтые туманы, оранжевые блики на воде». Такая «неистовость» красок символична – в ней прозревается страна, которую лишь посторонний наблюдатель упрекнёт в холодности души, поскольку она исполнена страсти и любви:

*Сентябрь неистов,
дерзок он –
Охапками бросает листья
В глаза лосихе,
В морду лисью,
Он распалил лосиный гон.*

При этом география поэзии Андрея Тарханова весьма обширна: в его стихах помимо северных пейзажей множество картин южной природы. Крым, Кавказ, Балатон

Андрей Тарханов

привлекают художника той же неистовостью жизни, которую он привык находить у себя на родине. И та же праздничная пестрота характеризует палитру стихотворений, посвященных красоте «других берегов», где «земля багрово-красновата, и камни сеют красный свет», «пожар роз» и скалы, «озарённые то красным, то седым огнём», Балатон «голубеет» и через мгновение «пылает» «закатным маревом», «с неба сыплются орехи, груши, жёлтая айва». Многоцветье поэтического мира предопределено не только реальностью, но и особым взглядом художника, не замутнённым скукой и равнодушием. Он может радоваться и страдать, посмеиваться над собой и испытывать страх, но при этом всегда оставаться человеком, влюблённым в жизнь.

Неудивительно, что в колористической символике Тарханова доминируют оранжевый и красный цвета, наиболее близкие цвету солнца. Оранжевым окрашены природные реалии — лес, небо, трава:

*Йодисто-рыжи
Апрельские шишки у ели.
Качается солнце
Забавной ромашкой над ней.*

Солнечный колорит проникает и в урбанистический пейзаж:

*Ханты-мансийские холмы
Всегда в почёте у зимы.
Из красно-огненной лисицы
У кедров утром рукавицы.*

Высокой степенью эмоциональной напряжённости обладает красный (алый) цвет, связанный для поэта, как и оранжевый, с солнцем, весной, жизнью.

*На гранях солнца — алые костры,
Весенний занимается рассвет.
От каждой ало-трепетной искры
Подснежники рождаются на свет.*

В лирике экспрессивен любой цветовой оттенок, однако поэтической выразительности колорита Тарханов достигает в первую очередь за счёт экспансии цвета, сближая разнородные объекты реальности, актуализируя контрастные отношения между ними. Мышление художника основано на принципе сочетания несочетаемого. Таковы цветовые символы в стихотворении «Белые образы»: «белый туман», «белые капли росы», «белые молнии», «белая вспышка», «белый испуг», «белый звук». Красный до белизны блеск молнии – это и смысловой, и изобразительный центр лирического сюжета. Бесконечное многообразие белизны передают не колористические эпитеты, а метонимические связи между предметом и его признаком, контрастные сочетания одноцветных образов: «Изба в снегах, она цветёт». Белый цвет притягивает поэта своей странной зеркальностью, способностью сливать в пятно различные оттенки и взрываться радужным многоцветьем:

*У водополя лось стоит
И белым кажется из бора.
Лось ослепительно блестит,
Сейчас он – зеркало простора.*

Подобной плотностью и взаимосвязанностью отличается и акустическая картина поэтического мира Андрея Тарханова. Поэт вслушивается в природу и, чувствуя свой долг перед ней, стремится воссоздать её многозвучие в человеческой речи: «Стоязыкий, люди, я: знаю речь сосны, ручья». Поэтому стихи Тарханова насыщены весьма необычными «словами», далеко не всегда звучащими и слышимыми: речь природы имеет зримую форму, её голос обнаруживается в движении, метаморфозах визуального пространства:

*Все звуки мира тянутся ко мне...
Теперь читаю свято молний вязь.
Как велика, тонка взаимосвязь
Деревьев, звёзд, священного жилья!*

«Все звуки мира тянутся ко мне», – в этих словах поэта нет никакого преувеличения: по его представлениям, художник, подобно шаману, поставлен в центр Вселенной и способен совершать путь сквозь пространство и время, чувствуя себя слитым с древними стихиями. Отсюда берёт начало синэстетичность образности Тарханова: совмещение обонятельных и осязательных характеристик («грустный запах осени, как поцелуй, к щеке приник»), обонятельных и акустических («и грянул в душу аромат неповторимой нежной песни»), визуальных, акустических и вкусовых («дивлюсь опять коре осины: в ней сладость воли, сок корней. Я даже слышу рёв лосиный из дальней родины моей»). «Радужное слово» поэзии всего лишь отголосок «красного шёпота» рябины. Подобный параллелизм обусловлен тем, что поэт чувствует дыхание «горячего, грубого» мира, улавливая в нём «гармонии гром, явление чуда минутного».

В ряду сенсорных характеристик предметного образа в лирике Тарханова особая роль отводится запахам. В первую очередь это запахи природы: «Июнь черёмухой пропах», «Чащобный запах кружит подо мною – коры и прели, моха и норы», «Запах хвои и серы кедровой», «Грибами пахнет каждый куст»... Как ни странно, но самый экзотический аромат в поэзии Тарханова – запах цветущего картофеля, чужого растения, давно потерявшего очарование новизны для тех, кто привык ценить мир по принципу «пользы»:

*От поля, луною согретою,
В деревню идёт аромат.
Картофель цветёт фиолетово,
И поле похоже на сад.*

Одориристические образы обладают богатыми ассоциативными возможностями: запахи вызывают в памяти события прошлого, равно как и служат вестью о будущем.

*Запах свежеспиленного дерева,
Как ты душу растревожил мне!
Пахнет хвоей, горьковатой серою,
Каплями янтарными на пне,*

– здесь запах древесины связан с ощущением времени, грядущей смерти и верой в бессмертие, он рождает чувство вины за загубленную жизнь и нерациональную надежду на то, что гибель оправдана высшими законами бытия: на срезе, обнажающем годовые кольца, человек оставляет свою тамгу – весть о себе, тем самым вплетая свой голос в многоголосье природы.

«О, звериная зоркость и чуткость моя!», – восклицает поэт, подчёркивая свою сопричастность с бесконечным земным пространством. Но за видением пространственного горизонта раскрывается и способность проникать за границы времени, интуиция прошлого и будущего. Андрей Тарханов воспринимает вещи в движении истории: в мёртвом предмете он чувствует биение прошлой жизни («Верстовые столбы»), в живой природе находит формы её инобытия. Так и в истории людей он узнаёт праисторию, вызывает в памяти архаические сюжеты, отражённые в обыденном и на первый взгляд малозначительном существовании:

*Через эти леса и завалы веков
Вижу злую погоню –
Ночь ножа и костров.*

Один из самых пронзительных исследователей творчества Андрея Тарханова – Константин Яковлев подчеркивает, что «национальная самобытность» художника обнаруживается не столько в картинах мансийского быта (он «скупой отдаёт дань рекламе патриархальных обычаев»), сколько в «удивительно своеобразном и неповторимом взгляде на мир» [Яковлев, 2000г.]. О чем бы ни писал поэт, отношение к сказанному выдаёт в нём человека мансийской культуры, со свойственной ей «насыщенностью образами», плотностью их – «жизненного мира, среды, к которой прикасается человек ногами, руками, взглядом, слухом, рыболовной ловушкой, пущенной из лука стрелой» [Головнёв, 1995г.]. В его стихах нашло отражение сознание народа, который называет себя «вечерним»:

*Манси – народ вечерний,
О звёздах он думает думу.
Манси – народ вечерний,
Клееному привык он шуму.
Манси – народ вечерний,
На сказку, легенду скорый.*

Андрей Тарханов

«Вечерний» могло бы служить определением народа, который предчувствует закат многовековой цивилизации, смиренно всматриваясь во тьму грядущего. Но, пожалуй, стоит обратиться за поиском истолкования этого эпитета к легенде Анны Митрофановны Коньковой «Откуда северное сияние пошло». Её героиня носит красивое имя Вечерина, потому что видит «свет утренней зари с вечера», «на её лице, как на небе, сходятся две зари – вечерняя и утренняя». Именно эта девочка подарила манси северное сияние, цветное небо: «Переливчатое многоцветье красок объяло ледяную мансийскую землю, проникло в избушки сквозь маленькие оконца, обтянутые матовыми лосиными пузырями вместо стёкол, осветило тёмные углы низеньких избушек, озарило радостью тоскующие по свету лица манси» [Конькова, 1993г.].

Поэт «вечернего» народа наделён особым провиденциальным даром. Не случайно из живописцев Тарханову ближе всего Рерих с его парадоксально мрачными и одновременно светозарными картинами мира, дышащего древностью:

*Его, художника-поэта,
Угрюмость тайны веселит.
Как Будда грозного Тибета,
На огненный закат глядит.*

Лирика Андрея Тарханова исторична, причём ощущение единого хода истории связывает поэта-манси с судьбой России. Героями его лирики стали как богатыри мансийского эпоса, так и русские художники. Повторение одного сюжета в судьбах людей, разделённых временем и пространством, определяет отношение Тарханова к собственной жизни, воспринятой потенциально трагически, поскольку это жизнь поэта, один из многих вариантов общей судьбы:

*Я для высот людского горя
Сейчас, как друг, необходим.*

Всякий художник обречён на одиночество, разрыв с современниками, особенно поэт романтического склада. Отсюда идёт ярко выраженное, многократно повторенное в лирике Андрея Тарханова переживание уединённости души и страдания единичного существования. Поиск веры в Единого Бога связывает его поэзию с русской романтической лирикой, той её традицией, которая объединяет Лермонтова, Блока, Есенина. Но наряду с ней Андрей Тарханов развивает традицию иного рода, восходящую к фольклорной лирике с её сюжетностью, специфической эпичностью, тенденцией к персонификации переживания. Самые интимные лирические произведения Тарханова по форме близки к лирическим рассказам.

Как известно, «подлинное стихотворение живёт не неким изображённым в нём событием... и не мыслью и чувством автора, но своим собственным – сотворенным, поэтическим – событием, которое и могло

состояться именно и только в нём одном» (Кожин, 1988г.). В лирике Андрея Тарханова, вопреки её «наивности» и простоте, а возможно, именно благодаря им, внимательный читатель найдёт такую редкую событийность, основанную на парадоксальности чувств художника. Таково, например, стихотворение «Погоня», в котором будущее представлено как возвращение в прошлое, ценность дружбы заключена в азарте соперничества, исповедальность скрыта в лиро-эпическом сюжете.

Романтический лиризм и эпичность – два равновеликих начала поэзии Тарханова. Объяснение этому «двойному зрению» он находит в истории своей семьи, выросшей на пересечении, переплетении разных вер язычества и христианства:

*Христианин я и язычник,
Меня крестили в Иртыше.
И по судьбе своеобразной –
Две веры у меня в душе.
Они в крови моей от деда...*

*И я у лиственниц священных
Две веры для души обрёл...*

Напомним не раз отмеченный литературной критикой факт, что Тарханов пишет по-русски, что его поэзия усвоила опыт русской классической лирики: «Именно она, русская классика, помогла родиться музыке его художественного слова» [Яковлев, 1996г.]. Творчество Тарханова – факт современного литературного процесса, и, следовательно, к нему применимы те параметры, по которым оценивают сегодня поэтов. В лирическом герое Тарханова узнаётся человек поколения «шестидесятников», странно романтического для нашего безгеройного времени. Он провинциален и несколько старомоден, слишком, вероятно, прямолинеен и склонен к проповедничеству. По словам Ю.Мешкова, «лирика Андрея Тарханова глубоко этична. Не нравочениями и упрёками, а демонстрацией и утверждением единственно достойной человека линии этического поведения» [Мешков, 2000г.]. Но не так уж редко этика выливается в «мораль», в афористическую завершённость лирического сюжета:

*Что же делать, душа?
Не безмолствуй, прошу!..
Я на поиски паруса в ночь ухожу.*

Поэт не боится признаваться в любви к растиражированным ценностям, будь то «Бригантина» с забытым авторством Павла Когана или «Незнакомка» Крамского. Поразительно в нём умение не замечать банальности, дар особого рода непредумышленного отношения к миру. Утрату простоты и наивности в отношении к жизни сам Андрей Тарханов воспринимает драматически:

*А дух столичный колобродит.
В тайге мне трудно будет с ним.
Наивность где-то рядом ходит,
Похоже, стал я ей чужим.*

В эпоху, когда русская поэзия пережила «второй кризис рифмы», Тарханов демонстративно отказывается от всякой заботы о «форме»:

*А рифма мне не интересна,
Она как зелье от греха.
Она от правил, всем известных.
Я верю в музыку стиха!*

Минуя вопрос о «технике», поэт обращается к изначальной содержательности лирики, сосредоточенной на сфере вечных чувств, вечных вопросов – любви и веры:

*Корни стиха моего
В добрых и сильных сердцах.
Гордую крону его,
Друг мой,
ищи в небесах.*

Ирина Пермякова

Обозреватель интернет-газеты «Вслух.ру» и еженедельника «Вслух о главном»

Чтобы писать, надо читать

Итоги литературного конкурса, посвященного 50-летию областной писательской организации

«Иногда кажется, что ты последний из могикан, но ребята пишут. Литература не умирает, и есть надежда, что подрастёт нам смена и придёт в тюменскую писательскую организацию», – верит руководитель Тюменского отделения Союза писателей России Николай Денисов.

Восемьдесят молодых поэтов, писателей, сказочников и публицистов приняли участие в конкурсе, который объявило к своему 50-летию тюменское отделение Союза писателей России. Четыре победителя получили ценные подарки, ещё семерым финалистам достались памятные призы и дипломы. Церемония награждения состоялась 16 февраля, в день юбилея региональной писательской организации, в Центральной городской библиотеке.

В конкурсе принимали участие молодые авторы Тюмени и юга области. Однако, некоторые писатели старой школы, привыкшие воспринимать регион целостно, ожидали более широкой географии конкурса.

«Как бывшему северянину мне было жаль, что в конкурсе практически не представлены севера. Для меня тюменская литература – это большая территория от ишимских степей до Карского моря, это – Ямал, где живёт и поныне трудится лауреат государственной премии России Роман Ругин, это – Югра, где до недавнего времени жил лауреат Госпремии России Юван Шесталов, ханты Еремей Айпин, Маргарита Анисимкова, манси Андрей Тарханов. Это молодые и уже немолодые литераторы Надыма, активно работающие в литературе», – писатель Николай Коняев выразил надежду, что следующий областной конкурс будет более представительным.

Советы начинающим

У опытных мастеров принято спрашивать: «Что бы вы посоветовали молодым?». Перед объявлением победителей конкурса члены жюри высказали свои пожелания начинающим авторам, набросав для абстрактного молодого писателя план работы над собой.

Предваряя «парадные слова от тех, кто знает, что такое писательский труд не понаслышке», выступила доктор филологических наук Наталья Рогачёва:

«Я сужу о конкурсе с позиции обычного читателя, и мне кажется, региональная литература испытывает огромные трудности не потому, что мало пишущих, а потому, что мало читающих – людей, которые читают именно региональных авторов. И отчасти, судя по рукописям, сам пишущий бывает в этом виновен. Проблема, на мой взгляд, в том, что пишущий не думает о читателе, он не ждёт отклика, не прогнозирует его...

Мне бы хотелось пожелать молодым авторам читать классическую литературу, читать произведения тех тюменских авторов, которые стали знаменитыми и успешными. И, конечно, собственные произведения – существует понятие автокоммуникации, когда человек читает себя как будто со стороны, это необходимо авторам, особенно поэтам».

«Ощущение, что молодые не читают друг друга, не знают современную поэзию. Путь в литературу лежит через литературные семинары и объединения. Каждый из нынешних профессионалов прошел этот путь – через литобъединения, через литинститут. Надо читать, учиться, учеба на первых порах – это всё», – говорит Николай Денисов.

По мнению Николая Коняева, конкурс – это тоже форма литературной учёбы, первый класс школы, которая не заканчивается для писателя, пока он живёт и пишет.

Борис Комаров заметил, что в литературе бесполезно искать самородков, они не рождаются на пустом месте, для этого должна быть огромная предварительная работа, и конкурс – результат этой работы. Писатель посоветовал молодых коллегам больше читать и «выражать свое мнение откровеннее, выражать свою боль, потому что, что болит у них, заболит у читателя».

«Я с удовольствием принимал участие в чтении ваших произведений, – обратился к финалистам конкурса Аркадий Захаров. – Есть настоящие открытия; есть среди вас и замечательные таланты, некоторые об этом не подозревают и пишут небрежно. Пишут, не владея в достаточной мере русским языком. Некоторые не попали в число победителей, потому что хочется писать интересно, пишется торопливо, но некачественно. Своего читателя надо уважать. Некоторые меня огорчили, потому что ожидал от знакомых авторов новых произведений, но были представлены рукописи, которые уже показывали. Это не повлияло на оценку рукописей, но хотелось бы пожелать авторам не останавливаться».

Лучшие отправляются... за покупками

Финалистам конкурса молодых писателей вручили букеты, дипломы и памятные призы от библиотеки, юбилейный сборник «Одержимые творчеством», посвящённый истории создания и становления Тюменской областной писательской организации Союза писателей России, литературные материалы тюменцев – членов союза писателей СССР и России. Победителей наградили ещё и сертификатами магазина «О кей» номиналом 10 тысяч рублей.

В номинации «Поэзия» финалистами стали Юлия Некрасова и Светлана Сырьева, победителем признан Андрей Шевцов.

По словам Николая Денисова, Андрея хорошо знают в литературном объединении при областной писательской организации: «Работает он серьезно, знает литературу, в совершенстве знает технику стихосложения. Ну и все достоинства, которыми должна обладать поэзия, он понимает и работает в этом направлении». Молодой поэт признался, что стихов на первую книгу пока не наберётся, на что Николай Денисов посоветовал работать не только над качеством, но и над количеством, «хотя бы сто стихотворений, чтобы было, что в руки взять».

В номинации «Произведения для детей» финалистом стала Маргарита Чекунова, автор «Сказки о маленькой пчелке». Победителями стали сёстры Елизавета и Юлия Клычлиевы, представившие на конкурс серию детских познавательных книжек: «Теремок от «А» до «Я», «Путешествие в Цифроград, где все учатся считать», «Времена года», «Философия для детей и родителей», сказка «Гномик Яша-Большая Шляпа».

К набору памятных призов Николай Денисов добавил иллюстрированную книгу детской русскоязычной писательницы из Венесуэлы.

«Публицистика» стала наименее популярной номинацией, зато финалистов в ней больше, чем в других жанрах: Людмила Усольцева, Галина Козельская, Ксения Петунина. Лучшим признали Геннадия Крамора — редактора ишимского краеведческого альманаха «Коркина слобода».

«Наталья Александровна Рогачёва отметила, что вкус читателя надо воспитывать, и для этого в нашем городе существует журнал «Конёк-горбунок», хотелось бы, чтобы он тоже был замечен, потому что Ершовский центр, где я работаю, публикует в журнале произведения лауреатов ершовской премии», – подчеркнул Крамор.

Николай Денисов пожелал Геннадии Андреевичу постараться и собрать первую книжку: «Это нужно делать в наше время. Пусть она будет небольшим тиражом, но книжку надо собирать. Трудно – ну, что делать, мы все в таком положении».

В номинации «Проза» за главный приз поборолась Елена Кунгурова и Михаил Булатов, представивший на суд экспертов две повести – «Сказки чердачного хлама» и «Кошкины слёзы».

Рассказ Кунгуровой «Под замком» защищал Денисов («Она пишет вполне крепкую прозу!»), за Булатова «поборолся» на встречах жюри Аркадий Захаров. Главный приз достался Булатову, которого и поздравил Аркадий Петрович: «Молодец Михаил, у тебя замечательный образный язык, неординарное мышление, ты знаешь тот предмет, о котором пишешь, не возникает никакого сомнения, что ты пишешь правду, хочется верить написанному, мастерство у тебя придёт».

Конкурсные произведения победителей

Геннадий Крамор

Методист по научно-просветительской деятельности
Культурного центра П.П.Ершова, г. Ишим,
лауреат литературного конкурса в номинации
«Публицистика»

Таланты Ершова многогранны...

Трудно найти человека, который не знаком с творчеством родившегося 195 лет назад Петра Павловича Ершова. Написанная им сказка «Конёк-Горбунук» переведена почти на все языки мира. Образ чудесной двугорбой лошадки стал одной из «визитных карточек» России. Сказка получает новые театральные интерпретации. К двум значительным культурным событиям последних лет относятся постановка «Конька-Горбунка» (режиссёр Евгений Писарев) в МХТ им. А.П.Чехова, инициированная его художественным руководителем Олегом Павловичем Табаковым и балетная версия ершовского произведения на сцене Мариинского театра (композитор Родион Щедрин, хореограф-постановщик Алексей Ратманский). Обе постановки приняты широкой публикой, но вот парадокс – судьба создателя сказки на сегодняшний день фактически неведома многим читателям и зрителям! А она по-своему интересна и даже поучительна.

О П.П.Ершове – озорном мечтателе, талантливом педагоге, чутком христианине и добром семьянине – рассказывает Татьяна Павловна Савченкова, кандидат филологических наук, доцент Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова, автор многих научных статей о писателе из Сибири.

– Татьяна Павловна, где родился Ершов и что известно об этом крае?

– Предполагаю, что на этот вопрос большинство читателей ответит: «В Тобольске». Традиция связывать Ершова прежде всего с этим городом настолько сильна, что забывается или не принимается во внимание истинная родина поэта – деревня Безрукова Ишимского уезда, в трёхстах двадцати верстах к югу от Тобольска. Исследователь творчества Ершова Виктор Григорьевич Утков верно указывал, что деревня эта вовсе не была захолустной, а находилась на бойком Московско-Сибирском тракте. А в начале XX века рядом прошла Транссибирская

магистраль, и теперь из окна экспресса можно увидеть маленький разъезд Безруково. Этот топоним сохранился только здесь, – село в 1960 году переименовали в Ершово.

А крестили будущего поэта 22 февраля 1815 года в градо-Ишимском Богоявленском соборе. В те времена Ишим был центром обширного уезда: двести вёрст от границы до границы; на севере – таёжные урманы, на юге – степной Петропавловск. Отец Ершова Павел Алексеевич занимал далеко не рядовую должность комиссара (полицейского чиновника) при Ишимском земском суде.

– Правда ли, что сказка так широко «шагнула» в народ потому, что записана из уст народа?

– Такое мнение утвердилось с лёгкой руки университетского друга и первого биографа Ершова Андрея Константиновича Ярославцова, написавшего: «Сказка «Конёк-Горбунок» по замыслу не есть создание Ершова, она – произведение народное и, как откровенно говорил сам автор, почти слово в слово взята из уст рассказчиков, от которых он её слышал, только он привёл её в более стройный вид и местами дополнил». Вот с тех пор и появилась традиция видеть и исследовать в этой сказке в основном фольклорный слой, искать связи с народным театром, говорить о «скоморошестве», «балагурстве» поэта, который предстаёт в роли эдакого народного сказителя. Дескать, родился в деревне, бегал босой по ярмаркам, слушал да смекал...

Убеждение в том, что Ершов – писатель из народа, очень сильно даже в интеллигентской среде. Например, мне довелось работать в одном из крупных архивов Санкт-Петербурга. И его директор, подписывая моё прошение о работе с фондами, был изумлён: «Как, Ершов учился в нашем университете?!» Хотя документы Ершова-студента хранятся именно в этом архиве.

За Ершовым стоит мощная традиция русской литературы, которую он очень хорошо знал. Недаром в его университетском аттестате значится самая высокая оценка по словесности, хотя и обучался он на философско-юридическом факультете, закончив его со званием кандидата. А учителями Ершова были П.А.Плетнёв и А.В.Никитенко, которые ввели талантливого юношу в литературные круги столицы, познакомили с Пушкиным.

– Кстати, как Вы относитесь к версии пушкинского авторства «Конька-Горбунка»?

– Рассматриваю её как курьёзный домысел, возникший в смутное «перестроечное» время. Эта «версия» – дитя эпохи постмодерна с

характерным для него стремлением развенчивать устоявшиеся мнения, шокировать публику маргинальными суждениями, играть словами, вольно использовать научную методологию. Доводы сторонников пушкинского авторства не выдерживают никакой критики, они основаны на недоговорённостях и передёргиваниях, а то и откровенных фальсификациях. Но выглядит это научно, а потому «убедительно» для неподготовленного читателя. При этом псевдолитературоведы не берут себе за труд даже изучить основательно биографию Ершова, не говоря уже о работе с первоисточниками в архивах.

Жаль только, что причудливая «гипотеза» этих фантазёров поддерживается и распространяется многими средствами массовой информации, и тем активнее, чем ближе 200-летний юбилей Петра Павловича. Да, в сказке «Конёк-Горбунок», особенно в первой редакции, чувствуется влияние пушкинской манеры стихосложения. Но это не удивительно: 18-летний юноша сознательно подражал Пушкину и даже использовал некоторые обороты и образы из его сказок:

*Как на море-окияне,
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит...*

Или:

*Я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.*

И это косвенно ещё раз доказывает, что автор – не Пушкин: не стал бы Александр Сергеевич «цитировать» самого себя.

– *В чём же проявляется именно «ершовское», индивидуальное начало в этой сказке?*

– Практически во всём. Он меняет черты фольклорной сказки, хотя и оставляет её «узнаваемой» (так, неслучаен подзаголовок «русская сказка»). Но сказка у Ершова выражает его романтическое, всеобъемлющее мировидение – такого богатства пространственных образов нет ни в одной народной сказке, да и в литературной тоже. В «Коньке-Горбунке» отчётливо проявляется ершовский склад души, и озорной, и мечтательной, а также та внутренняя энергия, которая придаёт особую динамичность повествованию. А как интересно вплетаются в эту сказку реминисценции из Жуковского, Пушкина, Гоголя, Грибоедова! Кроме того, это ещё и сказка, созданная человеком христианского мировоззрения:

*А на тереме – из звезд
Православный русский крест.*

Автор, по всей вероятности, и не предполагал, что некоторые «смелые» современные исследователи увидят в его произведении языческую первооснову, древние архетипы и даже «народную силу сакрального похабства» (Евгений Маликов «Такого горбатого вряд ли исправишь...», Литературная газета, 2010, №10).

В сказке Ершова умудряются усмотреть не только «архаику», но и «злободневность» – намёки на отношения императора и декабристов. При этом опять же игнорируют взгляды самого писателя, который почитал царей как помазанников Божиих. Он очень переживал кончину Николая Павловича (дата смерти императора внесена в поминальную книжку Ершова), с пиететом относился к Александру Николаевичу. Будучи ещё наследником престола, он вместе со своим воспитателем В.А.Жуковским 2 июня 1837 года посетил Тобольскую гимназию. Впоследствии Пётр Павлович, став директором, установил этот день ежегодным гимназическим праздником. А тогда, при встрече, старший учитель словесности Ершов преподнёс цесаревичу оду. Ведь это был первый приезд представителя царской фамилии в Сибирь. Наследник отблагодарил поэта золотыми часами. Их история интересна. На закате жизни, будучи в отставке, бедствуя материально, он заложил цепочку от часов для продолжения строительства храма в Безруковой, на своей родине.

– Мнение о Ершове как авторе одной книги, сказки «Конёк-Горбунук», является достаточно распространённым. Другие произведения считаются малозначимыми, а потому и забытыми. Так ли это?

– Это несправедливая оценка. Ершов – прекрасный лирик. У него много замечательных стихотворений. Он написал и балладу «Сибирский казак», либретто к опере «Страшный меч», создавал водевили, эпиграммы, цикл рассказов «Осенние вечера» и многое другое. При жизни Ершова не вышло ни одного собрания его сочинений, а в советскую эпоху его стихи собирали и издавали литературоведы М.К.Азадовский, В.Г.Утков, Д.М.Климова. Наиболее полное собрание его произведений вышло в 2005 году. Оно подготовлено и составлено В.П.Зверевым. И всё же столько ещё не опубликовано! Недостаточно изучена его духовная лирика. В Тобольском музее хранятся разрозненные тома рукописной Библии. Считалось, что она переписана рукой Ершова. На самом деле это самостоятельный труд. Тогда ещё не был издан канонический «синодальный» перевод на русский язык. И Пётр Павлович сам переводит

Библию с церковнославянского. Библейские образы часто встречаются и в его лирике. Для Ершова важно понятие Божественного Промысла, о нём он часто говорит в письмах – своеобразном дневнике жизни.

– Биограф Ершова Ярославцов был уверен, что, останься Пётр Павлович в Петербурге, он заблестал бы яркой звездой на небосклоне русской литературы. Вернувшись в Тобольск, Ершов действительно мечтал о столице. Что же помешало его переезду?

– У меня нет уверенности, что в Петербурге Ершов нашёл бы своё счастье и литературный успех. Вспомним трагическую судьбу его современника, поэта Милькеева. Евгений Лукич – сибиряк, тобольский чиновник. Его поначалу поддержал Жуковский. Милькеев жил в Петербурге, в Москве. Но когда поддержка иссякла, он потерял себя, не смог реализовать своё дарование и рано ушёл из жизни. Думаю, что Ершов сделал гораздо больше, оставшись на родине. Сопоставление сохранившихся писем Ершова показывает, что на самом деле его намерения менялись в зависимости от настроения. Он хотел вернуться и найти место в столице, пока жил один, после смерти матери. Но влюбился, женился на вдове Серафиме Александровне Лещёвой, имевшей четверых маленьких детей. У него открылся талант семьянина. И пасынков, и родных детей он очень любил. Ему пришлось пережить множество утрат – был трижды женат, две жены и многие дети умерли. И только его лёгкий характер, природный оптимизм и, конечно же, христианская вера спасали от отчаяния и не давали погрузиться в хандру. Семья представлялась ему самой большой ценностью, и он решил остаться в Тобольске. И очень много сделал в тобольский период своей жизни! Это была и новая лирика, и вторая редакция «Конька-Горбунка» – расширенная, дополненная, являвшаяся зрелость его таланта. А как много он в это время сделал для педагогики! Писал труды по вопросам народного образования, открывал в губернии женские школы. А ещё он был журналистом. Его многочисленные статьи, которые он предпочитал подписывать псевдонимами «Житель Тобольска», «Любитель» или печатать анонимно, появляются и на страницах столичных изданий, и на страницах первой сибирской газеты «Тобольские губернские ведомости» в 1857-1858 годах. Ершов очень много сделал для развития любимой Сибири. Его таланты многогранны, и они малоизвестны лишь потому, что он жил в провинции, а его архив оказался почти весь утрачен.

– Помнят ли Ершова на его родине?

– В Ишиме сохранилось два здания, связанных с именем Ершова. Одно – это здание женской школы, открытой им как директором училищ Тобольской губернии. В 2006 году в нём был открыт Литературный музей П.П.Ершова

(ныне – Культурный центр). В нём развернулась единственная в России экспозиция, посвящённая жизненному пути поэта, где представлены неизвестные прежде страницы его биографии. Второе здание – Богоявленский собор. Вместе с его настоятелем епископом Евтихием мы занимаемся восстановлением храма в селе Ершово. Ведь церковь, построенная при участии Петра Павловича на месте его рождения, была разрушена в 1969 году. К сожалению, и нам на пути восстановления памятника встречаются трудности. Так, в мае прошлого 2009 года уже почти достроенный храм сгорел от детской шалости. Теперь вновь собираем средства на его постройку, уже в каменном исполнении. Чтобы поддержать творческих «наследников» Ершова, современных детских писателей, переводчиков сказки «Конёк-Горбунок», мы инициировали совместно с Союзом писателей России проведение Всероссийской литературной премии им. П.П.Ершова за произведения для детей и юношества. Она проводится уже пятый год. Мы сами издаём детский журнал «Конёк-Горбунок». Кстати, на обширной территории Тюменской области существует всего четыре периодических издания для детей. Это говорит о том, насколько тонок «культурный слой» за Уралом. В сотрудничестве с нами режиссёр Константин Артюхов снял на киностудии «Леннаучфильм» ленту «Сибирский сказочник». Она была дважды показана по каналу «Культура». В фильме впервые прозвучали вновь открытые факты из жизни Ершова, был показан новонайденный портрет работы художника Н.Г.Маджи, который потомками Петра Павловича признавался как наиболее достоверное его изображение. Кстати, о потомках. Долгое время ершововеды не могли отыскать их следов. И мы искали – поначалу безуспешно. Когда же удалось наладить связь, стало ясно, почему они молчали: из скромности. Это удивительные люди! Внуки и правнуки Ершова, оказывается, почти все живут в Сибири, продолжают его дело просвещения – работают в сфере образования, медицины, журналистики... Особенно трогательно, что благодаря музею Ершова они вновь обрели связь друг с другом, узнали много нового о своём знаменитом предке. В 2008 году к нам приезжала правнучка поэта Зоя Ивановна Кузьменко с дочерью Аллой. Она уже в преклонном возрасте, но отправилась в Ишим, чтобы принять таинство крещения в той же купели, в том же храме, что и её прадед. Мы духовно породнились – я стала крёстной матерью новопросвещённой Зои.

Уже очень скоро, в 2015 году мы будем отмечать двухсотлетие со дня рождения Ершова. Хочется верить, что эта дата не пройдёт незамеченной в нашей стране. Ведь Ершов – автор одной из лучших литературных сказок, в которой особенно ярко выражен национальный дух нашего народа. Его имя достойно того, чтобы стоять в ряду выдающихся деятелей русской культуры.

Елизавета Клычлиева

студентка II курса Тюменской академии культуры, искусств и социальных технологий, кафедра библиотечно-информационной деятельности

Юлия Клычлиева

преподаватель английского языка

Лауреаты литературного конкурса в номинации «Произведения для детей»

Теремок от А до Я (Для самых маленьких)

От авторов

Дорогие родители, бабушки и дедушки, няни и воспитатели, а также все, кто желает научить своего ребенка первым азам постижения азбуки, думаем, что эта небольшая книжечка послужит вам руководством к действию. Данное пособие рассчитано на 29 занятий с детьми.

Необходимыми атрибутами занятий должны стать цветные карандаши, фломастеры, мелки и общая тетрадь или же просто детский альбом, где ребенок будет выполнять все указанные задания. В основном знакомство с каждой буквой будет занимать отдельный лист тетради (альбома).

Важным условием является то, что в заключение всех выполненных заданий у вашего ребенка должен получиться свой Терем-теремок, заселенный буквами, а рядом с ним ребенку потребуется нарисовать себя и прописать свое собственное имя, как автора всей проделанной работы. Таким образом, ребенок, влившись в это увлекательное путешествие, попадает не только в игру, но и изучает все 33 буквы алфавита, а своим упорным трудом помогает себе успешно и быстро все эти знания получить.

Помните, как начинается сказка «Теремок»?

С вопроса: «Кто, кто в домике живет?»

Только вот в нашем теремке не волк и не лиса, не мышь и не лягушка, а добрые буквы будут проживать.

Это необычный дом!
 Поселились буквы в нем.
 Хоть у букв от А до Я
 И квартира есть своя,
 Не сидится им на месте,
 Любят быть повсюду вместе.
 Встанут рядом: раз, два, три...
 Выйдет слово – посмотри

Урок № 1

А - начало алфавита
 хозяйка теремка.
 Тем она и знаменита,
 И важна, и всем нужна.
 Без нее не будет рамы,
 Мама, папы, малыша,
 Потому что в каждом слове
 Ее помощь всем нужна.

*Ну, а тебе, дорогой друг, на первом уроке задание такое: нарисуй слова с буквой **А** и попытайся сам написать эту волшебную букву. А еще нарисуй терем-теремок и посели ее в нем. На каждом уроке ты будешь знакомиться с новыми буквами-жителями Терема-теремка, а потому и место не забудь им оставить в этом домике.*

Урок №2

Б стоит за буквой **А**.
 Очень важная она.
 Без нее не будет
 Бочки
 И не будет
 Букваря.
 Все бараны
 Разбегутся,
 А баранки
 распадутся.

Чтобы все их
 Удержать,
 Надо **Б**
 Нарисовать.
 В теремочке
 Поселить,
 На замочке там
 Закрывать.

*А тебе, дорогой друг, задание: нарисуй букву **Б** в нашем теремочке и хорошо закрой ее там на замочек, чтобы и в самом деле никакая беда не приключилась.*

Урок №3

А и **Б** уже живут в нашем теремочке.
 Букву **В** теперь найди,
 В этот терем посели.
В на бабочку похожа,
 Только крылышко одно.
 Нарисуешь крыльев два –
 Станет бабочкой она.

*Задание: попробуй нарисовать крылышко бабочки, а затем и букву **В**. И не забудь поселить ее в наш теремочек.*

Урок №4.

Буква **Г** - подъемный кран,
 Дом нам строить помогает,
 Груз тяжелый поднимает,
 Буквы в домик расселяет.

*Задание: мы строим теремочек, и нам непременно понадобился подъемный кран. Нарисуй его сам, а после и букву **Г** тебе нетрудно будет написать и в домик поселить.*

Урок №5

Д - на домик наш похожа,
Любит жить она одна.
Нарисуй ее отдельно
И придумай с ней слова.

*Задание: а этот раз оно посложнее
- ты должен сам придумать слова
с буквой **Д** и нарисовать картинку
в своей тетради, а еще под каждой
из них не забудь и букву **Д** написать.*

Урок №6

Желтые
Карандашики
Дружно
Все взяли,
Желтое
Солнышко
Нарисовали.
Журавликов
В небе,
А на траве-
Жучков разноцветных,
И рядышком **Ж**.

*Надеемся, что тут тебе задание
понятно?! Так что смело бери
карандашики и приступай к работе.*

Урок №7

Зайка в домик прискакал,
Зайка в домик постучал.
Хочет жить он в теремке,
Где есть место букве **З**.

*Задание: посели зайку в теремке и
напиши букву **З**.*

Урок №8

Ель и ёлку посадили
Рядом с домиком
В лесу.

Возле ели прикрепили
Букву **Е**,
А к ёлке - **Ё**.

*Задание: возле теремочка нарисуй
ель и елку и пропиши буквы **Е** и **Ё**.*

Урок №9

Лисичка-сестричка
По лесу бежала.
Лисичка-сестричка
В наш дом постучала.
Ты ей поскорее
Квартиру найди,
Где буква **Л**
Есть на двери.

*Задание: найди квартирку для
лисички-сестрички и посели ее
в нем. Напиши букву **Л** в своей
тетради.*

Урок №10

У медведя есть
Берлога.
Но не хочет
Он в берлогу.
К теремочку
Он пришел -
Место там
Себе нашел.

*Задание: найди место в теремочке
для медведя и посели его там, а
букву **М** – в своей тетради.*

Урок № 11

Комар летит,
Комар пищит,
Комар в наш домик
Залетит.
Куда поселишь комара,
Когда кусает он тебя?

На крыше
Комара сели
И букву **К**
Там напиши.

*Задание: нарисуй комариков на крыше домика и напиши букву **К**.*

Урок №12

На букву **Н**
Слова найди
И букву **Н**
Сам напиши.
Подсказку дам
Тебе, дружок,
На букву **Н**
Есть носорог.
Его ты в домик
Посели
И букву **Н**
Там напиши.

*Задание: найди слова на букву **Н** и обозначь буквой **Н** одну из квартирок теремка.*

Урок №13

Индюк
Ирину укусил,
Ирине
Йод необходим.
Ты в терем
Индюка закрой,
Ирину быстро
Успокой.
Две буквы новые
Найди
И их
В тетради
Пропиши.
На **И** - индюк,
А йод - на **Й**.
Запомни
Буквы эти ты.

*Задание: напиши две новые буквы в своей тетради. Закрой индюка в теремке и обозначь там букву **И**.*

Урок №14

Обезьянка с Попугаем
Шлют всем с Африки привет.
Просят очень
В теремочек
Их пустить
Хоть на денечек.
Нарисуй скорей зверей,
Посели в него гостей!

Задание: нарисуй обезьянку с попугаем и напиши их буквы.

Урок №15

Возле дома нарисуй
Речку с рыболовом.
Ну, а в речке
Много рыб
Для хорошего улова.
На крючок
К рыбаку
Букву **Р**
Ты прикрепи.
Смело удочку
Кидай
И всех рыбок
Доставай.
Сколько рыбок
Ты достал,
Столько **Р**
Нарисовал.

*Дорогой друг, надеюсь, что задание ты понял и потому возле дома смело рисуй речку с рыболовом и лови рыбок. Чем больше рыбок ты поймал, тем больше буковок **Р** ты и напишешь в своей тетради.*

Урок №16

Возле домика собака,
А на небе, посмотри,
Ярко солнышко сверкает,
Всех зверюшек согревает.
Там, где солнышко сияет
И собачка проживает,
Букву **С** ты напиши
И еще раз обведи.

*Задание озвучено в
стихотворении.*

Урок №17

Тюленю
В Антарктиде
Не живется:
Там холод,
Льды,
Кругом вода
И хочется ему
Тепла.
Хоть на недельку,
Полторы
Он просит:
«В терем посели!»
Ты в руки
Карандаш возьми,
Тюленю
Комнату найди

*Задание: найди в теремочке комнатку
для тюленя и нарисуй его там.*

Урок №18

Утка к речке
Подошла,
Подошла и
Поплыла.
В терем
Утке неохота,
Потому что

Ей охота
В речке
Рядом с домом
Жить,
Крыкать,
Плавать,
Рыб ловить.

*Задание: нарисуй утку в реке и
напиши строчку с буквой **У**.*

Урок №19

Филин -
Он ночная птица.
Ему ночью
Не сидится.
Будет он
В лесу летать,
На день
В терем
Прилетать.
Обозначь
Его квартирку
Буквой **Ф**
И словом «филин».

Задание в стихотворении.

Урок №20

Хорек-
Он маленький
Зверек.
Забьется
В норку
И живет.
Под домиком
В норе
Он будет
Жить,
Оттуда
В гости
В домик
Заходить.

Теремок от А до Я

Задание: под домиком, в норе нарисуй хорька, а в тетради напиши букву Х.

Урок №21

Возле дома
К новоселью
Нарисуем
Мы цветы.
Нарисуем
И раскрасим,
И напишем
Букву **Ц**.
Цыпленок маленький
Пищит -
Не хочет
В комнате
Он быть.
Он к маме
Просится
Своей.
Найди ее,
Дружок,
Скорей!

Задание: возле домика нарисуй цветы, а рядом с ними напиши букву Ц. Нарисуй цыпленка вместе с его мамой. Догадайся сам, кто его мама и где она прячется в теремке.

Урок №22

Чебурашка проживает
На витрине
В магазине.
Одиноко ему там -
Очень просится
К зверям.
В доме этом
Места много,

Елизавета Клычлиева, Юлия Клычлиева

Хватит даже
Бегемоту.
Чебурашка, дорогой,
Приходи скорей
В наш дом!

Задание: посели Чебурашку в теремочке и напиши букву Ч в своей тетради.

Урок № 23

Дом украсим
Мы **Ш**арами,
Потому что
Праздник
В нем.
Мы старались
Не напрасно -
Новоселье
Нынче
В нем.

Задание: укрась дом шарами и напиши букву Ш.

Урок № 24

Щука в речке
Проживает,
Щука всем нам
Помогает.
Пусть по-щучьему
Веленью,
Пусть по-нашему
Хотенью
Буквы выстроятся
В ряд
Под названьем
Букворяд.

Задание: еще раз написать все выученные буквы и выстроить их в один ряд.

Урок № 25

Есть мягкий знак – **ь**,
Есть твердый знак – **Ъ**.
Они в словах
Весьма важны.
Без них
Не будет
Букваря
И все нарушится тогда.
Ты знаки эти пропиши
И рядом
В домик посели.

Задание в стихотворении.

Урок № 26

В электричку
Буквы сели,
Дружно песенку
Запели.

Эхо песню
Подхватило,
Подхватило,
Повторило.

*Задание: повтори вслед за эхом букву
Э и напиши ее в своей тетради.*

Урок № 27

Буква «О»
С подставкой слева
В букву **Ю**
Оборотилась
В Юлю тут же
Превратилась.
Надоело Олей быть
Хочет Юлей
Походить.
Букву эту пропиши,
Слово «Юля» напиши.
Как узнаешь букву «Ю»,
Будет все легко тогда.

*Задание: напиши букву Ю в своей
тетради и найди ей комнатку в
теремочке.*

Урок № 28

Яблонька
У домика
Выросла
В саду.
Яблоки
На яблоньке
Сколько хочешь рви.
Будем яблоки
Срывать,
Букву **Я**
Везде писать.
Сколько яблочек
Мы сорвали,
Столько **Я**
И написали.

*Задание: возле теремочка нарисуй
яблоньку с яблоками и напиши
букву Я.*

Урок № 29

Вот и все, дружок,
Конец!
Буквы все
Теперь ты знаешь
И, наверно,
Сам составишь
С ними
Имя ты свое.
Теремочек твой
Готов.
Возле терема
Себя
Нарисуй
И напиши,
Кто хозяин
Теремка?
Это...

*Задание: в пустую строчку напиши
сам свое имя и подпишись еще раз
под своим рисунком, который ты
выполнял на протяжении всех этих
уроков.*

Михаил Булатов

Куратор школы литературного
мастерства В.Крапивина,
лауреат литературного конкурса
в номинации «Проза»

Сказки чердачного хлама

*Дорога, замыкающаяся в круг,
не оставляет нам возможности вернуться.*

Горька на вкус икра лосося, и замирает время в расширенном зрачке задыхающейся рыбины, выкинутой на мокрую палубу рыбацкого барка в скользкой лавине хвостов и плавников сородичей. Еще горше никотиновый привкус «Беломора» в обветренных губах браконьера, что коротким кривым ножом вспорет лосося надутое икрой брюхо. Но в моих словах горечи нет, как нет ее в легких семенах одуванчиков, увлекаемых ветром на пустыри и цветники ваших сердец. Они прорастут.

Я вижу перед собой зеркального двойника и вглядываюсь в красный узор лопнувших капилляров на белках его глаз. Мне чудится там секрет, который узнаёт умирающая рыба. Горький секрет сгинувших племен и народов. Секрет Кроноса, которому подвластна река Лета. Но Господь, пришедший на смену богам Эллады, навсегда запечатал рыбам рты молчанием, чтобы люди не узнали этого секрета. Однако Всевышний великодушно оставил нам возможность искать ответы в зеркалах и на циферблатах. Об этом знал Льюис Кэрролл, спускаясь по блестящим ступеням к самому центру лихорадочного ада своей возлюбленной, об этом знал Данте, накручивая девять кругов прядью волос мертвой Беатриче вокруг указательного пальца правой руки. Об этом знают и семена одуванчиков, несомые ветром моих мыслей, словно воды в русле Стикса. И дымит папирса в губах слепого перевозчика, седовласого Харона.

Месяц, где пролегает граница между зимой и весной, на исходе небытия – февраль. Тот самый месяц, когда приходит пора заглянуть в свои чуланы и на чердаки, чтобы впустить в легкие пыль прошлого. И как следует прочихаться, позволяя минувшим дням смешаться с еще не рожденными днями. Ибо только так, взболтав в груди своей осадок прошлого и взвесь будущего, можно рассчитывать на настоящее. Февраль – тонкая пелена небытия, прозреть которую столь же легко, как провести пальцем по запотевшему стеклу.

Я рисую указательным пальцем правой руки на запотевшем стекле окна дом. Я стар, но память моя хранит все запахи и прикосновения минувших дней. Подобно женщине, вертится память перед зеркалом, прихорашиваясь перед будущими читателями. Я рисую Дом.

Молчание, подобное немоте рыбы, знающей тайну, ложится тенью между вчера и сегодня, и дом становится могилой слов. И чем больше слов мы вылавливаем из вечной реки и бросаем умирать на осклизлые доски, тем сильнее в доме запах плесени и разложения. И горькой на вкус становится еда, и горько дышать воздухом этого места. Но нет горечи в словах моих, потому что они-то точно живые. Они прорастут. И потому я рисую дом.

Уставшие глаза устремлены в ночь. В ту самую, последнюю ночь февраля. Я зажимаю в губах папиросу, отталкиваюсь длинным веслом от берега, и пускаюсь в путь, из мира мертвых – в мир живущих. Я теперь тоже знаю тайну Кронаса.

***

В чердачном сумраке Тренога вытянула одну из своих длинных ног, пытается устоять на двух оставшихся. По очереди хрустнули все суставы и сочленения, Тренога покачнулась, и сказала:

- Бедные, бедные люди! Как они только обходятся без третьей ноги?

В углу, у окна, громко чихнул алебастровый бюст Ленина, и от неожиданности Тренога упала. Алебастровая голова вождя была простужена. Чихнув еще раз, бюст, по своему обыкновению, начал бубнить:

- Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без....

- Третьей ноги? – Встряла Тренога.

- ...Фантазии! Фантазия есть качество величайшей ценности!* – закончил свою мысль бюст Ленина и обиженно замолчал.

Тренога вздохнула, и поднялась на ноги. В былые времена она принадлежала художнику, на нее живописец водружал этюдник. Из-за связи с высоким искусством все чердачные жители считали Треногу немногом эксцентричной натурой.

На гвозде под потолком был подвешен старый Чайник-турист с закопченным донышком. Со своей высоты он ехидно обратился к бюсту Ленина:

- Это ты, дядя, про фантазию хорошо сказал. Тот, с кого тебя вылепили, знатный фантазер был!

Алебастровая голова заговорила снова, отвечая закопченному Чайнику:

- Товарищ! Не зарывайтесь, товарищ! Может, я и не могу сейчас до вас дотянуться, но мировая революция дотянется... Дотянется... до всех врагов социализма!

Чайник, весьма удивленный тем, что его объявили врагом социализма, не снизошел до ответа и вместо этого начал насвистывать «All You Need Is Love».**

Тренога вновь поднялась на ноги, и, услышав знакомый мотив, попыталась станцевать, повторяя:

---

* Прямая цитата В. И. Ленина

** Популярная песня группы The Beatles.

- Ах, как я люблю музыку! Как люблю!

Но ее не слишком-то умелый танец продлился недолго – одна из ног застряла в щели между досками, и Тренога снова упала. Лежа на полу, в гряде пыльного тряпья, Тренога печально произнесла:

- Вероятно, он забросил меня на чердак потому, что я слишком люблю танцевать, - и добавила уже невпопад. - Постоянный сквозняк...

Чайник перестал свистеть, и спросил:

- Кто тебя бросил?

- Художник, - ответила Тренога, - Трам-пам-пам-пам, крысы жмутся по углам...

Бюст Ленина сказал:

- Биссектриса – это крыса...

Тренога и Чайник воззрились на него с недоумением. Чайник:

- Да, дядя, видать тебе и вправду сквозняком лысину совсем продуло.

Бюст Ленина обиженно засопел:

- Да ну вас, я думал – вы в рифмы играете...

Раньше бюст Ленина стоял в красном уголке Благовещенского вокзала, и маневровый диспетчер всякий раз щелкал его по носу, когда возвращался домой с дежурства. Из-за этой привычки маневрового диспетчера алебастровый нос потемнел и облупился, и теперь бюст Ленина серьезно комплексовал. Прерывая неловкую паузу, Ленин снова заговорил, и на этот раз голос его был размеренным и лишенным всяких эмоций:

- Скорый поезд АЕ № 365 «Благовещенск - Москва» по техническим причинам под посадку задерживается, приносим свои извинения за доставленные неудобства... На третью платформу, пятый путь прибывает товарный состав... - Ленин ненадолго замолк, и после добавил – Уважаемые пассажиры, не оставляйте свои вещи без присмотра...

Дело в том, что алебастровая голова вождя так долго стояла на вокзале, что наизусть запомнила расписание поездов, и порой впадая в беспамятство, начинала вспоминать тех железнодорожных гончих, что давно сбились со следа. Сверху хихикнул Чайник:

- Вот оставили нас однажды без присмотра, и спрашивается, что хорошего из этого вышло? – и, взглянув на остановившиеся напольные часы, со вздохом продолжил своєю мысль. - А «Благовещенск - Москва» все время задерживается. Так и не могут домой вернуться эти горемычные пассажиры.

Белесые тени несостоявшихся пассажиров, казалось, сами собой рождались в холодном воздухе чердака, бурчали под нос ругательства, громогласно вздыхали и рассеивались, оседая пылью на остановившихся колесах времени. Или это просто гуляка-ветер сыпанул щедрю пригоршню снега в чердачное окно? В этом сиротливом мире не происходило ничего. Ну, или почти ничего.

Порой для того, чтобы сдвинуть вековые, вросшие в землю глыбы, достаточно одного маленького камушка. В повисшей, точно апостол на осине, тишине зазвенела зимняя муха, неведомым образом очнувшаяся ото сна.

Ее появление прокомментировал вождь:

- Надо же, муха – сказал Ленин, изрядно удивленный и потому выражавшийся не столь красноречиво.

Тренога, с трудом восстановив утраченное равновесие, подпрыгнула сразу на трех ногах, радуясь этой странной, невозможной мухе, как школьник радуется летним каникулам.

- Муууха, одна голова – два уха, муууха! – запела она фальшиво, пританцовывая на одном месте.

- А у кого-то нет ни голоса, ни слуха – язвительно заметил чайник, и усмехнулся, – вот, помню я, стояли мы лагерем в полях Казахстана, поехали на археологические раскопки. Шутка ли, скажу вам, бороться с полчищами этих гадостных мух на протяжении недели! Немало археологов полегло там... с кишечной инфекцией.

Сонная муха меж тем продолжала жужжать и сшибаться со всяким препятствием, что возникало на ее нелегком пути. Словно путник, утративший вектор дороги. Возмутительница чердачного покоя не ведала, что неотвратимая судьба с кошачьей мордой притаилась за картонной коробкой. Оголодавший кот Василий давно следил за метаниями мухи. Выбрав удобный момент, он ловко выпрыгнул и оглушил муху ударом черной лапы. Засунул в пасть и принялся меланхолично жевать.

- Вася, да ты просто акробат, - оценил прыжок Василия Чайник-турист, - тебе бы в цирке выступать!

Василий пожевал муху, сморщился, чихнул и выплюнул ее. Почесал лапой за правым ухом.

- Что нам цирк, когда и так каждый день, словно на арене, - сказал он и после добавил печально, – жрать-то как хочется!

Черный кот Василий забирался на чердак только время от времени. Например, если в подполье переводились мыши, он приходил поохотиться на голубей. Однажды он даже поймал летучую мышь, чем страшно гордился целую неделю. Сейчас у кота Василия были не лучшие времена.

- Не грусти, Вася – попыталась утешить его Тренога, - когда я жила с художником, ему порой тоже было нечего есть. Ах...

Кот снова почесался, на этот раз за левым ухом:

- Чертовы блохи. Забросили вас за ненадобностью на этот чердак, вы и сидите тут сиднем целыми днями напролет. А я животное вольное, где хочу, там и гуляю. Мррр.

Чайник со своей высоты присвистнул:

- Ты, Вася, не умничай! Вот бывал я однажды в Тибете, там мудрецы эти высокогорные тоже сидят себе в монастыре, и носа оттуда не кажут, кстати, – тут Чайник обратил внимание на Ленина, - что-то Ильич замолк. Уснул он там, что ли?

Бюст Ленина засопел негодуяще:

- И вовсе я не уснул! Я тоже на своем веку немало людей перевидал. И все они куда-то спешили, пытались время обуздать... а со стороны посмотришь – чем они от нас отличаются или от этой вот мухи?

Пережеванная муха признаков жизни не подавала, и Василий брезгливо от нее отвернулся, после чего взобрался на напольные часы, заглянул в мертвый циферблат и резюмировал:

- Весь мир – чердак, и люди в нем – хламье!

На что Чайник-турист ответил:

- Да вы, батенька, я погляжу, мизантроп!

Остальные же просто тактично промолчали. Тишина теперь раскачивалась, как девочка на качелях, готовясь спрыгнуть и помчаться играть, наполняя двор звонким смехом. Василий смутился и продолжил свою мысль, сбиваясь и пытаясь подобрать нужные слова:

- Ну, а если с другой стороны посмотреть, то ведь каждая голова – вот такой чердак. Взять хотя бы тебя, - кот обратился к бюсту Ленина, - вот ты, например, разум. Рационалист! Чайник – это воплощенный жизненный опыт. Ну а Тренога... Сплошные эмоции, что с нее взять...

Ленин усмехнулся, и спросил кота:

- Ну а ты, Василий, тогда кто такой?

Черный кот, впрочем, не растерялся. Он явно ожидал такого вопроса. Загадочно мурлыкнув, Василий сообщил:

- А я коллективное бессознательное. Мрррр...

Первой начала смеяться Тренога, а за ней подхватили остальные. И небольшая комната наполнялась этим смехом, как воздушный шар наполняется воздухом.

Алебастровый Ильич трижды чихнул, завершая тем самым приступ внезапного веселья. Только Тренога продолжала смеяться:

- Коллективный... Кот! Бессознательный... Василий!

На Треногу, впрочем, внимания уже не обращали, так что и она вскоре угомонилась. Чайник насвистывал незатейливый мотив, кажется что-то из репертуара Бориса Гребенщикова и слышно было только, как бурчит у Васьки в животе. Эта непостоянная тишина, туго натянутая холстом на подрамник несбывшегося, казалась, уже трещит и вот-вот лопнет. Облупившаяся голова Ленина вновь громко чихнула, и все присутствующие вздрогнули.

- Будь здоров! – опомнилась Тренога и впервые за все время разговора

пожелала алебастровой голове здоровья. Будь у Ильича слезы, он непременно бы пустил скупую слезу.

- Здоров! – вместо каноничного «спасибо» повторил Ленин. - Здоров... Много ли вы знаете о душевном здоровье? Я без малого полвека простоял в красном уголке железнодорожной станции. Я видел, как сходятся и разбегаются пути. Вокзал – это большой перекресток, на который приходят разные люди, чтобы сделать свой выбор. Люди, которые больны дорогой. Той самой дорогой, что ведет от колыбели к могиле. Я расскажу вам про маневрового диспетчера, служителя трехтелой Гекаты. Немалую часть жизни он отработал на Благовещенском вокзале, гоня локомотивы по вытяжкам и сортировочным горкам. Иногда впрочем он рисовал огрызком карандаша в блокноте, который всюду носил с собой. Возвращаясь с работы, он любил щелкнуть меня по носу и загадать желание. Скажу я вам, что желания этого утомленного дорогой человека были просты – вкусный ужин, теплая постель, надежная крыша над головой. Но вот однажды, морозным февральским вечером, он пришел ко мне необыкновенно хмурый и загадал нечто особенное...

- Он загадал третью ногу?! – встряла Тренога не вовремя, но на нее тут же зашипел Василий.

- Нет, не третью ногу. Он пожелал навсегда покинуть это шумное и суетное место. Долго служил он хранительнице перекрестков, пришло время завершить эту службу. Он взял в кассе билет и уехал на поезде АЕ 365 «Благовещенск - Москва»... Бог дороги и перемен, легконогий Гермий, призвал его.

Чайник-турист неспешно раскачивался под потолком, и когда алебастровый Ильич закончил свой рассказ, то он присвистнул и сказал:

- Гермий – это не тот ли самый бог, который души усопших за руку водил мимо Белого утеса? А, впрочем, не важно. Знал я человека, который готов был хоть в Аид, хоть к черту в пасть отправиться, чтобы пересчитать, сколько там зубов, лишь бы на месте не оставаться. Где мы только вместе не побывали – Салехард, Аляска, Херсон, Казахстан... Всего не вспомнить! И вот, однажды мы попали в переделку. Занесло нас в пустыню Атакама, что в Южной Америке. Адское местечко, я вам скажу – говорят, что дождь над пустыней идет раз в тысячу лет! А местные жители ловят туман в собственные карманы, потом выжимают карманы и так получают воду. Знатные шарлатаны эти аборигены, я вам скажу. За половину припасов мой хозяин выменял у одного индейца карту. Этот плут заверил хозяина, что карта поможет ему найти дорогу в затерянный город, Эльдorado. Эх, если бы мой хозяин только сумел разобрать, о чем я позвякивал в рюкзаке! Как только я не предостерегал его! Но глух был человек и ослеплен дорогой. На пятый день наши и без того скудные припасы подошли к концу, мы сбились с пути и готовы были распрощаться с жизнью. Признаться, я был уверен, что мне суждено навсегда остаться в серых песках Атакамы, и через сотни лет мой проржавевший остов найдут археологи, а рядом будет лежать иссохший скелет хозяина. Человек

покаялся, что если ему удастся выбраться живым из объятий пустыни, то он посвятит свою жизнь смиренному служению Дороге. На следующий день нас чудом заметила экспедиция ученых. Когда мой хозяин немного оклемался, мы уже добрались до Арике, крупного чилийского порта, где он и продал меня в скобяную лавку, равно как и прочее дорожное снаряжение. Я запомнил его взгляд, в котором навсегда остался обжигающий и колющий песок пустыни.

Тренога хихикнула:

- А я расскажу вам про художника. Он рисовал все подряд, днем и ночью и даже во сне его руки двигались так, как будто он рисует. Вот однажды, ясным мартовским утром, проснулся художник, поглядел на себя, лохматого да небритого, в зеркало и тут его как будто сам Зевс молнией по темечку огрел. Понял художник, что он сам себе карандаш, а весь его день, который еще толком не начался – чистый лист. Всякий человек собой, плотью и кровью своей, рисует собственную жизнь, подобно карандашу. И стачивается с годами, пока не останется только короткий грифельный огрызок. Собрал он нехитрый свой скарб, после чего отправился на вокзал, чтобы посвятить свою жизнь путешествиям. Каждая его новая дорога была подобна линии, и так линии складывались в узор, пока, наконец, художник не написал свою самую грандиозную картину.

Бессознательный кот Василий, который помимо того был еще и коллективным, широко зевнул и сказал:

- Знаете, а все ваши истории начинаются и заканчиваются на вокзале. Думаю, это – неспроста. И не есть ли любая человеческая жизнь – одна и та же история, которую каждый рассказывает на свой лад? Брррр, все же, какой здесь сквозняк! Не удивительно, что Ильич постоянно чихает.

Голова вождя и впрямь чихнула, после чего монотонным голосом сообщила:

- До отправления скорого поезда АЕ № 365 «Благовещенск - Москва» осталось пять минут! Просим занять свои места в вагонах...

Тени пассажиров, миглом возникшие в чердачном сумраке, радостно загалдели и вытянулись, подобно дыму, в открытое окно. Коту Василию даже показалось, что в старых часах что-то щелкнуло. Время просачивалось в этот мир забытых вещей, капля за каплей, как вода, готовая прорвать плотину небытия.

... Прогрохотала тяжелая крышка люка, и на чердак поднялся пожилой мужчина. Согревая заляпанные краской ладони, он оглядел памятные ему вещи. Немало времени и сил было потрачено на то, чтобы отыскать их и собрать в одном месте. Сложнее всего оказалось найти чайник. Его пришлось выкупить на аукционе за немалые деньги. Человек прошел к окну, по-приятельски щелкнул Ильича по алебастровому носу, поднял на ноги шаткую Треногу, бросил теплый взгляд в сторону закопченного чайника. Кот завидел старика и принялся отирать о его ноги:

- Опять, паршивец, через окно забрался... Голодный, небось?

Из распахнутого люка доносились приятные запахи. Василий принюхался, безошибочно определив, что там готовят рыбу. Через некоторое время послышался женский голос:

- Опять ты в свой хламовник полез? Лосось-то уже готов, соком истекает! Спускайся, а то все самое вкусное без тебя съем!

- Ничего, разбойник, я сейчас... - обратился художник к Ваське, и собрался уже уходить, но на полпути развернулся, хлопнул себя по лбу, словно вспомнил, зачем пришел.

Он вытащил из-за ворота клетчатой рубашки цепочку с ключом, вставил его в часовой завод и повернул на девять полных оборотов. Механизм лязгнул, тяжелые стрелки сдвинулись, начиная новый отсчет. Когда старик ушел (Василий очень надеялся, что он не забудет вернуться и принести еды), Ленин возмущенно проворчал:

- Вот хам и разгильдяй! Нет, вы видели – снова он за свое?!

Василий потянулся и поинтересовался у Ильича:

Ну и что же он загадал на сей раз, а?

Ленин не успел ничего сказать. Кот, что-то почуяв, вздыбил шерсть и ловко запрыгнул на часы. Принюхавшись к запахам улицы, Василий вдруг дурным голосом заорал:

- МЯЯЯЯРТ!!!!

И с соседних крыш ему вторил дикий клич мартовских котов. Так началась весна.

Пояснения и комментарии:

Геката – богиня древнегреческого пантеона, ее почитали хранительницей перекрестков и дверей.

Гермес – бог древнегреческого пантеона, помимо покровительства атлетам и ворам, также известен тем, что провожал души умерших в Аид. Белый утес, или утес забвения – скала на пути в Аид, проходя мимо которой, души умерших теряют память о земной жизни, дабы она не мучила их после смерти.

Лета – река времени, Стикс – река небытия (из древнегреческой мифологии).

Кронос – бог-отец Зевса, сын матери-Геи и Урана. Кронос был свергнут Зевсом в Тартар. Помимо прочего, Кронос (Хронос, Крон) владел ключами от времени.

Эльдорадо – священная земля, предание о которой сохранились в мифологии индейцев Южной Америки («достичь Эльдорадо» – не означает прийти в некое место, а скорее «открыть в себе самом священную землю», «найти внутренний покой» - прим. автора).

Андрей Шевцов

Кандидат юридических наук, доцент,
лауреат литературного конкурса
в номинации «Поэзия»

Письмо в Испанию

Федерико Гарсия Лорке

Живу один – ни денег, ни семьи,
ем кашу, хлеб... , рифмую, но не звонко
и ночью в тусклом свете от седин
в Испанию пишу Гарсия Лорка,
что здесь, в Сибири, полная труба,
стихи горят попутно, синим газом
и нефтяная черная судьба
подмигивает высосанным глазом...
А за окном, как бог, встает рассвет,
заходит в кухни, смотрит в чьи-то души
как в холодильник – гаснет русский свет,
но есть васоби, соусы и суши.
Я, как и ты, Гарсия, не юрист.
Пегас – в подковах? Крылья – для поэта!
В Ялutorовске лысый баянист
сыграл мне твой романс и спел «Сонеты...».
Фуанте-Гранде. Вас вели зурьбой.
Оливы, ночь, в долине было мгlisto,
капрал глумился: «Слушай, голубой,
твоя родня сдала тебя франкистам».
Деталь важна: отец владел землей,
в полях, как мед, густела сладко свекла,
но Рольданы – осиною семьей
жужжали жадно в сумрачные стекла...
Неужто гениям назначен этот срок? –
лет тридцать семь, ну, ладно, тридцать восемь,
трещали ружья, тек свекольный сок,
сжигала листья болдинская осень.

***

Звонила Муза: «Холодно в Тюмени,
А в Греции – подруги и друзья.
Я улетаю, ешь свои пельмени,
Рифмуй, как хочешь, хоть: «гвоздя-грудя».
Я промолчал, пошел ворочать строки,
Таскать слова, замешивать строфу.
Мне 30 лет, и обжигают сроки...
Взяв лунный серп, ночь выйдет на тропу.

Ромашки

Сижу, пью кофе. Шум буфета,
баулы, «Баунти», вокзал...
Вот божж (в авоське сборник Фета)
по-гречески себя назвал:
«Аудий!», сунул в рот беляшик,
скелетом скрипнул на ветру,
запричитал: «Не рви ромашек,
не рви, поэт, а то умру!».
И мы нашли полцарства в баке
(Морфей крутил проектор сна), –
вязались под сосной собаки,
сосала волчью кость сосна...
Проснулся: полночь, дача, осень,
ромашки светят на луну,
их в банке семь, но будет восемь...
не рви, поэт, а то умру.

Звездная аллея

«Выхожу один я на дорогу...» –
мне бы так до срока написать,
помня, что кладбищенские дроги
в даль Возничий будет запрягать.
«В небесах торжественно и чудно» –
Лермонтов на склоне Машука
целит ввысь, но в бок ему – прилюдно –
пустит пулю потная рука.
«Уж не жду от жизни ничего я», –
шепчет рот, задвинута кровать,
ведь поэты, гибнущие стоя,
вглубь веков врастают буквой «Б».
«Но не тем холодным сном могилы»...
дремлет мамонт в вечной глыбе льда;
светят мне таинственные силы,
бытие прогретые до дна.
Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
пела Дева в сумрачном саду,
чтоб лежала Лира на аллее,
и плескались Рыбы в том пруду...

Антракт

Собачки в городе голые, гордые,
без шерсти и без хвостов,
носятся, как монгольские орды,
в поисках святых костров...
Мост – стрелой, река – по свитку,
в небе мандаринчик алый.
Дверь, как детскую открытку,
режет нож мемориальный...
Изогнут бож, он тихо спит
безногим манекеном сломанным,
очнётся, в душу тянет спирт,
ведь слоганы все солганы...
...Маршрут 13-й. Слышали? Слышали?
Сегодня пятница, как на грех.
Сиденья – красными крышами
подкидывают женский смех.
В банке автобуса злой, как горошина,
милая девушка с пухлым лицом
улыбкой меня ни за что огорошила,
и вышла, сверкнув обручальным кольцом.
Я – за нею, усталый и брошенный,
бью гробами-ботинками в такт
каблучкам, словно конь укокошенный.
Переход. Красный свет. Антракт.
Глаз зелёной намазали. Шашь –
побежали по солнечной улице:
я – электророгатому в пасть,
она – с красной пулей целуется...

* * *

Вино прокисло, женщина ушла,
Среди берез гуляет Смерть в исподнем,
И фонари торчат из-за угла
Как желтые порталы преисподней...
Читаю Книгу. Острые слова
Сейчас проникнут в тело, но, возможно,
Воскреснет отсеченная глава...
И Саломея спляшет осторожно.
Так где же затянувшийся рассвет?
Молчит рыбак, не вытянув улова.
И только от осины – горький свет,
И только страх евангельского слова.

* * *

Безмолвные
осенние минуты...
Остыла лампа солнца,
мокрый снег
засыпал полушубки
и маршруты.
Сквозь тонкий купол
слышит человек:
гремят планеты,
двигаясь по Кругу, –
младенец, знай,
ты будешь мертвецом,
А я спешу к той женщине,
как к другу,
с торжественным,
но алчущим лицом...

* * *

Распластана душа,
дай, Бог, ей сил подняться,
да вороны кружат,
их чёрных крыл – тринадцать.
Вся эта кутерьма
летит по спелым венам.
Я бы сошёл с ума
и тенью полз по стенам.
Но где-то на бегу,
пред самую одышкой,
я выдохну: «Угу»
и голову – под мышку.
Пусть снегом заметёт
брусчатку сизый вечер.
Моя душа цветёт
там, где её не встречу.
И жёлтая трава
застынет в белой скорби...
Ты, милая, права,
во рту гоняя «Orbit».
Ты думаешь: поэт
бессилен, безысходен.
Моя слеза в ответ:
мы с музыкой в разводе...

* * *

Мне рифма рвёт плечо...
 Глаголы, словно дети,
 Бьют огненным мячом
 В двадцатое столетье.
 Вот полетел в зарю
 С небес осколок синий.
 О, Господи, я зрю
 Иудину осину.
 Над чёрною толпой
 Тучнеют чьи-то лица –
 Напялил образ твой
 Низверженный денница.
 Но рифма рвёт плечо...
 И ангелы у храма
 Целуют горячо
 Надорванную рану...

Мадагаскар – Вологда

Поэтического голода кремом не утолить
 Г.Адамович

На черный хлеб я мажу торт, как масло.
 Кондитер в «Quality» – матерый модернист
 Смешал ингредиенты первоклассно.
 «Мадагаскар» – состав (коробка, белый лист):
 Мука пшеничная, фундук, фисташки,
 Бакарди, Бейлис, шоколад, физалис, гель...
 Сам Бродский в облегающей тельняшке
 Бредет Манхэттенем, а вслед ему – шинель.
 Конструктивист, слагающий пытливо:
 Джем абрикосовый, ликер и пралине...
 ...Уехать, что ли, в Вологду, где слива
 Висит, как солнце, в мудрой тишине.
 Не выйдет, говорите? Лодка сгнила?
 Причал рассыпался? Кувшинки унесло?
 Там Батюшкова свежая могила,
 Рубцова русское святое ремесло.
 Пройду врата Прилуцкие как странник...
 «Ты хочешь меду, сын? – так жала не страшись...» –
 Читаю я, Мефодий ставит чайник
 И Муза бабочкой влетает в мою жизнь.

Людмила Кайгородова

Заведующая отделом обслуживания
научной библиотеки Тюменской академии
культуры, искусств и социальных технологий

Мысли читателя

Кто сейчас читает тюменскую литературу? Что именно читает массовый читатель из сотен книг, изданных тюменскими авторами? Чьи имена, названия каких книг остались в памяти тех, кто читал их 30-40 лет назад? Кто помнит журнал «Урал», который зачитывался до состояния «тряпочки», потому что в нем был напечатан роман Константина Лагунова «Бронзовый дог», в каждом литературном герое которого читатели старались угадать прототип?!

Память и пристрастия читателя крайне прихотливы, эмоциональны и подчиняются своему закону читательского интереса или неприятия той или иной темы, манеры писательского рассказа, а иногда и личные впечатления от общения с автором книги оказываются решающими для читательской оценки. На востребованность книги массовым читателем огромное влияние оказывает эпоха, которая воплощается в определенной тематике, в жанрах и судьбах героев литературных произведений. Уходит эпоха, становятся неактуальными ее герои и конфликты, описанные в романах литературным языком той эпохи, они перемещаются в область истории, становятся частью политического мифа, на котором воспитывалось поколение читателей. Например, в «Легенде» Ивана Истомина, напечатанной в 1953 году в Тюменском издательстве, Ямал посещают два великих вождя – Ленин и Сталин. В этой же «Легенде», опубликованной в 1961 году в издательстве «Советская Россия», Сталина уже нет.

Мои записки, в чем-то субъективные, – это размышления читателя, которому было интересно в 70-80-е годы прошлого столетия (впрочем, как и сейчас) читать практически все произведения тюменских авторов, анализировать их и высказывать суждения библиотекаря и профессионального пропагандиста этих произведений, так как двадцать шесть лет я занималась организацией и проведением массовой, а после – рекламной работы Областной научной библиотеки. Одним из ведущих направлений было краеведческое: проведение литературных вечеров, встреч, читательских конференций, обсуждение произведений

тюменских писателей. Это позволило узнать некоторых из них поближе, избавиться от «восторженной оторопи» читателя перед величием, мудростью и умом писателя.

Реальный тюменский, нефтяной Север я увидела в командировках, когда работала в Облметодкабинете культпросветработы Областного управления культуры. В течение трех лет я ездила с бригадами облизполкома готовить вопросы и справки по проблемам социально-культурного обслуживания нефтяников, строителей, трассовиков, рыбаков и др. После перехода на работу в Областную научную библиотеку (Раиса Алексеевна Бабкина, директор, сманила!), ездила уже как лектор Тюменского обкома комсомола и областного общества книголюбов. Однажды попала в командировку вместе со свердловскими КСП-шниками, в том числе Сергеем Боханцевым, известным бардом, по трассе Уренгой-Помары-Ужгород. Я везла книги и читала обзоры на темы «История Тюменской области в художественной литературе», «Творчество тюменских писателей». Помню битком забытые строителями клубы СМП (строительно-монтажных поездов) и постоянные вопросы: «Где можно купить эти книги?». Правда, были и другие вопросы: «Девушка, когда начнется концерт?».

Мне повезло: я воочию видела «тот» нефтяной Север: начало будущих городов в кучах развороченной земли, горящие факела и вечное зарево Самотлора в ночном небе Нижневартовска того времени, балки и бочки (жилища), вертолеты, несущие на подвесках то балок, то часть буровой; вездеходы, строительство трубопроводов, яркие японские машины-трубоукладчики, бульдозеры (нравилась «нездешние» и звонкие их названия «Каматцу», «Катарпиллер»), рассыпанные вдоль трассы, как карандаши, трубы. Было интересно всматриваться в лица людей – строителей, нефтяников, бичей, рыбаков (на песках), комсомольских организаторов. Помню комсомольско-молодежную бригаду Владимира Меженного, водителей «Уралов», на которых мы ездили, вертолетчиков – прототипов героев произведений К.Лагунова и З.Тоболкина, очерков Е.Ананьева-Шермана, А.Гольда, Г.Сазонова, Р.Гольдберга, Л.Заворотчевой, А.Омельчука. Ритм молодости, дороги, романтики строек нефтяного севера звучал в стихах Н.Шамсутдинова, П.Суханова, В.Нечволоды, А.Кукарского. Анатолий Кукарский, чьи стихи выходили отдельными небольшими сборниками («Звезда, под которой родился», «Тихие струны», «Позднее лето», «Колокола России», «Мне рассказал Самотлор», «Тюменское плечо» (о строительстве крупнейшего в мире трансконтинентального нефтепровода «Самотлор-Альметьевск»), сформулировал нерв тюменской литературы:

*Над буровой навечно встав в зенит,
Я чувствую, я понимаю сердцем:
Через меня проходит ось Земли.*

Журналисты и писатели стремились «причаститься», поехать в командировку на стройки нефтяного Приобья: именно там, в трудовых буднях, формируется облик героя нового времени, героя 70-х годов. Он был нужен современной советской литературе! Тюменским журналистам и писателям выпал шанс первыми рассказать о времени, его героях и буднях. Тема открытия «большой тюменской нефти» дала многим из молодых тюменских литераторов путевку в литературу, сформировала и отточила их мастерство, гражданственность, сделала узнаваемыми их произведения.

Изменилось время, оно перестало видеть себя в тех книгах. Но, прежде чем размышлять о новых именах, современных литературных произведениях и героях, давайте вспомним некоторые из них, объединенные понятием «тюменская литература».

«Тюменская литература» включает в себя произведения нескольких исторических периодов, но начать ее нужно с имени старейшего писателя, Ивана Григорьевича Истомина (1917–1988), чье творчество началось еще до войны, в 1936 году, когда в Салехарде, в окружной газете было опубликовано его первое стихотворение «Олень». Ивана Истомина называют «первым певцом Ямальского Севера, родоначальником литературы народов Тюменского Севера». Член Союза писателей СССР с 1955 года. Ненецкий и коми писатель родился в п. Мужы Шурышкарского района, в трехлетнем возрасте тяжело заболел, на всю жизнь остался инвалидом, в девять лет встал на костыли. Об этом периоде жизни рассказывает автобиографическая повесть «Встань-трава». С отличием окончил национальное педагогическое училище в 1938 году. В стенах педучилища был одним из организаторов национального литературного кружка и рукописного журнала «Ямал тату» («Искры Ямала»). В 1953 году выходит первый сборник стихов Истомина «Наш север» на ненецком языке. С тех пор было опубликовано более 20 книг: рассказы, повести, романы «Живун» и «Встань-трава», народная комедия «Цветы в снегах» (эта пьеса годами не сходила со сцены Тюменского драматического театра). В 1958–1965 годах он работал заместителем главного редактора по национальным литературам в Тюменском книжном издательстве.

Кто сейчас помнит книги, изданные в Тюмени, когда было создано Тюменское областное книжное издательство (1951–1963)?.. В 1963 году оно стало филиалом Средне-Уральского книжного издательства. Где

наша вузовская наука или краеведческая библиография, которые могли бы собрать относительно полный список книг областного книжного издательства?.. Как они выглядели?..

Ежегодно на малой родине Ивана Истомина, в селе Мужы Шурышкарского района, проводятся февральские истоминские вечера. «Много у маленькой столицы любимых детей, и один из них, кого она пуще всех жалеет, давно ждет и по-матерински истово любит, – Ванечка Истомин, и лицом, и характером на неё похожий». В селе Мужы (Шурышкарский район, Ямало-Ненецкого автономного округа) в 2010 году открыт писателю памятник. В 2012 году отмечался 95-летний юбилей И.Истомина, писателя, поэта, переводчика и художника. В помещении Тюменского областного центра документации новейшей истории была оформлена замечательная выставка документов, рисунков, книг писателя и организована камерная встреча... Так как меня попросили сделать сообщение, я перечитала роман «Живун» и сделала для себя открытие: сейчас эта книга читается даже с большим интересом, чем в советское время. Идеологическая заостренность и тематика построения коммуны как бы отошли на второй план. Наиболее интересен стал этнографический план произведения. Иван Истомин ведет удивительный, полный конкретных деталей и поэзии, рассказ о природе, о способах охоты, традиционных отношениях между детьми и взрослыми, о попытке и проблемах вхождения в новую, коллективную, жизнь. Геннадий Сазонов во вступительном слове пишет: «Год продержалась, пробедовала коммуна и распалась, взорвалась и развалилась. И разодрали ее изнутри не великие, а мелкие человеческие страсти, но тем-то и страшные, что множились они и разбухали до глухой вражды, ненависти и склочности, ибо была у мелких страстей мать родимая – собственность». Какой анализ и какой стиль Г.Сазонова! Также талантливо и интересно написаны его очерки. Вернувшись в Мужы, паромщики трижды поцеловали землю на берегу – «чтоб земля-матушка не обижалась на нас за то, что покидали ее, чтоб приняла нас обратно, как своих детей. Родная земля – встань-трава! Завсегда поднимет-поддержит, даст ума-здоровья!».

Тема возвращения к истокам, обретения духовной, глубинной связи с родной культурой громко и трагично зазвучит в произведениях Анны Неркаги и Еремея Айпина в последней четверти XX столетия.

Собственно тюменская тема, тюменская литература определились в период существования Тюменского отделения Союза писателей СССР. Тема и писательская организация «выращивали» друг друга. Двадцать первых лет, с 1963 по 1983гг. организацией руководил К.Я.Лагунов, затем

– Е.Ананьев-Шерман, а в 1993-2008 – С.Б.Шумский, автор серии очерков о Новом Уренгое «Посреди белой ночи». Сейчас Тюменское региональное отделение Союза писателей России возглавляет Н.В.Денисов. (Кстати, сейчас две тюменских писательских организации: писателей России и российских писателей. Где бы почитать о них поконкретнее? Когда основана вторая, сколько писателей входит в состав, чем славится, кроме жалоб на безденежье и малое внимание властей?).

Тюменская литература, как и всякая литература конкретного региона, является ярким и своеобразным отголоском и выражением «жизни народа и территории»*. Развиваясь как часть «большой литературы», в струе гуманистических поисков и обретений смысла жизни, тюменская литература рассматривает эти искания в контексте и на материале местной истории, которая порождает некоторую уникальность тематики и жанров произведений тюменских авторов. В силу специфики края в понятие литература Тюменской области входит литература русскоязычных писателей юга области и национальная литература народов Севера.

Рассматривая и описывая жизнь героев на перекрестке истории страны (революция, коллективизация, Великая Отечественная война, трудовые будни и великие стройки пятилеток) и судьбу конкретного человека, судьбу, которая в силу своей типичности становится судьбой поколения, писатель создает литературного героя, который воплощает сибирский характер во всем его многообразии и значительности. Тюменская литература, со своим колоритом, местными темами, героями, их картиной мира и стихией народного языка, давно переросла границы региона, являясь одним из феноменов современной российской культуры. Но в 70-80-е годы XX века этому способствовала тема освоения нефтяного края, в 90-е годы, мне кажется, более ярко звучало творчество писателей и поэтов Севера, сейчас наступило время литературного многоцветья и многоголосья! А величие таланта и место писателей в литературе определит время.

По масштабу творчества, тематике произведений, глубине поднимаемых вопросов, ведущее место принадлежит, безусловно, Константину Яковлевичу Лагунову (1924 - 2001).

Кандидат исторических наук К.Я.Лагунов первым начнет работу над «закрытой» темой, антибольшевистского крестьянского восстания в Западной Сибири в 1921 году. Пятнадцать лет он будет идти к роману

---

* На моей земле: О поэтах и прозаиках Западной Сибири последней трети XX века / С.А.Комаров, О.К.Лагунова. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003г..

«Красные петухи». На читательской конференции, посвященной этому роману, организованной Областной научной библиотекой в 1979 году, читальный зал был забит битком, опоздавшие стояли в коридоре. Расположенный в алтарной части купола Спасской церкви, читальный зал был разделен парой ступенек на два уровня. Получалась небольшая сцена, что позволяло видеть и слышать Константина Яковлевича. Невысокий, всегда в темных очках по причине плохого зрения, корректно одетый, «закрытый», он никогда не суетился, не размахивал руками, не играл голосом. К.Лагунову это было не нужно. Размышления, которыми он делился с читателями, были сами по себе весомы и значимы, последовательны и аргументированы. Я готовила читательскую конференцию и, если так можно сказать, «вела», а вернее, присутствовала рядом с Константином Яковлевичем. Жалею, что никто не стенографировал эту встречу. Кроме взволнованных слов благодарности за книгу, прозвучали упреки писателю – слова обиды и боли, которые и полвека спустя не ушли из жизни людей, их семей. Упрекали писателя в том, что не названы имена виновных в трагедии, количество безвинных жертв, в литературном сглаживании народной трагедии сибирского села... Умный, совестливый, опытный полемист и политик, К.Лагунов ссылался на специфику художественного произведения, умалчивая, что и этот роман, уже написанный, ждал выхода в свет, после согласований и доказательств его необходимости, целых десять лет! И только еще спустя тринадцать и четырнадцать лет, наступит время для документальных публикаций К.Лагунова: исторического очерка «Двадцать первый», хроники Западно-Сибирского крестьянского восстания. «Кровавая жатва», книга-реквием о многих тысячах крестьянских душ, безвинно и жестоко загубленных большевиками в спровоцированном ими же кровавом и страшном крестьянском восстании.

Важный этап в творчестве К.Я.Лагунова связан с героикой тюменской нефтяной эпопеи. Отрывок из книги К.Лагунова «В краю романтиков» дает представление не только о масштабе преобразований и о размахе строек, но и о влиянии этого образа-символа на общественное сознание, на культуру и литературу:

«Нефть. Нефть. Нефть».

Это слово пестрело на страницах районных и окружных газет, звучало с трибун пленумов и совещаний, гремело из рупоров громкоговорителей.

Это слово реяло в воздухе. Оно витало над головами играющих детей, звенело в толпе гуляющей молодежи, несло по телефонным проводам в разные города страны.

Люди жили нефтью. Бредили нефтью. Рвались к нефти.

И это неудивительно. Ведь с ней связывалось поистине волшебное будущее Западной Сибири».

Об этом романы «Ордалия», «Одержимые», «Больно берег крут» (признан лучшим романом года!).

К.Лагунов «монтирует» фразы и образы с упругостью и эмоциональным эффектом плаката или видеоклипа... Образы лепит ритмично, ярко, красочно, пытаясь выразить спрессованность дел и времени. Это напоминает картины тюменского художника О.Шруба, его триптих, посвященный освоению Самотлора. Тот и другой пишут свои образы густыми энергичными мазками красок: картины сибирской природы и персонажи, силой и волей которых движутся события. Не случайно один из любимых символических образов К.Лагунова – образ бурной реки. Стихия природы, стихия труда, новостроек и стихия характера главного героя романа «Больно берег крут» оттеняют друг друга, создают образ огромных преобразований в жизни тюменского края. Не умаляя рабочего героизма первопроходцев, К.Я.Лагунов уже тогда, в 70-80-е, заговорил о противоречиях освоения, о моральной цене побед. Гурий Бакутин безнадежно пытается доказать, что нужно использовать горящий в факелах попутный газ, иначе бурить, иначе строить дороги...

Тема цены открытия тюменской нефти и ответственности за вред, причиняемый тайге, сибирской природе, звучит и в творчестве Зота Тоболкина, в романе «Лебяжье», в пьесе «Геологи»... И не случайно прекрасный таежный остров Лебяжий, на котором пробурили первую буровую скважину, гибнет, когда происходит техногенная катастрофа и вместо одного горящего фонтана, появляются несколько десятков, уничтожая рукотворный кедровый лес Истома, и сам он гибнет, спасая от огня запертых в клетки животных маленького зоопарка. Гибнет Истома – наивная, светлая, полная любви ко всему живому, «душа леса».

Трагедия разрушения мира тайги и природы, традиционного образа жизни северных народов звучит в поэме «Покорители» Николая Шамсутдинова, которую выдающийся писатель Виктор Астафьев назвал «поэмой-криком, поэмой-воззванием к человеческому разуму...».

Столкновение традиционной культуры, живой и одухотворенной природы ханты с бездушным металлом буровой, с техногенной прагматической цивилизацией переживает и поэт Юрий Вэлла, и молодой герой повести «В тени старого кедра» Еремея Айпина, но в ней еще нет того конфликта, который принесет разрушение и боль в жизнь героев романа «Ханты, или Звезда утренней Зари».

И вновь вернемся к творчеству К.Я.Лагунова. Константин Яковлевич – единственный из тюменских литераторов – провел свой личный нравственный суд, пересмотрел пережитое в автобиографическом эссе «Пред Богом и людьми». Впервые в истории региональной культуры он написал книгу о современной тюменской литературе «Портреты без ретуши», местную текущую публицистику проанализировал в учебном пособии «Через Голгофу на Олимп». В 1996 году Лагунов поразил многих публикацией эпопеи «Отрицание отрицания», в которой история края осмыслена им на протяжении нескольких веков. В память об этом замечательном человеке Союз журналистов учредил премию имени К.Я.Лагунова «Публицист года». В разные годы ею награждались З.Тоболкин, Н.Ольков, А.Петрушин, Рафаэль Гольдберг и др.

Острые современные проблемы, социальная критика многих сторон тюменской действительности в произведениях К.Я.Лагунова («Бронзовый дог», 1982г.; «Завтрак на траве», 1987г., которые приходили к читателю с большим опозданием, преодолевая запреты сильных мира сего) нашли продолжение в творчестве Виктора Строгальщикова. Обличение бездуховности, «жестокая правда о текущем нашем бытии» *, тюменская действительность, коррупция, «прокручивание» бюджетных денег в частном банке, политические игры – все это стало темой политического романа-трилогии Виктора Строгальщикова «Слой». «Пусть и в художественной форме, но автор одним из первых смоделировал чисто тюменскую ситуацию. Причем, жизненная правда и вымысел в ней очень ловко и на грани фола переплетены, да еще и зеркально отражаются во всероссийском масштабе», – писал В.Рогачев. – Роман – вещь, раскрывающая глаза читателю «на главную суть текущей нашей не жизни, а озверелой борьбы во всех слоях российского мира за существование».

Виктор Леонидович Строгальщиков – журналист, писатель. Член Союза писателей России. После того как «Слой-2» в 2002 году победил в конкурсе «Российский сюжет», роман был опубликован в московском издательстве «Пальмира». Там же вышли и следующие книги автора. В 2007 году все написанные Строгальщиковым романы («Слой» с двумя продолжениями: «Край», «Стыд») попали в финал премии «Большая книга» как единый цикл. Действие романов Строгальщикова происходит в знакомой ему Тюмени и Тюменской области, отличается достоверностью описаний, простым языком. Главные герои – журналисты (центральный персонаж Владимир Лузгин — альтер-эго

* Рогачев В.. Жестокие игры : (послесловие к роману В.Строгальщикова «Слой») Строгальщиков, В.Л. «Слой». Роман. Тюмень: СофтДизайн, 1996. – С.268-171.

автора), банкиры, политики, нефтяники. Владимир Рогачев сравнивает его с таким писателем, как Артур Хейли. Критик в «Новом мире» пишет о романах Строгальщикова: «Если бы писателя Виктора Строгальщикова не существовало, его следовало бы придумать – сочинить, сотворить путём алхимических пиар-технологий. Потому что его трёхтомный роман представляет собой зримую реализацию носившихся в воздухе предчувствий крупного произведения *о девяностых годах*, своего рода батального полотна». Не будет большим преувеличением назвать «Слои» Строгальщикова новой энциклопедией современной русской жизни

Зот Корнилович Тоболкин – сибирский писатель-прозаик, драматург, публицист, член Союза писателей, унаследовал, впитал любовь своих предков-старообрядцев к земле, труду пахаря, к живой природе, к жителям села: «Свой первый роман «Припади к земле» начал писать еще до поступления в университет. Он о моих земляках – хлеборобах, об их жизнестойкости, верности земле. Всю жизнь пишу о земле, на которой живу. Это земля извечного мужества, испытаний и больших дел. Великая Земля! Беспокойная Земля. Щедрая и далеко еще не изведанная». Первые произведения писателя были опубликованы в 1972 году. З.К.Тоболкин – автор многих рассказов, повестей, романов: «Припади к земле», «Лебяжий», «Жил-был Кузьма», «У бога за пазухой», «Голгофа», исторических романов «Грустный шут» и «Отласы». Его пьесы «Геологи», «Верую!», «Сказание об Анне» и другие ставились на сценах драматических театров Тобольска, Тюмени, Горького, Армавира, Ульяновска, Москвы. В Московском издательстве «Искусство» был издан сборник Зота Тоболкина «Пьесы». Со спектаклем по пьесе «Песня Сольвейг» театр «Кармен» гастролировал в Японии. Пьеса удостоена премии Ленинского комсомола. Мне кажется, что произведения З.Тоболкина близки к классической литературе с ее глубиной психологического исследования личности героев, пейзажно-природным сопровождением событий и чувств, с лиричностью пейзажей, особой емкой работой со словом и фразой.

Романы, повести, рассказы, очерки... И вдруг – сказы И.Ермакова! Член Союза писателей СССР, Иван Михайлович Ермаков (1924 - 1974), в годы Великой Отечественной войны был курсантом 2-го Омского пехотного училища, воевал на Волховском и Ленинградском фронтах. Был командиром стрелкового взвода, в 1943 году ранен. Награждён орденом Красной Звезды. Его первые сказы опубликованы после войны. С 1962 года в Тюмени, Свердловске, Новосибирске, Москве вышло около 20 книг Ивана Ермакова. Среди них – «Богиня в шинели. Сибирские сказы», «Солдатские несучалки», «Стоит меж лесов деревенька», «Зорька

на яблочке», «Учите меня, кузнецы» и другие. С 1985 года Тюменская писательская организация проводила литературные дни И.М.Ермакова на родине писателя. Казанским райисполкомом учрежден премия имени И.Ермакова. Интересно, какова ее судьба в наши дни? Почему наши тюменские писатели и руководители современных тюменских писательских союзов (аж двух!) практически не рассказывают или не вспоминают об этом?

Тюменская литература, а правильнее сказать, тема открытия тюменской нефти, освоения тюменского Севера, выросла из очерка. Вспомним имена известных очеркистов: Е.Ананьев-Шерман, Г.Сазонов, Ю.Надточий, А.Гольд, А.Омельчук, Л.Заворотчева и др.

Евгений Григорьевич Ананьев-Шерман (1923-1992) был тюменской легендой: толстый, бородатый, чуть пьяный, с огромной шапкой мелко-кудрявых волос, он в любой мороз ходил без головного убора, и снег набивался в его гриву. Умница, весельчак, геолог, великолепный рассказчик и журналист! Воевал на фронтах Великой Отечественной войны: командир взвода, батареи, начальник разведки арtpолка, награжден орденами Отечественной войны I и II-й степеней, Красной Звезды, медалями. Экстерном окончил в 1947г. факультет журналистики Уральского госуниверситета. В 1949г. приехал в Тюмень, работал в газетах «Тюменская правда», «Тюменский комсомолец». Автор книг очерков «Хозяева тундры», «Под стальным парусом», «Цвет тундры голубой». Член Союза писателей России. С 1983 года, два срока, возглавлял Тюменскую писательскую организацию.

Геннадий Кузьмич Сазонов (1934-1988) – известный сибирский прозаик и публицист. Его книги полны юмора, озорного задора и глубочайшего психологизма. Член Союза писателей СССР. Лауреат премии Тюменского комсомола. Работал геологом, начальником отряда в Главтюменьгеологии. Участвовал в 16 полевых экспедициях в Приполярном и Полярном Урале. В 1963 году в газете «Тюменская правда» появился первый рассказ Г.Сазонова «Хасырей», в последующие годы: книги очерков и рассказов «Привет, старина!», «Жалость», «Мой дед – Захар Нерчинск», «Мамонты и фараоны», «Тропы к верховьям», «Открыватели». В соавторстве с А.Коньковой им был написан роман-сказание «И лун медлительных поток...». Наблюдения, дневники и рассказы А.Коньковой стали материалом, положенным в основу романа. Талант, творческая одержимость Г.Сазонова, образный, яркий, поэтический язык романа, рельефно и мощно выписанные герои, пронзительные картины сибирской природы создали роман-сказание, который является блистательной энциклопедией жизни исконных обитателей Югры – манси.

Анатолий Константинович Омельчук – известный в России журналист, литератор, краевед; лауреат литературных и журналистских премий имени П.Ершова, В.Муравленко, Д.Мамина-Сибиряка, И.Ермакова и новой литературной премии «Урал промышленный – Урал полярный». Московский Пресс-клуб ЦДРИ присудил Анатолию Омельчуку премию имени В.Маяковского за успехи в журналистской деятельности и пропаганде отечественного искусства. Директор филиала ВГТРК ГТРК «Регион-Тюмень». Обладатель званий: «Серебряный микрофон», «Золотое перо России», «Личность года» (2004) и т.д. Сам себя он называет «писатель-родиновед». Автор книг: «Салехард», «Зов Арктики», «Рыцари Севера», «На полярных ветрах», «Арктическая разведка», «К неведомым вершинам», «Север с большой буквы», «Солёная Арктика», «К.Носилов», «На краешке земли», «Манящий свет звезды Полярной», «Частное открытие Сибири», «Нежный Север», «Сибирская книга». Новым словом в современной лирической прозе считают его книги «Последний в очереди за поцелуем» и «Любовь всегда ошибка». Как отмечают критики, «сегодня его авторский почерк и стиль ни с кем не спутать – оригинальное мышление, лаконичный слог и вечно живой интерес к собеседникам, вместе с которыми постигаются тайны бытия, и оттаивает ранее безмолвная история родной Сибири...». Творчество А.Омельчука-литератора мне напоминает любимую игрушку детства – калейдоскоп. Такая картонная трубка, внутри которой установлены равнобедренным треугольником три зеркала и насыпаны яркие разноцветные стеклышки... Крутишь трубочку, и стеклышки складываются в неповторимые и чем-то похожие узоры. Образы, темы дополняют друг друга, вновь возвращаются, додумываются или просто становятся своеобразной игрой в слова, которые может себе позволить не каждый автор. В этой игре прочитывается и литературная «начитанность», и цитирования, парафразы и стилизация, и стремление использовать броские слова (любимые – трансцендентность и эсхатологичность, неповторимо), кстати, и сам Омельчук говорит о себе: «Мне нравится слово, которое нечаянно – в процессе – изобрелось. @нтология». (Как читатель продолжаю предложенную мне игру: @натолий + @нтология новых смыслов = трансцендентность и эсхатологичность!). В 2012 году издана книга «Рисунок ветра на воде», – эта книга и есть тот самый «волшебный» калейдоскоп. Ее можно читать с начала или с конца, пролистать, чтобы посмотреть 108 иллюстраций (от Леонардо да Винчи и до Саврасова, от Сальвадора Дали до М.Тебетева и И.Сашневой), иронично похмыкать, пролистнуть (уже неоднократно прозвучало в предыдущих книгах), поразиться тонкости и оригинальности поэтического образа... Воистину, рисунок ветра на воде.

Тюменских писателей всегда волновала тема истории края. Жанр исторического романа и повести получил расцвет в эпоху романтизма (XIX век) и сохранял популярность в последующие периоды. В отечественной литературе известными историческими писателями были Александр Пушкин, Михаил Загоскин, Иван Лажечников, в советской – Юрий Тынянов, Алексей Николаевич Толстой, Василий Ян, Валентин Пикуль, Дмитрий Балашов. Продолжая эту традицию, тюменские писатели обращаются к яркой, драматической истории освоения Сибири, политической ссылки, трагическим страницам новейшей истории.

Истории России XVII – XVIII вв. посвящены романы Зота Тоболкина «Зодчий», «Грустный шут» и «Отласы». «Грустный шут» – Сибирь в эпоху Петра I. В одном из интервью автор говорил, что «попытался изобразить героя, похожего на Тиля Уленшпигеля, но в русской действительности. Таким представлял себе своего шута, который, конечно же, по сути, совсем не шут. Мои романы «Зодчий», «Грустный шут», «Отласы» обращены к выдающимся страницам жизни необъятной когда-то Тобольской губернии».

Зот Тоболкин размышляет: «Что Тобольск дал Родине, то не счесть. Что Родина дала Тобольску? Славу каторжной столицы. Ссылали сюда во все времена. При Петре, при Анне Иоанновне, при Екатерине, при Александрах и Николаях. И в те времена ссыльные жили здесь вольно. Ходил по тобольским улицам прославленный предок Пушкина арап Ибрагим, и другой, им воспетый, всесильный временщик Меньшиков, декабристы. Радицев единого дня в тюрьме не сиживал. И Аввакум, царя и патриарха проклявший, жил в городе сибирском припеваючи. Ходил с золотым посохом в нарядных шубах, служил в двух самых лучших храмах. Присужденные к каторге у губернатора на балах отплясывали, создавали общества, устраивали музыкальные вечера, издавали альманахи, газеты, привлекая отзывчивых сибирских купцов, которые были попечителями, меценатами. Но о чем бы я ни писал, будь то повесть «Голгофа» или роман «У Бога за пазухой», я всегда пишу о крае родном, во веки славном!».

Анатолий Иванович Васильев – «поэт, тонкий лирик, безупречный стилист, неподражаемый новеллист, признанный исторический романист, человек с редким чувством юмора, самоиронией, вкусом и любовью к жизни» *. Напророчив когда-то себе «чужие вершины», поэт

---

* Воинский, Т. Высокая словесность и проза жизни уживаются в творчестве тюменского писателя .

Анатолий Васильев всю жизнь работал по специальности военврача, даже некоторое время преподавал в Тюменском мединституте. Первая книга стихов «Под одним небом» вышла в Омске в 1963г., а после были изданы «Твоими тропами», «Завтра выпадет снег», «Ранний мир». Перечитывая стихи А.Васильева, я чувствую его связь с философской лирикой Тютчева, Бунина... Пожалуй, в тюменской поэзии Анатолий Васильев занимает уникальное и до конца не понятое читателем место. Первое прозаическое произведение А.Васильева – повесть «С надеждою быть России полезным» – о жизни в сибирской ссылке поэта-декабриста Вильгельма Кюхельбекера и его товарищей-декабристов. Книгу отличает удивительная историческая достоверность, конкретика сибирского быта, яркие образы, сочный сибирский говорок ямщиков, проникновенный рассказ о жизни и печалях Вильгельма Карловича Кюхельбекера, лицейского друга А.Пушкина. Декабристские судьбы запечатлены в романах «Прошу тебя, Государь» (о Рылееве), «Кому быть повешенным» (о Пестеле), в исследовании, посвященном Одоевскому («он у нас в Ишиме жил какое-то время, есть улица его имени, есть памятник»), повесть «Казематы его крепостей» (о Кюхельбекере). Литературоведы считают, что А.Васильев выполняет «задачу настоящего исторического романиста – увеличивает диаметр исторического сознания читателей – с их единственным в мире чувством стыда, вины и личной ответственности за все происходящее вокруг, с их мучительным выбором дела, как к свыше данной миссии...». Следует напомнить, что Анатолий Иванович редактировал альманах «Сибирское богатство», а с 2001 года редактирует «Врата Сибири».

Маргарита Кузьминична Анисимкова живет в г.Нижневартовске. Её книги: «Мансийские сказы», повесть «Лицом к ветрам», вольная обработка в прозе мансийского поэтического эпоса «Янгал-Маа (Тундра)»; исторические романы «Порушенная невеста» (о судьбе Марии, старшей дочери опального князя Меншикова, сосланного в Березов), «Великий камень». Роман «Ваули» – о Ваули Ненянге, Пиеттомине, защитнике бедняков, национальном герое северных народов, поднявшем восстание в 30-е годы XIX столетия против царских чиновников-мздоимцев, против своих князьков, купцов, нещадно обиравших охотников, рыбаков и оленеводов. М.Анисимкова – лауреат Всероссийской премии «Югра» за вклад в развитие традиций русского исторического романа.

Тобольск Вячеслав Юрьевич Софронов, кандидат исторических наук, широко известен романом-трилогией «Кучум», «Тобольскими сказаниями».

Одним из рекламных туристских брендов-образов сибирской истории является образ Григория Распутина. От образа дьявола во плоти, доведшего Россию до гибели, до образа святого старца и новомученика – таков разброс публикаций, проблем и подходов к личности и жизни Распутина в литературе. Правда и ложь о сибирском старце, его место в истории волнует журналистов и историков. Среди них – Артур Васильевич Чернышов, тюменский издатель (изд-во «РУТРА», т.е. «Артур» (скромненько и со вкусом!), писатель, библиограф, краевед, ответственный редактор научно-исторической серии «Религия и церковь в Сибири». А. Чернышев поставил вопрос о пересмотре роли и места Григория Распутина в отечественной истории. Один из ответов – книга-размышление «И ныне и присно» Николая Максимовича Олькова, лауреата премии Тюменской областной администрации «Публицист года». В селе Покровском в 1991 году супругами Владимиром и Мариной Смирновыми был открыт первый в России частный музей Григория Ефимовича Распутина. Смирновы с 1999 года периодически издают книгу «Неизвестное о Распутине», дополняя ее отдельными вновь обнаруженными фактами.

Взрослая тема «освоения тюменской нефти» превратилась в жизнерадостные приключения веселых друзей в сказках, написанных рифмованной прозой, К.Лагунова для детей: «Городок на бугре», «Ромка-Рамазан», «Ромка, Фомка и Артос». Эти истории сочетают занимательный сюжет фантастической сказки – путешествие на север, к Самотлору, во время которого с тремя веселыми псами происходит много приключений, борьбу со злом и победу добра. Тираж этих книг давно перешагнул миллионную черту, а по мотивам повести о Ромке-Рамазане создан трехсерийный мультфильм. Жанр приключений и путешествий – самый популярный жанр детской литературы. Вот и у тюменского писателя, драматурга, журналиста Станислава Мальцева есть «Приключения двух друзей», «Мы идем в Сургут», «Мы с Митяем», «Тайна голубой пещеры». Самая популярная его книга – «Про зайку Петю». В 1992 году писатель завершил фантастическую повесть «Горький дым».

Национальная литература для детей представляет собой обработки фольклора ненецкого, хантыйского и манси, либо рассказы о современной жизни тундры, о школе, детстве. Например, замечательные «Ненецкие сказки» И.Истомина. В предисловии автор, называя себя дедом Иваном, говорит, что «без сказок никак нельзя! Скучно жить без сказок. Вот и придумали их дедушки и бабушки, отцы и матери (замечание автора: обратите внимание, – мужчина всегда на первом месте, он главный в традиционном быте народов Севера) для детей,

чтобы дети знали родной край, в котором живут, птиц, зверей и рыб – всё, чем богата земля, чтобы учились быть смелыми и честными, добрыми и умными». Этому учат и «Сказки бабушки Аннэ: сказки, легенды» мансийской сказительницы, писательницы, фольклористки Анны Митрофановны Коньковой. И «Сказки дедушки Ай-по» – первая книга Ю.Н.Афанасьева по мотивам хантыйского фольклора. Юрий Николаевич Афанасьев (1940-2004) – журналист, прозаик, детский писатель, автор книг «В морозный день», «Мы с Митяем» (под одной обложкой с С.Мальцевым), «Ритмы тундры». Был редактором альманаха «Обская радуга». По сказкам Ю.Афанасьева снят мультипликационный фильм.

Уникальное явление в детской тюменской литературе и журналистике связано с именем Людмилы Николаевны Захаровой. Доктор философских наук, профессор, автор десятков публикаций, Л.Захарова в течение ряда лет является редактором первой частной детской газеты в Тюмени «Лесовичок». Газете уже 20 лет. Отец-основатель – известный журналист Геннадий Колотовкин. В 90-е годы стало возможным открывать собственные независимые издания, возникла идея семейной детской газеты. Когда Колотовкина не стало, его дело продолжил муж Людмилы Николаевны – Юрий Зимин. Но и он, к несчастью, ушел из жизни, и, чтобы хорошее начинание не умерло, изданием «Лесовичка» занялись их вдовы, – Людмила Николаевна Захарова и Галина Ивановна Минина (Колотовкина).

Особое место в тюменской литературе принадлежит Владиславу Петровичу Крапивину. В.Крапивин – писатель, лауреат премии Ленинского комсомола, член Союза писателей СССР, кавалер орденов Трудового Красного Знамени, Дружбы народов – может считаться самым известным тюменским писателем. Он родился в нашем городе. Герои его книг бегают по деревянным мосткам тротуаров, по лугу и заросшему горсаду, ныне превращенному в Цветной бульвар, в котором из-за аттракционов почти не осталось места для старых деревьев. Крапивин создает мифический образ деревянной Тюмени, уютно поживающей под кронами огромных тополей. По такой улице (ул. Дзержинского) я ходила в школу №6, где сейчас размещается эколого-географический факультет Тюменского государственного университета. Самые знойные дни лета всегда совпадали с «цветением тополей»: тополиный пух, как метель, заполнял город, принося поэзию и бездну неудобств.

Передать ощущение того времени и той Тюмени, если позволите, мне захотелось с помощью моего стихотворения:

*Деревянное узорочье Тюмени,
подоконных досок занавесы,
тополиная метель
в июле знойном,
рыжей кошки мягкое томленье...
деревянные заборы,
кружевные
шторки на окошках, палисады,
в скверах белоснежные вазоны,
раскаленный полдень,
шум фонтанов.
...Белые носочки с платьем новым,
мы гуляем с мамой по Горсаду,
смотрим фильм
в кинотеатре летнем...
...Это было прошлое столетье.*

Но вернемся к творчеству Владислава Крапивина! Давно люблю и перечитываю роман в 2-х томах «Острова и капитаны», повести «Тополиная рубашка», «Журавленок и молнии», «Колыбельная для брата». За долгую творческую жизнь В.Крапивиным выпущено более 200 изданий книг на разных языках мира. В Тюмени, в Литературно-краеведческом центре, расположенном в старинном особнячке, по улице Первомайской, где когда-то был городской рентген-кабинет, открыт музей-выставка Владислава Крапивина, которая функционирует на постоянной основе. После этого городской фольклор Тюмени пополнился выражением «Рентген-кабинет имени Крапивина»...

Герои его книг ходят под парусами, летают, лезят по волшебным деревьям, попадают то в сказку, то в фантастические межзвездные миры: «Страна Синей Чайки» из цикла «Восьмая звезда», трилогия «В ночь большого прилива», роман-трилогия «Голубятня на жёлтой поляне», повести «В глубине Великого Кристалла» и много-много других, умных и добрых книг и романтических героев с крылатой и поэтической душой. С юности любила перечитывать повесть «Я иду встречать брата», и только недавно узнала, что ее автор – «тот самый Крапивин»...

В одной из радиопередач А.Омельчука прозвучало интервью с писателем Владимиром Фалеевым (В.Фалей). Бывший московский издатель и автор фантастических повестей «Женщина в зеленом дождевике» и «Третий глаз», оказывается, сейчас живет недалеко от Тюмени, ведет замкнутый образ жизни и пишет исторический роман. (Неужели про Распутина?!).

Лев Толстой говорил когда-то, что стихи надо писать тогда, когда прозой об этом уже не скажешь... В течение десятилетий работы в библиотеке, мной прочитано множество сборников стихов, в том числе и тюменских поэтов, организовано много литературных вечеров поэзии. Чье творчество мне созвучно, рождает в душе поэтическое эхо? – поэзия Владимира Нечволоды (1945-1984). В 2010 году, мы с Ольгой Петровной, вдовой поэта, делали юбилейный литературный вечер «У поэзии светлы палаты». В тот день звучали стихи из его сборников: «Поющие травы», «Стихи», «Имя», «Здравствуй, Самотлор», «Под северным солнцем», «Наследство», «На земле моей», «У поэзии светлы палаты».

Вспомним одно из самых цитируемых стихотворений В.Нечволоды:

*Два значенья имени Тюмени
Отыскал я. Всякий их поймет:
«Тюмен» – боевое исчисленье,
А «Тю – мень» – сокровище моё.*

Еще одно поэтическое имя – Александр Гришин. Его светлые, эмоциональные выступления и стихи любили читатели. А членом Союза писателей он не успел стать... Я вспоминаю редкие и случайные встречи и разговоры в последние годы жизни поэта. Его мужское одиночество, большое сердце, морщины на поблекшем лице... И трагизм «Притчи»:

*Я шёл. «Остановись, чудака», –
река из-за кустов шептала.
Я плыл. И вот её квартала
огни. Вот дом её. Я шаг
прибавил. Я во двор влетел.
«Дошёл», – шептал. «Я так хотел», –
шептал. Дошёл! Ещё немного.
В подъезд нырнул я, как под лёд.
Последний лестничный пролёт.
Я – настезь дверь! А там – дорога...*

Еще одно имя тюменского поэта с трагической судьбой – Владимир Белов (1949-1983). Еще в отрочестве на него упало дерево, и его позвоночник был перебит. И на всю молодость, на всю жизнь – инвалидная коляска, паралич ног. Я бывала несколько раз на той квартире, где никогда не запирались двери, так как поэт был нищ и безбытен. Меня привел поэт Алексей Михайлов. Сейчас очерки-исследования творчества В.Белова можно прочитать и в монографии доктора филологических наук, профессора С.А.Комарова* и в

* На моей земле: о поэтах и прозаиках Западной Сибири последней трети XX века: монография. С.А.Комаров, О.К.Лагунова. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003г.

книге литературно-критических очерков доктора филологических наук, профессора Ю.А.Мешкова *. А у меня до сих пор хранятся перепечатанные на машинке ранние стихи, которые я должна была прочесть и сказать свое мнение... Он читал свои стихи и жег спички. Он попросил подарить ему томик стихов Пушкина. У него почти не было книг. Была женщина, которая еле слышно и отчаянно просила: «Не уходите, побудьте еще немного».

Николай Денисов, поэт и прозаик, воссоздает мир родного края, характер сельского труженика, красоту сельского быта. Автор десятка книг стихов и прозы: «Проводы», «Праздник осени», «Снега Самотлора», «Вчера было детство», «Сон в полуденный зной», «Пожароопасный период», «Стезя», «Заветная страна» и др. Отмечен премией Тюменского обкома комсомола, лауреат премии имени И.Ермакова, Всероссийской премии имени Д.Н.Мамина-Сибиряка. Осенью 1963 года, молодой тогда поэт Николай Денисов, в зале заседаний обкома партии, на открытии первой тюменской недели поэзии прочитал стихи:

*День заглох, как мотор грохочущий,
В придорожный свалился лес,
И потёмок глухие полчища
Повалили гуртом с небес...*

Благословил его на этот литературный подвиг поэт Владимир Нечволода и Константин Лагунов. В развитии тюменской литературы в конце XX – начале XXI века начинается новый этап. Идет «поиск новой субъективности», усиление авторской рефлексии, выстраивание новых отношений между автором и читателем, появление новых тем, новых героев. Этакая неструктурированная россыпь литературных приемов, новых литературных форм, образов, которые оказываются внове для тюменской литературы. Нет литературы одной темы, есть множественность поэтических миров, которые выбирает для себя читатель. И чем талантливей читатель, тем изощреннее поэтические приемы и миры.

Литературовед, профессор Тюменского госуниверситета С.А.Комаров пишет: «Лишь два стихотворца в истории поэзии Западной Сибири сумели столь успешно и сознательно использовать в своем ремесле дар красноречия. Это – Николай Шамсутдинов и Юван Шесталов». А Владимир Рогачев: «...пиршество для гурманов – поэзия Николая Шамсутдинова, в которой вечная тема любви перекликается с душевными опытами европейской культуры. Здесь... уважительный

* Мешков, Ю.А. О поэтах хороших и разных: Очерки. Портреты. Заметки. Екатеринбург: Сократ, 2000г.

диалог с Данте, Овидием – классиком римской античности, оживают древнегреческие ионические, иолийские лады, и переданы те возвышенные страдания души, за которыми видна даль культурных штудий поэта...». Каждым своим стихотворением поэт утверждает, что подлинное искусство – элитарно». Н.Шамсутдинов – виртуозный стилист. Для меня стихи Н.Шамсутдинова – это великолепие барокко, с его пышностью, драматизацией и экспрессией, избыточной роскошью красок, слов и образов. Еще ребенком, в Березово в 1953 году Н.Шамсутдинов стал очевидцем знаменитого газового фонтана, с которого началась великая нефтяная эпопея Тюменщины. Далее – три года жизни в небольшом селеньице Нумто на берегу одноименного, священного для ханты и манси озера... Не это ли обстоятельство дало мощный творческий заряд его вдохновенным произведениям о тюменском Севере? Н.Шамсутдинов издал двадцать книг, основные из которых: «Выучиться ждать», «Прощание с юностью», «Лунная важенка», «Скуластые музы Ямала», «Женщина читает сердцем», «Избранное», «Любовь без утоления», «Пенорожденная», «Заветная беззаветность». За свою творческую деятельность поэт удостоен ряда престижных наград, среди которых – Общенациональная литературная премия имени А.М.Горького и Всероссийская литературная премия Д.Н.Мамина-Сибиряка – за новаторский поиск и вклад в развитие отечественной поэзии второй половины XX – начала XXI веков.

Благодаря издательству Юрия Лукича Мандрики, выпустившему в свет серию книг под названием «Тюмень полосатая», (в единообразном художественном оформлении), я прочитала стихи Елизаветы Ганопольской «Моток стихотворных кружев: избранная лирика; пьесы». Елизавета Ганопольская открывает поэтическую дверь в мир вроде бы знакомый, но удивительно объемный, гулкий, хрупкий и пустынный, оттого – тревожный. В тишине слышен голос поэта, проявляются его записи:

*Стихи никому не нужны,
Никто никому не нужен.
Но вновь наступленьем весны
Ты смят и обезоружен.*

Весна и стихи однажды и неизбежно приходят, и тогда «ее не звали – сама пришла. И так некстати! У всех дела. Любовь ей имя или весна...». Любовь, весна и жизнь, которая щедра на стихи, встречи и одиночества, но только поэт может это рассказать так, что хочется разделить с ним его одиночество и стихи. А стихи Андрея Маркиянова кажутся лиричнее, тоньше, талантливее, чем его проза (для меня скучная и назидательная).

Всегда интересно почитать поэтические сборники Сергея Комарова, литературоведа, профессора Тюменского госуниверситета. В его стихах есть глубина и тонкость, культура поэтического текста, изысканная ирония и исповедальность. Кстати, он замечательно читает свои стихи.

Удивителен и огромен поэтический мир Константина Михайлова. «Стихи. Первая книга поэта» издана в издательстве «СофтДизайн» в 1997 году. Стихи К.Михайлова – это скитание поэта как вечного Одиссея, по эпохам и мифам, по всемирной истории и по временам года. Всегда неожиданно и завораживающе. Как птица Гамаюн...

*Есть беспристрастное пространство
Под пёстрой пеной земных видений.
В нем дух покоя и постоянства –
Безмерно мудрый, почти что гений.
Не тронь. Сейчас он не очнется.
ОН ЗНАЕТ ТОЧНО, КОГДА НАЧНЕТСЯ.*

На стихи Константина Михайлова писали музыку, их читали со сцены, ставили музыкально-поэтические спектакли. Известный тюменский художник Александр Кухтерин использовал их как фон для своих панно. А найти эти стихи и прозу можно только в Интернете, да еще в домашних библиотеках у счастливых обладателей единственного поэтического сборника, чей тираж, как рассказывал сам поэт, был практически невостребован, и поэтому раздавался, выбрасывался... Как жаль! И да здравствует Интернет, где рукописи не горят.

Тюменский культурный и поэтический текст (и проект «Читать – модно!», которым я занимаюсь с 2009 года в научной библиотеке академии культуры, – за это время прошло 65 презентаций книг тюменских авторов, гениев и графоманов, хватких дельцов, тонких лириков, раздражителей и версификаторов, талантливых писателей и поэтов) невозможно представить без книг Владимира Богомякова, доктора философских наук, профессора, интеллектуального тусовщика, поэта и автора поэтических книг: «Книга грусти русско-азиатских песен Владимира Богомякова», «Книга песен», «Песни и танцы онтологического пигмея», «Новые западно-сибирские песни». Он говорит, что пишет стихи, «не задумываясь о глубинном смысле», а почвой его творчества является «безумная душа», средоточие уникальности и трагизма Бытия. Кстати, в рамках проекта «Читать – модно!» прошла презентация романа В.Богомякова «Котик Ползаев», о котором можно сказать словами самого писателя:

*«Неотвратимо – от бесформья к форме.
Неотвратимо – к постадамовой культуре,
Где перекладами время и пространство».*

А в центре – классический треугольник: тюменская книга, автор и читатель. Произведения тюменских авторов несут на своих страницах осколки исторической памяти и зарисовки тюменского быта разных эпох. Например, книга-перевертыш «Тюменские ночи» содержит произведения двух авторов: В.Мааса (Ранние опыты: стихи) и Л.Боярского (Перечень людей, событий, явлений моей жизни с 1908 по 2008г.). «Тюменские ночи» – это забавный, ироничный коллаж из словечек, имен, событий, слухов, былей и легенд. Словом, всего того, по поводу чего «...иногда улыбается город Тюмень, как Чеширский кот» (В.Маас). В книге «О Тюмени и ее тюменщиках» (этой «Большой Тюменской энциклопедии» андеграунда, по определению профессора Н.П.Дворцовой), Мирослав Немиров называет Владимира Богомякова, Алексея Михайлова и др. «тюменщиками «чрезвычайной выдающести!»

Сюда же можно отнести «Кривые параллели», единственную пока книгу стихов рок-музыканта, художника, поэта-постмодерниста и оригинального философа, «хулигана» и потрясающего собеседника, который просто не дает никому вставить слово, – Валерия Кочнева. Кстати, его иллюстрации к фантастическим произведениям братьев А. и Б. Стругацких – удивительно точное и талантливое прочтение текста средствами графики.

Олег Архипов работает в новом для тюменской литературы жанре – в жанре мистической повести: «Нижнее время», «Сибирская готика», «Не ходи-туда» – это остросюжетные повести о встречах с неуспокоенными душами, с призраками, с миром мертвых. «Смерть под грифом «Секретно»: размышления о трагедии группы Игоря Дятлова» – это документальное исследование истории трагической гибели туристской группы Игоря Дятлова на Северном Урале в феврале 1959 года. Книга написана в форме журналистского расследования. Кстати, мне лично больше всего понравилась книга «Нижнее время», за неожиданность сюжетов и парадоксальность разрешения ситуаций, описываемых в рассказах этого сборника мистических историй про братву 90-х годов...

Жизнь драматична. В ней есть место для любви и для одиночества, для рефлексий и поступков, которые часто изменяют судьбу автора книги и судьбу читателя, с которым автор поделился своими, записанными и собранными в книгу, мыслями о вечных вопросах жизни. Автобиографичность, мудрость и исповедальность объединяет

две очень разные по сюжету книги – Татьяны Топорковой и Серафимы Буровой. Глубокое, необыкновенно правдивое, проникновенное исследование психологии девочки читатель найдет в произведении известного тележурналиста Татьяны Топорковой «Снежный слон и другие истории». Книга прочитывается как повесть о взрослеющей душе ребенка. Эта книга долго живет в душе своей собственной жизнью, вызывая эхо размышлений и эмоций.

«Выходной для всех: провинциальная проза» – книга филолога, кандидата филологических наук, преподавателя Тюменского госуниверситета – Серафимы Буровой. О чем эта книга? Формально – это истории жизни разных собак, которые вошли в судьбу автора книги. По сути – это тонкая, философская проза, рассказ о жизни, боли, надежде, обретении и потерях. «Если бы десять лет тому назад Ю.Л.Мандрика не напечатал бы в своем краеведческом альманахе «Лукич» мою «Осень» (лирическую поминальную по Гоше), – сказала на одной из встреч Серафима Николаевна Бузова, – сегодня бы не только не было написано о моих собаках ничего, но и собак у меня сейчас не было бы».

Понятие Тюменская литература включает в себя произведения национальных писателей Севера. Они объединили опыт особого синкретичного мировосприятия и мироощущения, афористичность и богатство русского литературного языка с вечными сюжетами борьбы добра и зла в жизни и в душе человека. Они открыли для читателя мудрость и значение традиционных ценностей жизни, таких, как труд, долг, семья, заветы предков, Родина.

...Спустя пару десятков лет, в более зрелые годы, опять в командировках, (проводила курсы повышения квалификации для библиотекарей северных национальных поселков с.Аксарка Приуральского, п.Мужи Шурышкарского районов), я лично познакомилась с «героями» книг Юрия Вэллы, Маргариты Анисимковой, Анны Неркаги (с ней мы когда-то работали в Облметодкабинете культпросветработы, и именно она, своей случайной фразой о том, что цветы после грозы открыли свои маленькие рты и дышат, дала почувствовать мне специфику национального мироощущения, его поэтическую синкретичность), Еремея Айпина (вспоминаются случайные встречи в аэропортах, в ожидании своих рейсов, его негромкие размышления о новых книгах, о жизни...). Литература народов Тюменского Севера, по глубине, яркости и самобытности часто превосходит многое из написанного тюменскими писателями, за исключением, пожалуй, книг «мэтров» К.Лагунова, З.Тоболкина, В.Крапивина, А.Васильева. Хотя и сравнивать их нельзя. «Интенсивное освоение нефтегазоносных месторождений

породило колоссальные по своим масштабам экологические проблемы. В результате многочисленных аварий трубопроводов, утечек нефти и вредоносных выбросов в атмосферу была нарушена или уничтожена жизнь флоры и фауны на обширных по своей территории районах. Десятки рек и озер стали «мертвыми» благодаря необдуманной деятельности нефтегазодобывающих ведомств. Тысячи километров восстанавливаемых долгие годы почвенных покровов тундры были нарушены гусеницами вездеходов. Экологическая проблема оказалась тесным образом связанной с проблемой коренных народов Севера. Разрушение их столетиями существовавшего традиционного жизненного уклада, основанного на гармоничных формах взаимодействия с окружающей природной средой, насильственное изъятие детей из традиционной среды обитания для обучения в школах-интернатах, столкновение с обладающими недостаточным уровнем культуры приезжими рабочими и строителями, способствовали быстрой деградации коренного населения, развитию среди его представителей алкоголизма»*.

В конце 1980-х годов большинство этих проблем стали предметом напряженных общественных дискуссий. В среде национальной интеллигенции коренных народов Севера начали появляться представители, активно занимающиеся общественной деятельностью, направленной на спасение их быстро разрушающихся традиционных форм культуры и природопользования. К ним можно отнести писателей Еремея Айпина, Ювана Шесталова (который много лет жил в Ленинграде), Юрия Вэллу, Анну Неркаги.

Юрий Вэлла (Юрий Кылевич Айваседа) – поэт, публицист, общественный деятель Ямала, основатель и директор этнографического музея под открытым небом в Варьегане, глубокий знаток и хранитель ненецкой и хантыйской культуры. Редактор и издатель газеты «Наша жизнь». Тонкий лирик и философ, чьи произведения несут характер притчи, дыхание сказки и национального мифа, шаман, творящий новые смыслы и тексты.

*Если ты друг,
Постарайся понять меня.
Если ты враг,
Постарайся понять меня.
Если ты просто так –
Увы,
Ничем не смогу
Быть тебе полезен.*

---

* Федоров Р.Тюменский Север. История освоения.

Произведения Ю.Вэллы напечатаны в журналах «Урал», «Север», «Нева», «Полярная звезда», в коллективных сборниках: «Действуйте по обстоятельствам», «Времена, в которые верю», книгах: «Вести из стойбища» и «Белые крики». Его творчество представляет, по словам писателя, «ненецко-хантыйско-русский язык в ненецко-хантыйско-русской форме».

Еремей Данилович Айпин – автор более 20 художественных и публицистических произведений, переведенных на английский, французский, немецкий, венгерский, финский и другие языки. Его роман, имеющий двойное название – «Ханты, или Звезда Утренней Зари», можно расценивать как самое значительное достижение хантыйской литературы, созданное на стыке традиционных и новейших форм художественного освоения действительности. Его первый заголовок («Ханты») – это своеобразный эпос о судьбах народа, второе же название – «Звезда Утренней Зари» – говорит о мифологичности романа, о национальной символике, хранящей код и историческую память хантыйского этноса. Роман Еремея Айпина номинировался на Нобелевскую премию.

Ольга Константиновна Лагунова, соавтор монографии «На моей земле»*, анализируя творчество Е.Айпина, отмечает: «Мы часто говорим: страшно потерять себя. Айпин утверждает: гораздо страшнее потерять землю и свой народ. Герой романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари» размышляет: «Издrevле ханты считали, что земля священная и принадлежит всем живущим сразу и никому в отдельности. И нет большего зла, ежели кто из-за нее ссору затеет». Но ссору затеяли, и она породила Боль. В произведении «И уходит мой род» писатель говорит о том, что коренные жители севера Западной Сибири потеряли ориентиры в этом мире: «Человек уже не принадлежит ни земле, ни роду, ни себе. Ни в Среднем, ни в Нижнем мире... У всех одни и те же боли... К линии заката подобрался мой род Махи... Кончился наш род...». Нет рода, нет Земли. «Почему мои сородичи преждевременно ушли в мир иной? Быть может, потому, что они лишились жизненного пространства, им не осталось места на земле. Для жизни. Для дыхания. Для радости и горести... Кончилась земля моих предков». Все творчество Еремея Айпина – борьба за сохранение народа ханты, его образа жизни, его мироощущения, связи с прошлым, с настоящим и будущим.

Выдающееся место в истории тюменской литературы занимает Анна Павловна Неркаги (в переводе с ненецкого – род негнущихся). Она

* На моей земле: о поэтах и прозаиках Западной Сибири последней трети XX века: монография. С.А.Комаров, О.К.Лагунова. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003г.

родилась 15 февраля 1951 года в чуме, в горах Полярного Урала, где у подножия хребта Сайрей в ягельных долинах каслал стада ее отец-ненец. Административно эти пастбища относятся к поселку Лаборовая Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. В 1970 году окончила среднюю школу-интернат в поселке Аксарка Приуральского района, поступила в Тюменский индустриальный институт на геологоразведочный факультет, где прошла жестокую школу студенческого общежития. Ее открыл К.Лагунов, помогал ей, выхлопотал квартиру в Тюмени, а когда она решила навсегда уехать в тундру и жить тяжелой жизнью ненецкой женщины, он писал ей письма, в том числе, открытые, в печати, призывая не хоронить свой талант, напоминая об ответственности перед литературой. Её первая повесть «Анико из рода Ного» сразу стала литературным событием. Повесть можно назвать автобиографической. Героиня повести Анико – ненецкая девушка, которая учится в Тюмени. Она приезжает в тундру, где живет ее одинокий отец, повидаться, а он надеется, что навсегда. Отвыкшая в школе-интернате от жизни в грязи и холоде, в чуме, от деликатесов в виде сырой оленьей печени Анико не принимает образ жизни своих сородичей. Она уезжает, несмотря на влюбленность соседа-пастуха Алешки. Вернется ли Анико в тундру? Этот вопрос в книге так и остался открытым. Сама Анна Павловна для себя его решила, вернувшись к истокам. Кстати, в настоящее время ненцы разделились на кочевых (тундровых) и поселковых, оседлых, утрачивающих связь с национальными традициями и знаниями.

Шестнадцать лет отделяют повесть А.П.Неркаги «Анико из рода Ного» от повести «Белый ягель». Сюжет прост: молодого человека Алешку женят на нелюбимой девушке, потому что подошел его возраст, а он никак не может забыть свою любимую Илне, которая уехала в город. Он не может смириться с утратой надежды на любовь, с решением матери, которая привезла ему жену. Мы видим Мать, хранительницу чума и его Живого Огня, как образа жизни, символа семьи, слышим ее мысли и слова боли и надежды. Проходит время, и сын понимает правоту матери, правоту законов жизни и тундры. Он принимает ситуацию и однажды возвращается в чум как хозяин, мужчина, где его ждут мать и жена.

Для меня как читателя – эта повесть, проникнута мудростью и правдой жизни, ее извечными законами, повесть о дороге жизни и дорогах памяти, о детях, которые не захотели вернуться в тундру, об одинокой старости в одиноком чуме, о доброте, которая помогает жить, о надежде и всепобеждающей жизни. Сколько раз я перечитывала это произведение, и каждый раз меня поражал образный и поэтический язык

повести! Мудрость. Афористичность. Книга не кончается, как и сама жизнь. Есть у А.Неркаги еще повесть «Илир» – рассказ о восьмилетнем ненцеком мальчишке Илире, сыне оленевода-пастуха, который работает на богача Мерчу, пасет оленей и мечтает о счастливой жизни. Я помню, как поразили меня впервые увиденные олени (северный олень, по словам Ю.Шесталова, ненецкого поэта, – это «брат ненца», в то время как человек – это его друг). Они были маленькие, величиной с высокую собаку! Но вся жизнь тундры зависит от оленя. И «Молчаший» – последняя на сегодняшний день повесть писательницы. Спектакль по этой повести звучит периодически по радио. В чумах живут только странные люди – кроты-скопийцы, их можно побить, унижить. Основное же население Скопища не признает ничего, занимается разбоями, драками, пьянством, блудом, ставит капканы на людей. В один из таких капканов и попадает Молчаший, распятое тело которого подвергается истязанию жителями Скопища. Воскрешение Молчащего соотносится с библейским сюжетом. Книга-притча, которую Анна Неркаги писала своей болью и страданием (личная трагедия потери горячо любимой приемной дочери). Традиционные ценности в произведениях северных писателей и поэтов воспринимаются гарантом сохранения народности, ее образа жизни, самобытной культуры, человечности.

Одним из ведущих жанров современной российской литературы является жанр исторического расследования, сочетающего документальность, занимательные сюжетные линии и повышенный интерес к «белым пятнам истории». По популярности у современного тюменского читателя книги Александра Антоновича Петрушина не знают себе равных. Особенно, книга «Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова». По словам автора, его больше всего интересует история Тюмени после 1917 года, потому что исторические события в массовом общественном сознании сохраняют актуальность только на протяжении первых 100 лет. Деятельность А.Петрушина по раскрытию «белых пятен» в истории Сибири началась ещё в 1987 году во время службы в КГБ. Начиная с 1989 года, он оказывал помощь Р.С.Гольдбергу в составлении издания «Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область)». С собственной книгой «Мы не знаем пощады...» исследователь дебютировал в 1999 году. По роду своей деятельности А.Петрушин консультировал фильм «Дуэль на Северном Клондайке. Дело 2000 года» из цикла «Документальный детектив» на ОРТ, посвящённый делу об убийстве прокурора Ханты-Мансийского автономного округа Ю.Бедерина. Особую известность получила книга «На задворках Гражданской войны», посвящённая кладам Белого

движения и истории их поиска. По словам А.А.Петрушина, он лично видел найденную шпагу цесаревича Алексея, с поиском кладов в Берёзовском районе он связывает и высадку немецкой организацией «Цеппелин» в 1943 году Печорского десанта. По сценариям Петрушина снят ряд документальных фильмов: «Приди и возьми (о ссылке в 1922 году в Обдорск актёров МХАТа во главе с В.И.Немировичем-Данченко; «Мальчиш станется «мальчишом», и Как убивали Павлика» – о пионере Павлике Морозове; «Право на память» – о разведчице Н.И.Кузнецове; «Тура» – о судьбе Царской пристани в Тюмени, через которую семья Николая II перемещалась в тобольскую ссылку и обратно. А.А.Петрушин консультировал режиссёра Андрея Кравчука при создании фильма «Адмиралъ», а фильм «Господа офицеры: Спасти императора» основан на серии книг «На задворках Гражданской войны».

Книги тюменских авторов появляются на свет в разное время, разных издательствах и являют собой удивительное разнообразие тем и образов, объединенных общей темой – тюменским текстом.

Некоторых писателей «эпохи нефтяного штурма» я знаю лично (это не было дружбой, скорее, теплым знакомством), по работе, в силу ряда обстоятельств – А.П.Неркаги, К.Я.Лагунова, З.К.Тоболкина, поэтов А.Гришина, В.Белова, Николая Денисова. Я наблюдала за ними во время отчетно-выборных собраний, во время выступлений на городских литературных праздниках... Как изменились авторы, как «выросли» в замечательных писателей, или как «полюняли» книги и личности некоторых! Как грустно наблюдать их физическую немощь, но когда начинаешь перечитывать (да хоть бы и для этой статьи) их произведения, понимаешь, что в книгах тюменских писателей присутствует Время. Эпоха диктовала социальный заказ на трудовой героизм, самоотверженность, одержимость, волю, понимание общественной значимости труда. И тюменская литература в лучших своих произведениях этот заказ выполнила. Это была тема номер один.

Газеты, журналы, телевидение, радио наперебой информировали, создавали репортажи, озвучивали цифры добычи нефти и газа, показывали строящиеся трубопроводы, называли имена героев – все это постоянно шумело, сменялось новыми материалами, репортажами, информацией... Но душу читателя трогали и оставались в памяти герои тюменской литературы, такие как Гурий Бакутин, Василий Рыбаков (К.Лагунова), герои книг Зота Тоболкина – казачий род Отласов, Мухин, отец и сын Пронины, хранитель тайги и символ самой природы, мировой души, которая полна любовью ко всему сущему – Истома), мальчишки Владислава Крапивина, герои очерков А.Омельчука, лирические

герои тюменских поэтов. Нельзя объять необъятное, и, наверняка, после выхода в свет этого альманаха, я буду долго еще додумывать, переживать, что не вставила в текст тот или иной сюжет, не упомянула имя писателя или поэта...

Тюменскую литературу я бы сравнила со смешанным лесом: есть могучие деревья, есть роскошные цветущие кусты, тонкий молодняк, есть поляны поэтического разнотравья, есть опаль из хвои и опавших листьев (графоманы). Лес реагирует на погоду, шепчет и разговаривает, дает приют птицам, радуется художников и любителей природы. А главное, он растет и дарит радость.

Будем благодарны каждому пишущему – они ткнут литературное полотно тюменской жизни и истории: какие истории расскажут, так и будут судить о Тюменском крае наши потомки.

Думаю, выражу желание огромной армии читателей нашей области поздравить с 50-летним юбилеем областной писательской организации всех пишущих, издающих, иллюстрирующих тюменские книги, пожелать писателям и поэтам, эссеистам и литературоведам новых творческих открытий, вдохновенного творческого труда, мудрости, любви, ярких образов и новых прекрасных книг! Юбилей – это не итог. Это – новая ступенька восхождения к совершенству!

О творчестве и о себе

Писатели Тюменской области

Константин Лагунов (1924-2001гг.)

Член Союза писателей СССР с 1959г.,
ответственный секретарь тюменской областной
писательской организации (1963-1983гг.),
почетный гражданин г.Тюмени

Когда работа над романом завершена, испытываешь неизъяснимое, странное чувство опустошения. Отошли, отодвинулись, перестали тревожить и волновать герои, с которыми сроднился, сжился за годы работы над романом, и сразу как-то безлюдней, тише стало вокруг. Это состояние пройдет, когда начнешь работу над новой книгой, родятся новые герои.

***

Я понимаю, современной может быть и книга, написанная о событиях, давным-давно минувших. Суть в характерах и проблемах. Есть неувядаемые характеры, есть «вечные» проблемы. В их наличии сила и жизненность русской и мировой классики. Все это так. Но, справедливо утверждая это, мы часто забываем, что для своего времени произведения Сервантеса и Шекспира, Достоевского и Гоголя были не просто современны, но и злободневны. И я убежден, что главное назначение писателя – отобразить свое время, показать своих современников.

***

«Свое время» – понятие, разумеется, многогранное. И тут важно найти наиболее близкую и понятную тебе грань времени, глубоко и всесторонне осмыслить ее и верно отобразить.

Андрей Тарханов

Член Союза писателей СССР с 1980г.,
руководитель Угро-Ямальской
писательской организации (1987—1995гг.),
почетный гражданин г.Ханты-Мансийска

*Иду за стихами к лесному ручью,
Сначала я воду душистую пью.
Сначала с березкой веду разговор
Про этот раздумчивый синий простор.
Береза смеется,
и ласков ручей.*

*И музыка слышится в пляске лучей.
Рождается музыка, музыка дня,
О чудо! – она поднимает меня.
А может, душа воспарила моя?
Не знаю, не помню, не ведаю я.
Я слышу, я вижу, поверьте, слова
Цветастые, как луговая трава.
И я от восторга в полете притих,
Вот в это мгновенье родился мой стих.*

*****

*Не верю в стих,
Где нет дыханья
Грозы*

*И нету естества.
В таком стихе для назиданья
Стоят трескучие слова.
Живи, возвышенная Лири! –
Слова от солнца и дождя.
Ты, Красота –
спасенье мира,
Я верю, Красота, в тебя.*

***

*Иду я к заветным стихам,
Я знаю – до них недалеко,
К вершинам иду по слогам –
Ступеням,
такая дорога.
Покая не будет и там,
Галактик распахнуты двери...
И снова пойду я к стихам.
И снова в удачу поверю.*

***

*Мои стихи – мое спасенье
От равнодушия, смиренья
Перед враждой и суетой.
Мои стихи, идите в бой.
Мои стихи – мое паренье,
Мое духовное боренье.
Бываю нищ, бываю слаб,
Но не ужился в сердце раб.
Знай, человек, твое спасенье –
В дороге самовосхожденья.*

***

*Я должен остаться собою в стихах,
И даже, поверьте, вон в тех облаках.
Я каждое облако в строчку впишу
И с радостью людям потом покажу.
Они, облака, далеко уплывут.
И... через столетье появятся тут.
И кто-то, восторженно глядя на них,
Конечно же, вспомнит меня и мой стих.*

Людмила Ефремова

Член Союза писателей России,
руководитель надымского литературного объединения,
редактор альманаха «Окно на Север»

*И песня России не спета!
И рано кружит воронье,
Коль столько прекрасных поэтов
Живет в захолустье ее!
Их голос отмечен любовью –
Стихи как молитву творят!
Их души, омытые кровью,
Как вольные птицы парят.
Пусть гнутся престолы в столицах,
Где правит телец золотой.
России пристало гордиться
Святою своей простотой.
Соловушки света земного!
Вам вверена божья дуда –
Великое русское слово,
Как крестного хода звезда.*

***

*Лишить чинов:
заботы и работы!
И отыскать свой слог в черновиках.
Не греет трон стабильного почёта,
Мне дорог миг рождения в стихах.
И вот уже вселенскую усталость
Рассеяла парящая душа.
О, эта вдруг ниспосланная малость –
Пить вдохновенья звездного ковша!
Я отыщу заветную страницу
И золотом осенним напишу,
Что отпускаю на свободу птицу,
Что вслед другую – отпустить спешу.
А уж потом заботы и работа,
Я в этом свете столько всем должна!
Незаменимых нет! Но разве кто-то
Мои долги готов отдать сполна?*

***

*Рук не сложу. Держитесь, други!
Ещё у сердца силы есть.
Уныние – удел прислуги,
А в господах – добро и честь.
Ещё чудесные прозренья
Не умерли в запасниках.
Полотнам кистью вдохновенья
Дарует жизнь моя рука.
Обидам жалую свободу!
Пустым тревогам – забытьё.
Лишь детям солнечного рода –
Благословение моё.*

***

*Бессонная ночь –
Это вовсе не ночь без сна.
Бессонная ночь –
Это когда луна,
Когда белое поле,
И когда ты над ним летишь,
Когда пишешь стихи,
И как будто спишь,
Когда путает строки
Дрожащая в окнах тень,
Когда будит тебя
Приходящий внезапно день.
Ты ложишься в постель,
Расставаясь с пером
и стихами.
И стихи уже дальше живут.
Сами.*

Николай Денисов

Член Союза писателей СССР с 1975г.,
лауреат премии тюменского комсомола и
Всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка,
ответственный секретарь тюменского
регионального отделения Союза писателей России

*Вымыл с мылом мазутные руки,
Бросил трактор, в газету удрал.
И ношу теперь узкие брюки –
Те, которые я презирал.*

*И не лирика властвует мыслями,
Недосуг созерцать облака:
Пообвешал меня коромыслами
Двухпудовый надой молока.*

*Обуял еще зуд агитации,
Мое имя теперь на слуху.
С умным видом строчу информации,
Спохватись: ведь порю чепуху!*

*С тайной думой о славе, о публике,
Уж под утро заруюсь в кровать...
Хорошо еще сдобные бублики
Высылает посылками мать.*

*Хорошо, когда рифмами вспенится
Непокорный – души! – уголок:
И растет золотая поленница
Упоительных звуков и строк.*

Памяти И.Ермакова

*Вечер памяти...
Вечер, вечер –
Скромный дружеский ритуал.
Жил, как праздновал, человеке,
Книги солнечные писал.*

*Поклонялся родному полю,
Добрый вырастил урожай.
Слышу давнее: «Пишешь, Коля?
Если взялся, не оплошай!».*

*Слышу во поле завируху,
Завивает – не разобрать.
В этом поле, хватило б духу,
Будем яростнее стоять.*

*Не о том ли шумят в застолье
Сотоварищи и друзья?
Только слышится: «Пишешь, Коля?
Оплошать нам никак нельзя?».*

***

*Глаза прикрою: ты ли, Русь?
Во мгле полыни и пырея?
И снова мрачно оглянусь:
Не пугачевщина ли зреет?
Строка, быть может, не права,
Поищем лучшие глаголы.
Но не хочу плодить слова
И соловьем свистеть веселым.
Не то чтоб правда не по чину,
А просто горько сознавать,
Что я и сам тех бед причина.*

***

*Никакой особой доли
Мне наш век не отпустил.
Но горжусь, что в отчем поле
Я пахал и хлеб растил.
И в глухом ледовом царстве,
Под прицелом зыбких вьюг,
Я работал в море Карском.
Обживал Полярный круг,
Побродил по белу свету
Не из прихоти-гульбы,
По заданиям газеты,
По велению судьбы.
Но везде – и в тундре голой,
И в полях, у деревень,
Мне Тюмень была – глаголом,
Существительным – Тюмень.
Той метафорой зычной,
Где клокочет непокой,
А не просто в деле личном –
Места жительства строкой.
Словом, как и было нужно,
Вся – от отчего села
До Ямала, до Бердюжья
Домом творчества была.*

Иван Ермаков (1924-1974гг.)

Член Союза писателей СССР с 1962г.

У меня материал – слово.

Несогретое в горне души, оно – как холодное железо: шершавое, упрямое, неподатливое. Не тронь холодное – один звон.

Но, если вдруг... слово засветится, если почувствуешь, что оно горячее, обжигается – не медли! Укладывай его скорее на «наковальню» и бей, заострай, закаливай, доводи!

Если ты отковал лом, даже лом, – опробуй, по Кузурманчы, дробит ли он кирпич, не мнется ли у него «жалю», годен ли он колоть лед, долбить мерзлоту?

Вырастил розу – просмотри лепестки: не затаилась ли в них тля?

Дерешь больные зубы – не оставляй гнилого корня и... береги здоровые.

А если не получается, брось немудрящий свой инструмент и беги. Беги, как Сонюшка... Народ незлобливо скажет в твой след: «Совестится. Удара у него еще настоящего нет».

А совеститься, брат, надо. Не то поднесут тебе трудовые мозолистые руки молоток, клещи ли, под самодовольные ноздри и уже не тенорком, а доподлинным басом скажут: «Куда целишь, тетеря!».

...Учите, учите меня, кузнецы! Куда бить. Во что целить. Как горячим выхватывать слово из «горна»...

***

А на краешках земли нашей народная память по жемчужинке, по алмазинке выискивает дорогие слова, которые как цветы бы пахли, как ордена бы сверкали на богатырской груди русского солдата. И в сказку годятся эти слова, и из песни их не выкинешь, и про геройскую быль рассказать ими достойно.

Анатолий Кукарский (1934-1978гг.)

Тюменский журналист и поэт,
автор пяти поэтических сборников

*Ну, и я не святой,
Не из ангельской касты,
И одной правотой
Не сумею похвастать,
И одной добротой
Не смогу похвалиться,
И разумностью той,
Что всегда пригодится.
Вдруг споткнется строка –
Труден путь каменистый.
Не ищите в стихах
Упоительных истин!
Там, где зори тихи,
Жаждет мир обновленья,
Воспаряют стихи,
И мнутся сомненья.*

***

*Упаду росой медвяной с веток,
Солнечным лучом преобразусь.
Ночь настанет – добрым лунным светом
Путникам усталым покажусь.
В феврале – я ветерок летучий,
Что в разведку послала весна.
В зной июльский я прольюсь из тучи –
Пейте влагу, люди и леса!
Праздничного пира захотите –
На столе плоды бессонных рук.
Заходите в дом мой, заходите –
Каждый гость мне брат и лучший друг.
Вот моя награда и отрада –
Путь от сердца к сердцу проторить.
Есть ли в целом мире больше радость,
Чем другому радость подарить?!*

***

*Остаюсь с мирозданием
Один на один,
Вижу лица друзей
И цветы на поляне.
Смертный чувствую холод
В глубинах груди
И апрельскою синью
Плыву над полями.
О, как радостно мне
И как горестно мне!
Все заранее знаю,
И все – неизвестность.
Застываю, как лед,
И сгораю в огне.
Затаиху, как ветер:
Рождается песня.*

***

*Не пиши для всех,
Не взойдет посев,
И напрасен твой будет труд.
Для себя пиши, для своей души
И тогда тебя все поймут.
Я б в аду продолжал бы писать стихи.
Если б знал, что их прочтут.
Но в раю я бы бросил писать стихи.
Если б знал, что их не прочтут.*

***

О жалкие возможности стиха!
Вам таинства такого не разведать,
Как зябкий луч сентябрьского рассвета
И над землей плывущие стога.

И каждый колос бронзою облит,
В озера натекло небесной сини.
И, может, послезавтра первый иней
Цветы, траву и листья опалит.

И в небе грусть от журавлиных строк
Останется навеки недопетой.
Но мне не жаль, когда уходит лето:
Всему своя судьба, всему свой срок.

И все же... Эта ясность сентябрей!
Пускай она неторопливо длится:
В ее пронзительности светлой лица
Красивее, мудрее и добрей.

***

За лютость стуж спасибо январю.
А сентябрю – за плод, литой и тучный.
За все, за все я жизнь благодарю –
За небо голубое и за тучи.
За усталь отгорающего дня,
Что завистью к удачам не чадила.
За то, что жизнь не берегла меня
И дней моих нисколько не щадила.
Спасибо ей за тихие леса,
Что в росах встрепенулись
Зябкой дрожью...
Я знаю,
Что землю стану сам.
И оттого –
Она еще дороже.

***

А у вас не бывало?
Что-то вроде обвала –
Так, что все, как попало?!
Ну, и я не святой,
Не из ангельской касты,
И одной правотой
Не сумею похвастать.
И одной добротой
Не смогу похвалиться,
И разумностью той,
Что всегда пригодится.
Вдруг споткнется строка –
Труден путь каменистый.
Не ищите в стихах
Упоительных истин!
Там, где зори тихи.
Жаждет мир обновленья,
Воспаряют стихи,
И мятутся сомненья.

Зот Тоболкин

Член Союза писателей СССР с 1975г.,
заслуженный работник культуры РФ,
дважды лауреат литературной премии имени
И.Ермакова, лауреат премии имени К.Лагунова
регионального отделения Союза писателей России

*Тут сплошь певцы и бунтари.
Не бунтовать теперь позорно.
А вот подняться до зари
И – за машинку. Это – норма?
Не ведаю. Но не могу
Вдруг приказать себе: «Довольно!».
Бегу... Куда же я бегу?
- На волю.
Я же не невольник.
И это лучший в мире плен.
Зовет, как пахаря, зарница.
Он верит: здесь взойдет пшеница,
Над ней горит звезда полей.
А те – пускай они орут.
Я ж буду молча, вдохновенней
Вершить свой ежедневный труд,
Оберегая все мгновенья.
Старая, жадничаю я.
Корыстен, скажут. Да, корыстен.
Пишись, прядись, строка моя,
Шумите под окошком листья.
А коль зима, то падай снег,
По-детски нежный и пушистый.
Что я наметил, мнится мне,
То непременно уж свершится.
А те – пускай себе галдят.
Галдят же гуси до жарехи.
Давай же, «консул», верный брат,
Прясть, как обычно свои строки.*

***

*Потопы, войны, смерчи, ураганы.
Политики куражатся к тому ж...
Но в мире есть, наверно, что-то главное.
Что главное? Теперь я не пойму.
Все спуталось, как змей клубок шипящий.
Что – бутафория? А что же настоящее?
Как отыскать мне истинного нить?
И долго ль буду в темноте бродить?
Я не отчаялся, но чувствую – устал.
Хотя слабее вроде бы не стал.
И разум мой не износился, не-ет!
Но осознал теперь я время лет.
Я благодарен тем своим годам,
Когда создал иль, может быть, создам
Роман или заветную страничку
(Неважно – в прозе, в драме иль
в стихах)...
Да будет строчка эта неплоха!
Проснусь, прочту, порадуюсь строке,
Перу, которое с утра уже в руке,
Листу бумаги, мысли незатасканной.
И день начнется, праведный и ласковый.
Да будет полноценен этот день.
Что сотворю – все это для людей.*

Роман Ругин

Член Союза писателей СССР с 1983г.,
избирался депутатом Верховного Совета СССР,
живет в Салехарде

*Знать, недаром в минувшие годы,
Устремляя глаза свои ввысь,
В том, что скажут правдивое слово,
Светлой радугой ханты клялись.
Эта клятва – священная клятва,
И нарушить ее не моги,
А не то – небеса покарают
Или грозный Хозяин тайги.
Я избрал себе долю поэта,
К правде жизни я сердцем тянусь.
В том, что буду правдивым и честным,
Светлой радугой, люди, клянусь!*

***

*Ну, а если песня
Будет хороша –
Нужной, как дыханье,
Светлой, как душа,
Станут слушать песню
Небо и земля,
Северных сияний
Гривы шевеля.
Станут слушать песню,
Задушевный стих
Ёлки в заострённых
Пёрышках своих
И заплывший жиром
В небе над тобой
Тихий оленёнок –
Месяц голубой.*

***

*Иду на светлые поляны
В сиянии зари,
Где каждый год, от счастья пьяны,
Токуют глухари.
Чуть под ногами хрустнет ветка,
Волна плеснет, легка,
Я снова слышу голос предка
Сквозь годы и века.
И я молю, молю, чтоб эта
Священная вдвойне
Невидимая эстафета
Не кончилась на мне.
И эта мысль меня тревожит
И летом, и зимой:
Мой правнук будущий – он сможет
Услышать голос мой?*

***

*Что ж из прошлого я извлеку,
Из того, что познал на веку?
Для стиха золотую строку?
Радость светлую или тоску?
Был я смолоду дерзок и строг,
Не кидался на жирный кусок,
Был настрой моих мыслей высок,
Чист и свеж, как березовый сок.
Но притом и не опытен был,
В жизнь утенком доверчивым плыл,
Понапрасну растрачивал пыл...
Сколько времени даром убил!
Говорю, как рыбак: – Ну так что ж!
Рыбы выпущенной – не вернешь.
Пусть мой путь не был радужным сплошь,
Был он честен – и, значит, хорош!*

***

*В час, когда на розовом рассвете
Сердце перед всей землей в долгу,
Песнями полно, как рыбой – сети, –
Я не быть поэтом не могу!*

*Воздух моего родного края,
Свет и краски северного дня
Входят в сердце, сердце покоряя,
И поэтом делает меня.*

*Зори наши, реки и равнины
Тысячи сравнений дарят мне,
Ярких, как мелькающие спины
Быстрых нельм в бушующей волне.*

*Где моей поэзии истоки?
В том, что на земле всегда со мной:
В нежности, печали и восторге,
В сердце и в тебе, мой край родной!*

Юрий Надточий

Член Союза писателей СССР с 1984г.,
прозаик, драматург, публицист,
лауреат литературной премии имени Н.Островского,
живет в Тобольске

Пишущий, действительно, живет не для себя. Пишущий живет для того, чтобы писать, то есть освободиться от накопленного. Увиденного, пережитого, перечувствованного в одиночестве. Для того чтобы открыться и открыться. Самый одинокий труд оказывается самым, как говорится, публичным. Написанный текст – это даже не отрезанный ломоть, это – сброшенный груз. Но груз должны еще подхватить, если повезет, конечно. Когда находится чужак, пожелавший приобщиться, прочитать. Написанная жизнь оживает при наличии такого чужака. Он освобождает от страха непрочитанности. Самого большого страха, посещающего за письменным столом.

Кому нечем делиться, тот не поделится.

***

Писательство – не профессия. Сколько не толкуй о профессионализме. Профессия – это нечто другое. Писательство – это состояние. Кайф, короче, который необходимо поймать. Пока не ускользнул. А профессия, она всегда в руках. Ты её держишь, а не она тебя. Профессия не изменяет. Она надёжна даже в том, что может и подождать. Пока доживешь до понедельника. А здесь трудовые будни – праздники для нас. Из забытой песенки. В состоянии, небось, сочинялась. Душевного подъема. Проспал бы восторженный автор этот самый подъём, и петь бы нам о тех трудовых буднях не пришлось бы.

***

Мы много читали, потому что жизнь была бедна. Книги казались богаче, естественнее и реальнее жизни. Первым для нас, действительно, оказывалось слово. Только в Евангелии Слово было произнесенное, а у нас – прочитанное. Есть разница между словом произнесенным и прочитанным. Произнесенное слово – единственное. За ним – Бог, и оно – Бог. Но мы читали еще и потому, что уже не верили произнесенному слову. Точнее, догадывались, что произнесенному слову верить нельзя.

Теперь у нас хватает ума, чтобы понимать, что рожденные после нас не верят нашему произнесенному слову. Только они не читают. Они смотрят видео и крутят диски. XX век характерен уходом от Слова.

Анатолий Васильев

Член Союза писателей СССР с 1987г.,
главный редактор альманаха «Врата Сибири»,
лауреат литературной премии имени И.Ермакова,
заслуженный работник культуры РФ

*Дощатый мост. Дорога на Ишим.
Над маревом плывущие увалы.
И чибисы, над зарослями тала
Взлетающие с утренних лощин.*

*И свет из тех послезакатных сит
На западе в июле перед жатвой,
Когда с покоса бойкая лошадка
Под сумерками весело трусит.*

*И колкая сентябрьская стерня,
И паутин сентябрьское касанье...
Родись я под другими небесами –
Во мне недоставало бы меня*

***

*Пусть стихи пропадают пропадом.
Лучше им во мне запереться,
Коль, слоняясь твоими тропами,
Твоего не находят сердца.
Пусть стихи пропадают пропадом.
Я в другом, непривычном, разном,
Буду счастье упрямое пробовать –
И взойдет надо мной мой праздник.
Буду в море ходить, и гравия
Тонны сыплющиеся ворочать,
Если рук волдыри кровавые
Смогут трогать сильнее строчек.
Буду камни тесать – и каменщик
Если станет милей поэта,
Будут стройки моим пристанищем,
Будешь гулом ты их воспета.
А стихи пропадают пропадом!
Лучше им во мне запереться,
Коль, слоняясь твоими тропами,
Твоего не находят сердца.*

Леонид Лапцуй (1932-1982гг.)

Член Союза писателей СССР с 1964г.,
заслуженный работник культуры РСФСР

*Нет, не зря поэты-ненцы
Пишут пушкинским хореем,
Припадая к нему с детства,
Как к живому роднику.
Оттого и мне под силу
Доставать до звезд хореем,
По законам вещей правды
Правя каждую строку.*

***

*Чирикай, не робей
На крыше и на древе,
Есть смысл в твоём напеве,
Чирикай, воробей!*

*Но смысла лишено
Чириканье поэта,
Всегда бездарно это,
Постыдно и грешно.*

***

*Ухватиться бы за гриву
Сумасбродной тучи,
Полететь, чтоб даже птицы
Не смогли угнаться.*

*Мне почтить бы милый Север
Рифмою певучей
И к полету космонавта
Песней приравняться!*

***

(О родном языке)

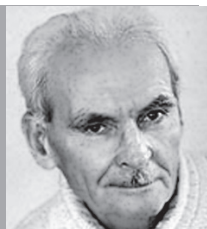
*...Он отточен на песне,
что в тундре веками звучит,
Он надежен, как нарта,
остер, как охотничий нож.*

*В нем оставила жизнь только
нужные делу слова,
Строгой тундры закон
Умещается в этих словах.*

*...Он и нежен, и точен.
И красив, и силен,
Потому что отточен
На граните времен...*

***

*Врос корнями во тьму времен
Этих песен древний мотив.
Ночью пели их старики,
До небес костры запалив,
И блуждают песни с тех пор
У болотистых темных рек:
Согревают, словно костер,
Если в тундре промерз человек.
Говорили старцы не зря:
Не тогда человек рожден,
Когда глянет на белый свет,
А когда скажет слово он.
Если ж друга он обретет,
То крылатой станет душа
И летит на дальний костер,
Повидаться с другом спеша.
Укрывает дружба, как чум.
И от вьюги, и от беды,
Но как любит тебя твой друг.
Так любить его должен ты.
А не то, забыт, одинок,
Потеряешься, словно след,
Посреди сплетенья дорог,
Посреди беспамятных лет.*

Евгений Вдовенко (1926-2002гг.)

Член Союза писателей СССР,
заслуженный работник культуры РФ,
почетный гражданин Советского района
Тюменской области

*Сочиняю? О нет! Я стихами живу.
Даже письма любовные пишу я стихами.
Как такое – при ком? Дурачком прослыву!
А ведь я, говорил мне кой-кто, –
эпохален!..*

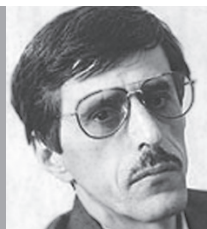
*Вот и шастаю лесом, как тать иль бирюк,
вот и ноги, и руки не знают покоя.
Так что ты не кори меня, если ты друг.
я за это воздам тебе
доброй строкою!*

***

*На озерах, лугах и полянах,
на излуках лесных берегов
полюбил я мир образов пряных,
колдовскую природу стихов.
Вот накатит же! Дети мы, дети!..
Мир Поэзии, - дай тебе Бог
стать единственным миром на свете,
без нужды
и без лишних тревог!*

***

*Радость, горе, зима, цветение,
смех и слезы, восторг и грусть –
все поэзия, обретение
смысла высшего,
высших чувств.
Дай, Господь, не родиться лживыми,
не томиться душой слепой,
драма, музыка, танец, живопись –
все поэзия,
не разбой.
Только преданно, только праведно,
Только искренней, как себе, –
все поэзия, не награблено,
честно
выстрадано, как в борьбе.
Простота, одухотворение,
Труд и жертвенность, – лишние пусть,
все поэзия, все во времени,
и, уж если ты русский,
все Русь.*

Николай Коняев

Член Союза писателей России,
ответственный секретарь Ханты-Мансийской
писательской организации (1997-2011гг.),
лауреат премии губернатора ХМАО в области литературы
и премии имени Д.Мамина-Сибиряка

Действительно, писательские организации в России с переводом их в разряд общественных объединений государством с довольствия сняты. Кое-где в регионах их пока еще поддерживают скудными бюджетными пайками. Но десять лет назад (теперь уже почти двадцать – ред.) наше правительство параграфами своих инструкций четко дало понять: государство в писателях не нуждается, писательство – дело частное, а слово «литература» негласно

вынесено за пределы понятия «национальная культура». Дикость, какой свет не видывал. Ибо все цивилизованные государства Запада и даже Востока мощно поддерживают свои национальные языки и литературы. И французы, и венгры, и норвежцы, и корейцы, и китайцы прекрасно понимают, что национальный язык способен к саморазвитию и обогащению только в процессе художественного творчества.

Напомню: созданный Горьким в 1934 году Союз советских писателей до 1958 года имел отделения во всех союзных республиках, кроме России. Русское самосознание у нас во все времена подавлялось. В эпоху перестройки торжествующий дух Троцкого диктовал «прорабам» план разрушительных действий в сфере литературы. Однако уже в начале 1990-х годов Союз писателей России «пришел в себя» и провозгласил основные принципы: державность, следование традициям классической русской литературы, утверждение нравственности, борьба за чистоту русского языка... Можно сказать, была выработана идеология, которая, судя по риторике нынешних политиков, должна стать стержнем духовного развития современной России...

***

Цепочка «писатель – издатель – книгопродавец – библиотекарь – читатель», то есть путь книги от «нулевого цикла» (писательского замысла) до книги в руках читателя, по сути, и представляющая упрощенную схему литературного процесса ныне разорвана, звенья этой неразрывной по определению цепочки, увы, давно существуют сами по себе.

Сегодня читатель не знает, что издается в Сургуте, Советском, Урае, Нижневартовске, Тюмени, (...) Ханты-Мансийске. В книжных магазинах некоммерческие книги не очень-то жалуют – они не приносят прибыли. На телевидении, а теперь уже и на радио вы не услышите ни одной регулярной писательской передачи. Газетная площадь учредителями выгодно сдается в аренду.

***

Утрата национальной литературой некогда присущих ей высоких нравственных позиций вызвана не столько переменами в духовной, материальной и социальной жизни общества, сколько поведением участников книжного рынка, навязывающих некачественное читиво и создающих информационный вакуум вокруг талантливой современной литературы.

***

Остается надеяться, что и чиновникам, в конце концов, будет позволено понять: литература в России – основная духовная составляющая любой национальной культуры, духовная среда обитания народа. Что общими усилиями мы обязаны прервать опасный эксперимент по отделению литературы от государства, вернуть русской словесности ее изначально почетное место в российской культуре...

Альфред Гольд (1939-1997гг.)

Член Союза писателей СССР с 1987г.

***

*На перекрестке мысли и строки
есть миг такой, когда рука откажет,
когда она на лист недвижно ляжет,
как будто кровь отхлынет от руки...*

*Так на границе тьмы ночной и дня
бескровный свет по краю снов струится,
но миг еще – и взломана граница,
как перемычка, волнами огня!*

*Ты верь, собрат. И в безысходный час
не омрачай сухим неверьем очи.
Все, что в судьбе подстерегает нас,
возможно, – только смена дня и ночи.*

*Кто дарит нам слова,
Что так ложатся в строки.
Как будто бы всегда лежали в них рядком?
Наивен мой вопрос? Но отчего же, доки,
Так веет от него нездешним холодком?*

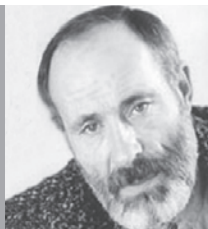
*Порой опустошен, как в засуху равнина,
Не видя красок, лиц, по городу бреду...
И не трава вокруг – разохшаяся глина,
И шоры на душе, как тина на пруду!*

*И вдруг – какой судьбой? – оно приходит, Слово!
Певуч его раскат: распахивай тетрадь!
И почва, и трава полны дыханья снова.
И вся земля в цветах – устанешь собирать!*

*Мне это не понять! Я – только исполнитель.
А некто за спиной, как школьный педагог,
диктует мне урок, пощипывая китель
да тыча иногда указкой между строк...*

***

*Я понимаю, это – до поры:
перо, бумага, лампа, сигарета...
Дотянут, доживут ли до рассвета
рожденные фантазией миры?
Все – до поры? Ни строчки – на века!
Сомнения на нервах бьют чечетку,
в глазах – туман. И все-таки строка
отбила за ночь новую высоту.
Теперь – кофейник. Ложечка-весло,
гребни по гуще пагубной, не струшу!
Да, может, в том и наше ремесло,
чтоб вызволить – скорей! – из плоти душу.
Есть свой искус в безумной трате лет
с минутами удач и днями поражений...
И горек вкус вчерашних достижений,
и сладок запах завтрашних побед!*

Петр Суханов (1947-2008гг.)

Член Союза писателей СССР с 1988г.,
лауреат премии имени Н.Чукмалдина
и Всероссийской премии имени Д.Мамина-Сибиряка,
лауреат премии губернатора ХМАО в области
литературы

*Прошу тебя, повремени немного –
Не говори, что не уберегла...*

*Поэты – словно церкви при дорогах:
у каждого*

*свои
колокола.*

*Во все века, как будто при пожаре,
Они звонят, не зная одного:*

*у каждого
найдутся*

*прихожане,
один лишь Бог*

*не имеет
ничего!*

*И все-таки
в надеждах и сомненьях,
которым нет и не было числа,
поэты – словно церкви при дорогах:*

*у каждого
свои
колокола!*

ПОЭЗИЯ!.. Безмерье тьмы и света...

*Но будь благословенна та страна,
в которой
заблуждаются поэты!*

***

Давайте о поэтах помолчим!..

Поэты, словно птицы – небосклоны...

*И если вы добра хотите им –
не смешивайте песни
и законы.*

Оставьте эти шутки за углом,

*где клоуны разболтанны и прытки,
где, несмотря на схожести с Христом,
никто не верит в пытки
за избытки!..*

*Но если Бог воистину воскрес –
о, Родина, воскресни же в победах!..*

*Поэт – что ангел, выпавший с небес...
Не говорите плохо о поэтах!*

***

Предошущение стиха —

Как очищение греха!

И ты, взрывающийся в мыслях,

Бежишь от всех,

чтобы опять

сказать о радуге, о листьях,

о женщине

с огромным смыслом:

Мать!

И ты,

склонившийся над этим

безмерным вечным божеством,

уже

обязан

быть поэтом!

Все остальное – за стихом!

***

И ясно вдруг, что счастье

нас не ищет!

А может быть,

и вовсе счастья нет.

Но есть (иначе быть не может!),

помимо крайних граней бытия,
и истины, которые тревожат,
и радости, и песни, и друзья,
и – женщина,
которой Бог поможет,
когда уже бессилён буду я!

***

Осень. Прохладно. Ветрено.
С кленов летит листва.
Сколько нам лет отмерено?
Правда ль, что жизнь права?

Владимир Нечволода (1945-1984гг.)

Член Союза писателей СССР с 1982г.

Наследую твою любовь,
Твое соцветье луговое,
Твое застенчивое поле,
Веснушчатое от хлебов.
Все подорожные ветра,
Зерно мятежное познания,
Твои былины и сказанья
С веселым торжеством добра.
Одной твоей внимаю речи,
Твои обычаи храню.
Добру всегда добром отвечу
Но зла на зло
не затаю.

***

Вот рассчитаться бы с долгами
И жадно волюшки глотнуть...
Купить на Волге домик маме,
А самому –
в тайгу махнуть!

Вечны ли вещи истины?
Где тот мудрец, что прост?
Кажется, вместе с листьями
Кружится
Ворох
звезд.
И среди них, наверное,
есть и моя звезда...
Осень. Прохладно. Ветрено.
Жить бы да жить всегда!

Намаяться в глухой сторонке,
Соскучиться
по городам,
И поутру
Над речкой звонкой
Пересчитать свои года.
И вдруг поверить без сомненья,
Что все,
как прежде,
впереди!..

Что не зарыт у вдохновенья
Безмерной щедрости
Кредит...
Я буду счастлив.
Может стать.
Ведь можно жить
и не тужить, –
С долгами только б рассчитаться
Да песню добрую
Сложить.

***

*Тропка вьется по лесу
Неспешная.
Светится береста и роса...
На болоте маленькие лешие
Срочно вспоминают чудеса.
Я и сам похож на них, наверное, –
Бородой дремучею оброс.
Чудится:
Найду ответ под вербою
На любой томительный вопрос.
Принимает лес мое молчание,
Будто в братья взять меня решил.
Вся тоска у нас
от непризнания
Нашей растревоженной души.*

***

*Как поэт мятежный душу,
Призван слушать,
слушать,
слушать
Солнца жаркого толчки.
Пусть однажды,
Как несчастье,
В миг пронзительный зачатья
Почернеют вдруг зрачки –
Это помыслов свершенья.
Славию акт самосожженья,
Только был бы путь таков:
Сквозь снега,
дожди
и ветры,
Неудачи и наветы
Только к свету,
к свету,
к свету
Все раскрылиа стихов!*

Вячеслав Софронов

Член Союза писателей России,
доктор исторических наук,
профессор Тобольского пединститута,
заведующий лабораторией истории Сибири

Естественно, эту склонность к бумагомарательству можно назвать всем и каждому известным уничижительным словом «графомания». Однако позвольте. Если быть точным в переводе и даже чуть-чуть буквоедом, то графоманами следует считать людей, имеющих страсть к письменной деятельности. А вам приходилось встречать профессионального литератора или журналиста, который бы не любил писать? Тогда почему в русском языке само слово «графомания» стало вдруг ругательно-презрительным и воспринимается чуть ли ни как диагноз неизлечимой болезни? Скорее всего, за этим скрывается нелюбовь той половины человечества, которая сама писать не любит и не умеет. С давних пор человечество поделилось не только на пешеходов и автолюбителей, но еще раньше – на людей пишущих и ... считающих этот труд никчемным.

Хорошо, что пока никто не подал идею лечить от сочинительства, примерно как от алкоголизма. Но это пока. Когда писателей на белом свете расплодится превеликое множество и станет больше, чем читателей, наверняка, какие-нибудь там иммунологи узреют очередную

неизвестную ранее науке «бациллу сочинительства». И тогда государство получит право вводить антисочинительскую сыворотку всем, кто в своей жизни написал больше одной странички обычного текста. А то и вовсе узаконят повсеместные прививки детям в возрасте до трех лет. Примерно как от гриппа и оспы. Думаю, подобное не за горами...

***

Да плевать! Называйте, как хотите, тягу к сочинительству. Пристрастие посвящать свой досуг, а иногда и всю жизнь передаче собственных мыслей и чаяний через слова, образы, рифмы для последующего прочтения твоих текстов всеми желающими, было, есть и, дай Бог, всегда будет присутствовать, пока существует людское сообщество.

***

Сойдемся на том, что этот вирус понуждает его обладателя вести жизнь несколько отличную от иных людей. Хотя внешне сочинитель ничем не отличается от остальных людей, но сознание его и образ мыслей устроены совершенно иначе. Он в отличие от многих умеет не только видеть незаметное для других глаз, но и улавливать, выносить из самого пустого и никчемного разговора нечто рациональное, преобразуя его затем в сверкающий всеми гранями кристалл, ранее в природе не существующий. И такое умение не только поражает многих, но и вызывает недоверие – как же так, обычный человек, незаметно живущий столько лет рядом с нами, и вдруг создал что-то невысказанно-прекрасное?!

Владимир Волковец

Член Союза писателей СССР с 1988г.,
лауреат премии губернатора ХМАО
в области литературы, живет в г. Советский

*Входи в меня.
Сосновый лес,
Пожаром обожженный,
С лоскутом северных небес
В озерах отраженный.*

*Входи,
Как я входил порой
В настое смолистой хвои,
Где мхами
Высланный покой
Лечил меня от хвори.*

*Живи во мне.
Шуми, тревожь
Весной и днем осенним...
Пусть наполняет
Летний дождь
Меня –
Твоим волнением.*

*И перелетным
Пеньем дня.
Жарой и стужей скован,
Сосновый лес,
Входи в меня
Невысказанным словом.*

***

Что это все вошло однажды в душу,
Щемит в груди и просится наружу,
Бросая то в отчаянье, то в дрожь.
И веришь, не стихами, миром правишь,
Который внукам навсегда оставишь,
С которым плачешь, мучишься, поешь.
В столе томятся грустные поэмы.
А если не востребует их время?
А внуки – старомодными сочтут?
Тогда чем оправдаешь перед Богом
И пьянство, и скитанья по дорогам,
Бессонницу и горестный уют?
О, время, время! Как же ты жестоко!..
Но только солнце брызнуло с востока,
Лучами иглы сосен удлинив,
Заставило – какое из мгновений? –
В предчувствии духовных озарений
Тебя уединиться, все забыв.
В сияньи, миллионами воспетом,
И не понять: на том или на этом
Прекрасном свете, дорогой чудака,
Бормочешь и бормочешь мысль простую,
Что ничего не может быть впустую,
Бессмысленно, напрасно, просто так...

***

Дойти до дна, до зыбкой стужи
Густого ила, рыбьей тьмы,
Но мутно-судорожный ужас
Выталкивал из глубины.
Спокоен омут, не взорвать ли
Отчаянным восторгом? Но,
Как намагниченные, капли
Сольются заново в одно.
Зачем в минуты тяжелой смуты
Я душу мучаю – стремлюсь
Дойти до дна, до самой сути,
А сам коснуться дна боюсь?

***

Вперекор немеющему лесу,
Ненасытной радостью дрожа,
Собирай рассыпанную песню
Пригоршня за пригоршней, душа!
Как вкусна сырая ежевика,
Как наглющи вылупы совы...
Говорят, до срока доживи ты,
А затем себя переживи.
Нет милее горести вчерашней
И понятней перебранки птиц.
Как угнаться за бегущей чащей
И вращенье времени постичь?
Извела неистовая жадность –
Собирать, вдыхать, запоминать
По миру разбросанную радость
И обратно миру отдавать.

***

Гляну в немое бездонье –
И черновики порву.
Голову брошу в ладони –
Во имя чего живу?

Сколько событий былого
Сгорело в живом огне.
Чтоб со звездой слово
Перекликалось во мне.

Алевтина Сержантова

Член Союза писателей России,
член редакционной коллегии альманаха
«Окно на Север», живет в г. Надыме

*Господи, твое поле
Засветло дай пройти.
Не утопи в застолье,
По миру не пусти.*

*Дай не прерваться роду.
И не проклясть родни,
Властью не изуродуй,
Завистью не черни.*

*Совести дар бесценный,
Чести – не отнимай,
Не заклеи изменой,
Подлостью не замай.*

*Дай не нарушить слова
И не поклясться в лжи.
Не убивать живого.
Мертвому не служить.*

*Идолам не молиться,
Веры не потерять.
Переменив столицу,
Родины не менять.*

*Пусть эта песня нестройна,
Лучшей мне не сложить.
Господи, дай достойно,
Засветло жизнь прожить.*

***

*В старательском поиске слова
Днем мучаюсь, ночью не сплю.
Перо безыскусное снова
Бессильно выводит «Люблю».
Ну, как тасовать алфавит мне,
Какие листать словари,
Когда сердце в бешеном ритме
Стократно «люблю» повторит*

*И вырвется, сбившись за русский:
«Сине яратам», а затем –
В английский, немецкий, французский
I love you. Ich lieber. Je t'aime.
В мучительном поиске слова
Никак не сыскать мне иного.*

***

*А как судить, велик поэт иль мал?
Кто ставит штампики: «бездарность»,
«гений»?*

*Не то, чтоб имени его никто не знал, –
Нет никого, кто бы не знал творений.
Стихи всяк с детства помнит наизусть,
Но назовёт не каждый это имя.
Хотя сто лет поёт в печали Русь:
«Не перебраться к дубу мне, рябине...».
В библиотеках сборники не треплют,
Во многих нет и книжки ни одной.
Но лишь скажи в России: «Вот моя деревня»,
Любой подхватит: «Вот мой дом родной».*

***

*Север. Зима. Сибирь.
День, темнотой распятый.
И ледяной мизгирь
Вяжет канву заката.*

*Тонкая вязь письма.
Вашим раздумьям внемлю.
Север. Сибирь. Зима.
Ночь покрывает землю.*

*Что нам дано? Ответ
Знает лишь тот, кто отмерил
Мне – этот хмурый рассвет,
Зиму, Сибирь и Север.*

Михаил Федосеенков

Член Союза писателей России

*Дабы не сбивался наш день
На скучную обыкновень,
Пречистые русла Руси
Смыкаются на небеси,
Сердца окропляет даждь-дождь,
Рождая поэзии рождь,
Текут за веками века,
К строке колосится строка...*

***

*Я бредил изысканным словом –
И бредням порой предавался,
И бреднем наития шарил
В стремнине и в заводях Речи.
В реке той глубокой и древней
Ловил золотистых, жемчужных.
Но побоку чудо-стерлядки –
Досталось мне слово простое.
Я с Богом его отпускаю
Обратно в родную стихию.
И в необозримые дали
Его постепенно уносит.*

***

*Пусть будет всё согласно лебедь
И лебедю, взлетающему плавно.
Не потому, что нужно так тебе –
А просто это облаку забавно.
Пускай стихи случаются, как сны.
Нечаянно. Как смутная догадка,
Что за обыденным и прописным
Есть бытие инакого порядка...*

***

*Во времена вселенских торжищ
Не ведать собственной цены,
Своих достоинств не итожить,
Не замечать чужой вины,
Лелеять космос неизвестный,
Но не за тридевять миров,
Не по ту сторону созвездий –
А в глубине обычных слов.*

***

*Здесь странным образом переплелось
Непреходящее с мгновеньем.
Так часто доброта и злость
Неразделимы в сердце брэнном.*

*Здесь так же крепко соединено
Неповторимое с расхожим.
Как в жизни: тут светло – а тут темно.
Вот лики красоты – вот рожи.*

*Здесь можно автора избрать за цель...
Ему отбиться, право, нечем.
Он часто рвет логическую цепь
И сам себе противоречит...*

*В конце концов, перо ведет само
К таинственному результату,
Когда гармония стряхнет ярмо
Безмолвья белого квадрата!*

***

*Любовь, талант и опыт –
Когда все вместе нам дано,
Уже увиливать грешно
От предначертанной работы.
Ее никто не ухитрится
Спроворить в мире и окрест...
Но вдохновение – как перст
Повелевающей десницы.
И вот мы жить обречены,
Покуда в муках и бореньях
Не породив на свет творенья.
Несть у которого цены.*

***

*Русь моя, запущенная грядка,
Вотчина поэзии живой!
Никогда не будет здесь порядка
На манер Европы деловой.*

*Мы – земные лишь наполовину,
Нас волнует и нездешиный вид.
Знать, мы не расстались с пуповиной.
Что незримо тянется в зенит...*

Александр Мищенко

Член Союза писателей СССР с 1990г.,
лауреат премии имени И.Ермакова и
имени Д.Мамина-Сибиряка

Писатель – смысловик, можно сказать. И в этом плане я согласен с Андреем Битовым: «Писатель пишет смыслами, а не словами». Он – повелитель живой движущейся мысли.

***

Писатель в классическом своем выражении – демиург собственной вселенной, творец личной художественной геометрии, такого мировидения. Которое расширяет наше представление о природе человеческих отношений.

***

Писатель, как и ученый, – охотник за прекрасным, и поиски прекрасного приводят его к тому же выбору, что и поиски полезного.

***

Писатель любой – книжник, человек не только пишущий, но и читающий книги. Верно говорят: чтобы написать одну книгу, надо прочитать сто.

***

Писатель – линза, собирающая в фокус свет всего мира. Можно давать другие определения его труду, но к тому же сведется: пишет он книги в соавторстве со всем миром – с природой, с людьми, встреченными им на дорогах жизни. И нечего писателю особенно якать о какой-то там своей сверхспособности и богоданности.

***

Писатель – человек, который тащит в неводе своих слов то, что молчаливо переживается миром.

***

Писатель – изгой в современной, постсоветской России, человек, предоставленный самому себе, как волк в лесу.

***

Писательство – это в любом случае обобщения, смелость решаться на преувеличения. Кто боится и не пишет, тот как писатель мертв. А мертвые не пишут совершенно.

***

Писательство – судьба. «Кому писать, – заявил мне один доморощенный критик, – вздерни его на крюк вверх ногами, он будет писать».

***

Писательство – это хозяйствование. Архивами обрастаешь, книгами, изворотами мысли, заметками, копаешься в них, как в амбаре. Заглядываешь в века минувшие, душу собственную наблюдаешь, назвучаться пытаешься народными речениями. Быстро в литературе ничего не делается.

Виктор Захарченко

Член Союза писателей России,
руководитель литературного объединения
при тюменском отделении Союза писателей России,
ответственный секретарь альманаха «Врата Сибири»

*Осень в звездами забрызганное лето
Постучится – веткой желтою в окно,
И не надо ни ответа, ни привета –
Все само собой на свете решено.*

*Переполнились изнеженные грядки
Снедью царскою – крестьянскою едой,
И окажется, что в жизни все в порядке,
Я родился под счастливою звездой.*

*Каждой капелькой судьба в лучах искрится,
Хоть погожих дней в году наперечет.
Шириной и глубиной зовет старица.
Хоть, как кажется, совсем и не течет.*

*На краю необозримого заката
Нашей жизни золотятся острова,
И, как в юности, опять душа объята
Верой в добрые и вечные слова.*

***

*Сквозь пение ангелов, сквозь синеву
Уже не живу я, а в небе плыву,
Уже не лечу я, я таю, как дым,
Над родиной милой, под небом святым.
О, миг воспаренья! О, музыка сна!
В душе просветленной царит глубина,
И вечность хромая стоит у ворот,
И слышится голос, и небо зовет
В бездонность пространства, за край облаков,
За гребни лениво летящих веков,
В провалы мгновенья, за грань бытия,
Где светятся души в плену забвения!*

***

*За понедельником
Приходят вторники.
Я жил бездельником –
Подался в дворники,
Я был писателем –
Занялся грядками
И стал мечтателем,
Хожу с заплатками,
Хожу с заплатками
Шагами бодрыми:
Король над кадками
И царь над ведрами.
Природа жмурится:
Кругом – идиллия,
Жара на улице –
Почти Бразилия,
Почти Бразилия
Иль Мавритания,
Но нет насилия
И нет братания,
И голос кочета
Далёко слышится –
Живи, как хочется,
Дыши, как дышится,
Сбрось мысли грязные,
Сними отрепя:
Природа празднует
Великолепие!*

Россия мати! Свет мой безмерный!**В.К.Тредиаковский** *Не презирай нас гневным взглядом,**В погибель Родины врястая,
Перебираю имена...
О, что с тобою, часть шестая,
Моя великая страна?**Гордясь высокою судьбой,
Вглядишься – и ты со мною рядом
Стоишь, не узанный собой!**Россия мати, свет безмерный!
Когда тебя опутал враг?
Где тот погибельно-неверный,
Наш роковой, безумный шаг ?!*

***

*Взорвется воздух крыльями – глухарь
Поднимется с брусники, и как встарь
Повеют духом непокорной воли
Нетронутой природы уголки,
Неведомые заводи реки...**Шумели радостно витии,
Хлебнув свободы допьяна...
Опять повержена Россия!
Но вот восстанет ли она?**И сердце вспыхнет от тоски и боли:
А где же мой нетронутый удел?
Где все, что совершить я не сумел,
Свершится, где сольются на века
Моя душа и трепетное тело,
Моя душа, призвание и дело,
Моя душа и синяя река...*

***

*Оставьте Пушкина в покое –
Не заслужил он этих мук:
И славословие – рекою,
И пыл чиновничьих потуг.*

***

*Прозрачную русскую речь,
Ее родниковое слово
Ищу я, чтоб душу облечь
В сиянье огня неземного!**Он цену знал словесной пыли
И не добрел от похвалы –
Ему куда привычней были
Косые взгляды да хулы.**Ищу средь вселенских высот.
В траве, где цветет медуница,
Где вечная правда живет,
И вечная тайна таится,**И не пророк, и не мессия,
А просто-напросто поэт...
Чего ж беснуются витии,
Столпы экранов и газет?!**На сломах геройских времен,
В беззвучии сельских просторов,
В гордыне гудящих знамен,
В бездушной тиши коридоров.**Не троньте Пушкина руками,
Душою роясь в кошельке,
Он чуть повыше – над веками,
От брэнной жизни вдалеке.**И там, где Божественный свет
Коснется земного покрова,
На гранях случайных примет
Рождается вещее слово!*

***

Поэту*Не возносись душой над миром
И, наблюдая свысока,
Как разошлись мы по квартирам,
Где правит сытость и тоска.*

Ольга Данилова-Пушкарь

Член Союза писателей России

Графика эта проста –
 Чёрные буквы на белом...
 Вот аскетичность поста. –
 Труд наш пожизненным сделан.
 Но не стоять, а идти...
 И не дано нам иного.
 А для людей из груди
 Вынуть горящее слово.

***

Избавиться от суеты
 И обрести крупницы истин,
 И написать стихов листы,
 Чтоб высечь искры мыслей...
 Сквозь заросли ненужных строф
 Пройти, теряя вдохновенье,
 И оцутить – вот Саваоф!
 И прикоснуться к озаренью.

***

Горчит июльская полынь,
 Чертополох от зноя млеет,
 Стоит просторная теплынь,
 И от нее душа хмелеет.

Присело солнце мне на грудь
 И горячо лизнуло щеки...
 Так в чем же этой жизни суть,
 И для чего все эти строки?

Пойди, попробуй, разберись...
 Рассудок мой твердит упрямо,
 Что наша суетная жизнь –
 То анекдот, то мелодрама...

Но не в ладах душа с умом,
 Она не верит в долю эту
 И, завладев моим пером,
 Ведет меня к любви и свету.

***

Вдохнуть бы каждое мгновенье,
 А не скользить, бесстрастно, мимо,
 И ощущая озаренье,
 Лететь и жить неутомимо.

И не страшась судьбы удара,
 Развеять грустные сомненья,
 Достойным быть призванья, дара,
 Наполнить смыслом все мгновенья.

Аркадий Захаров

Член Союза писателей России,

член Всероссийского Пушкинского общества,

член краеведческого клуба «Тюменская старина»

Я считаю, что писателем можно стать только тогда, когда накопишь в своей душе понимание жизни, запас сведений, которые могут быть интересны читателю, и собственную оценку событий...

***

... несколько слов начинающим, мечтающим о карьере писателя: не обольщайтесь вероятностью звездной карьеры. Для этого необходимы

или мощный талант, или такая же мощная поддержка, финансовая и организационная. Жизненных благ в современном понимании эта профессия не приносит. А приносит огорчения, напряжение от нахождения в состоянии постоянного творчества, неудовлетворенность. Но если в душе кипит жажда самовыражения, желания высказаться и донести свои слова до читателя несмотря ни на что – тогда вперед, к письменному столу. Но думайте, чем отзовется написанное вами слово. Тем ли, чего вы ищете и добиваетесь. А может, наоборот? Или вообще ничем. И такое случается.

***

Не однажды соискатели звания писателя приносили мне на рецензию роскошно упакованные в цветные обложки тома, претендующие на уважение уже своей увесистостью. С таким ощущением и берешь эту книгу. А раскроешь – там ничего от литературы, одно желание угодить невзыскательному читателю острыми поворотами сюжета, отсутствие хорошего литературного языка, подменяемого то слэнгом, то феней, а то и междометиями с откровенным матом. И что интересно, эти творения о похождениях мертвецов, вампиров, киллеров, похожих на бизнесменов и полицейских – вампиров и киллеров, находят своего невзыскательного потребителя, который «хаваает эту жвачку». Но, несмотря на тиражи и продаваемость, интеллектуальная жвачка не имеет будущего, а ее производители не будут приняты в Союз писателей России. Их имена забудутся и никогда не встанут в один ряд на книжной полке с именами Зота Тоболкина, Анатолия Васильева, Константина Лагунова, Ивана Истомина и других корифеев тюменской литературы. Значит, нечего и стараться, тратить время, деньги и не разлагать духовность тех, кто еще тянется к книге.

И наоборот, встречаются среди начинающих настоящие жемчужины, которых хочется поддержать и подправить, дать их талантам огранку, чтобы они смогли заменить нас, уходящих. Среди них, подающих надежду начинающим литераторов, преобладают уже состоявшиеся специалисты различных сфер, которым есть что сказать и чем поделиться с читателем. Но отсутствие возможности издаваться часто приводит к тому, что сверкнет эта божья искра единственной книжкой да и погаснет. Сколько таких было! И помочь бессилён. Впрочем, всегда есть надежда, что политический ветер может перемениться и подуть в нужную сторону. Не упустить бы руль и не дрейфовать по течению.

***

Чтобы хорошо и интересно писать, мало в совершенстве владеть литературным языком и уметь закручивать замысловатые сюжеты. Важно еще любить своих литературных героев и уважать будущего читателя настолько, чтобы не раздражать его обилием второстепенных и порой ненужных деталей, не унижать нравочениями и назиданиями, а дать возможность ему самому проследить ход авторского замысла и прийти к самостоятельному выводу из прочитанного. Только в этом случае написанное запомнится.

Юрий Басков (1951-2004гг.)

Член Союза писателей России,
лауреат премии российского конкурса
«Золотое перо-2002»

*Как нету следа на воде,
так нет на чужбине России.
Не выжить поэтам нигде,
где нет золотого на синем.
О Родине песню сложить
иду в сентябре за калитку.
На нашу недолгую жизнь
нам хватит березовых свитков.*

***

*Стихи. Стихи.
Читай и слушай:
поет сверчок,
скребется мышь,
переступает конь в конюшне,
скрипят шаги...
Какая тишь!
Играют волки на опушке.
«Какой простор,
какая грусть!»
Все тот же снег.
Все тот же Пушкин.
Все то же время.
Та же Русь.*

***

*Бессонная ночь –
Это вовсе не ночь без сна.
Бессонная ночь –
Это когда – луна,
Когда – белое поле.
И когда ты над ним летишь.
Когда пишешь стихи
И как будто спишь,
Когда путает строки
Дрожащая в окнах тень,
Когда бурлит тебя
Приходящий внезапно день.
Ты ложишься в постель,
Расставаясь с пером и стихами,
И стихи уже дальше живут.
Сами.*

***

*Дорога.
Луг.
Трава.
Столетняя береза.
За лугом краснотал –
Там слышен шум реки.
Пусть тема не нова –
все с виду, вроде проза –
но в том-то и беда,
что пишутся стихи.
Но в том-то и беда,
что душу рвут на части
обычные слова,
как странным ни кажись.*

***

*Были песни их дики.
Были песни те странны,
как звериные крики
в буйных дебрях саванны.
Сто веков эти песни,
тихий вечер обруша,
лишь держали их вместе,
но не трогали душу.
И никто не дивился
этим песням суровым...
Пока Бог не родился
и не выдумал Слово.*

***

*Нет, никогда мне не бросить
край, что до боли знаком.
Пахнет болотами осень,
спелой брусникой и мхом.
Даже рвануться не смею
вольным вослед облакам:
Север набросил на шею
крепкий олений аркан.
Не задохнусь,
не отпруну
край, где рождаются стихи –
желтые стыннут равнины,
те же болота да мхи.*

Сергей Горбунов

Член Союза писателей России

*Собирать слова по свету
И ловить во сне Жар-Птицу
Это глупо – быть поэтом,
Если не дано родиться,
Чтоб стрелять из пушки медной
В воробьёв на поле Арском,
И верхом лететь на ведьме...
Сам в золе – с печатью царской.
...А потом послать всё в баню.
Животом упасть на травы.
И из собственных страданий
И падений выплесть славу.*

***

*Все помыслы, в дыхании сведя,
Лишь в нем непознаваемое знаю.
Глазами не себя, я зрю себя,
Как буквица, на птицы разлетаюсь.
И странно мне бывает вновь и вновь,
Как бы во всем и всюду я скитаюсь,
И ощущая родственную кровь,
Как в птичью стаю, в буквицу слетаюсь.*

***

*Нельзя писать стихи, нельзя писать.
За стол садиться надо, как забыться.
Какой там век? Пятнадцатый?
Двадцатый?
Пить вдохновенье, как вино из братин
Пивали русичи, с победой возвратясь.
Чтоб исчезали лампа, стол, квартира,
Чтоб жил в своём...
Где сам создатель мира.
Потом очнуться: книги, лампа, стол...
Откуда я? Зачем в свой век пришел?*

***

*Неограниченный звук, проходя через тело,
Громом звучит, звуком бегущей воды,
Всплеском огня или жужжаньем пчелы.
Так внутри тела я обретаю пространство.
Так умирал я и снова рождался,
Так я расплескивался по Вселенной,
Но, исчезая, снова в нее превращался.
Божие Слово – конец и начало всех звуков,
В нем красота
Неба и малой пылинки.
Это придумал не я – «Голубиная книга»
Тайну открыла и растворилась
в пространстве.*

*Именем Бога дышит Небесное Слово,
В тайне его – тайна вошедшего Духа.
А мудрецы тихо склоняются, будто
Отяжелевшие яблони осенью, Слово роняя.
Время пришло, потому я и должен
подняться,
Соединившись в Едином из царства
животного мира,
Либо из мира растений, ибо блаженны
Нищие духом. К Богу идущий блажен.
Я говорю языком проявлений природы:
Грома и шелеста трав, откуда я вышел.
«Ты – переводчик. – Кто мне сказал – я
не помню, –
Звука и цвета, вкуса и запаха жизни».*

Александр Шестаков

Член Союза журналистов России,
член Союза писателей России,
лауреат Всероссийской премии имени П.П.Ершова

«Век компьютеров. Твои «бумаговые» книжечки совершенно никому не нужны. Зачем здоровью своему вредить, сутками горбатясь над рукописями, рисунками?.. Зачем трудоемкое добровольное рабство, ни копейкой неоплаченное? Зачем свой мизерный пенсион тратить на продукцию в дорогостоящих типографиях?..».

Такими сегодняшними истинами пытается меня отрезвить жена моя, реально смотрящая на жизнь, Анастасия Федоровна, с которой вместе вот уже пятьдесят семь годочков. Она-то мои хобби все насквозь знает. Ворчит в недоумении на мои денежно не полезные затяжные посиделки. Ради чего, мол...

Ради славы? Много ли ее приобретешь, если даже высокая инстанция, присудив Всероссийскую литературную премию имени Петра Ершова, небрежно вручила только серенький диплом-бумажку, без обещанного финансового приложения...

Но пять патристически-поэтических моих уроков в 34-м лицее – это здорово! В 6-А, у Галины Федоровны, со своей поэмой «Подвиг мамы Акулины» не уложился в 45 минут. Ребятишки дружно упростили наставницу снять следующий по расписанию урок. И дослушали поэта, засыпав его умными вопросами. Ради такого, согласитесь, не грех попотеть над строкой...

***

И пусть пером моим водит любовь к жизни, человеческие откровения, патристические порывы, жажда общения, стремление поведать о себе, о друзьях-товарищах, о радостях-горестях собратьев моих кровных. Поэтому марш к изнурительно-милому писарчуковому столу, не расслабляясь, не хныкая! Вперед! Пока рука держит перо!

Вера Худякова

учитель высшей категории,
победитель Всероссийского конкурса лучших
учителей РФ, президентский грант (М, 2007г.),
живет в селе Коммунар Исетского района

*Так явственно услышу, ново,
Себе признаться не боюсь.
Сквозь толщину лет дыханье слова
И с ним мучительную связь.
Как будто предка отыскала,
Связала порванную нить.
В его чертах свои узнала
И силы обрела, чтоб жить.
Есть в каждом слове – первожданность.
Загадка, мудрость и тепло.
Мне жизнь дана, как благодарность,
Чтоб слово ставить на крыло.*

***

*Я в посмертную славу не верю
И при жизни за ней не гонюсь.
Только б люди не стали как звери,
Только б вечно была наша Русь!
Ради этого, маясь на свете,
Мы живём и творим... и сгорим...
Все поэты, как малые дети.
Очарованы ликом зари.*

***

*День – такой он длинный-длинный –
Вдруг померк и не воротись.
В суете прошел, в заботах,
В ожиданье писем, почты.
Разве здесь виновен кто-то –
Не написано ни строчки?
Будто что-то упустила,
Очень важное, святое,
Иль кого-то не простила,
Сложным сделала простое.
А его уже не будет –
Дня, подаренного Богом.
Что оставила я людям?
Что возьму с собой в дорогу?*

***

*Тоскливый дождь тоскливым молоточком
Стучит по крыше сутки напролет.
Вот так бы мне выковывать бы строчки,
Все чувствуя, все зная наперед.
Тук-тук – строка, тук-тук – другая вышла,
Строфа готова, выросли стихи.
И никакого слова, мысли лишней,
И никакой случайной шелухи.
Все строго, все размеренно и ладно,
Стучи себе, пиши себе, строчи.
Душа молчит – ей этого не надо.
Ей нужно, чтобы больно, чтоб кричи,
Чтоб высекай из боли и из крови
Свои, живые, теплые слова,
Пронизанные светом и любовью.
Не спорю. Как всегда душа права.
Стучи, стучи по крышам, нудный дождь.
Ты, видно, только это и умеешь.
Когда душа болит – тогда живешь,
Когда душа болит – тогда мудреешь.*

***

*Живу в плену я истины простой,
Где места нет ни славе, ни тщеславию:
Я в этот мир пришла за красотой,
И красоту на этом свете славлю.
Под музыку неистовых ветров.
Под звездный дождь и шорох листопада,
Открылась вдруг к земле моей любовь,
Как самая высокая награда.
Ни ветки, ни травинки не примну,
В руке лишь струны лиры, а не посох.
Запомните вы женщину одну,
Которая всю жизнь стремилась – к звездам.*

***

Нет, я не первая и не последняя,
Постишая, что есть добро и свет.
Но иногда порою предрассветною
Вдруг кинет в жар:
Неужто я – поэт?!
Такое бремя ноши непосильное
Взвалила я на хрупкость своих плеч.
А вдруг смогу я в небе над Россиею
Еще одну, свою звезду зажечь?

***

Сколько дней мне Всевышним отпущено,
Столько буду творить.
Пусть же станет светлей от стихов,
Что дает вдохновенье.
Я с небесною силой
Незримую чувствую нить.
Только б не оступитья,
Не ослабеть от сомнений.

***

Я очень хочу, чтоб меня не искали потомки
Среди одиноких, уставших от горя старух.
Я очень хочу, чтоб мои вдохновенные строки
Не только ласкали, будили и совесть, и дух.
Я очень хочу, чтобы раннее солнце вставало
Не в грохоте взрывов, а только из толщи веков.
Я очень хочу, чтоб страна моя не забывала
Сироток своих, инвалидов, больных стариков.
Я очень хочу. Чтобы матери не убивались
Над цинком холодным, вернувшим с войны их сынов.
Я очень хочу, чтоб счастливыми дети рождались
И видели только добро на земле и любовь.
Я очень хочу, чтоб от боли земля не стонала,
Чтоб не было войн, катастроф и кислотных дождей.
Я очень хочу... Моего здесь желанья мало.
Давайте научимся быть друг для друга родней.

Виталий Огородников

Член Союза писателей России

***

Стихи – не паренье пера над бумагой.
Это – смерч, ураган, наваждение. Это...
Это – пламя свечи, заострённую шпагой...
По эфес канделябра в груди у поэта.

***

Стихи под утро стали моим сном,
И страстью необузданной и дикой.
Они купались в озере лесном
И губы перепачкали черникой.
Бежали по траве во всей красе
И были плачем где-то, где-то смехом,
И вот, все в паутине и в росе,
В тетрадь вернулись незнакомым эхом.

***

А какие метели у нас в феврале!
Ловишь строки-снежинки – раздолье поэтам.
Если сможешь представить себя в Фергане,
Карандаш заточи, напиши и об этом.
Со страниц твоих книг к нам влетают в дома
Ароматы полей и лугов, шумы сосен,
Навсегда из сердец отступает зима.
Для поэта вся жизнь – это вечная осень.
Рифма прочна твоя и сюжет не избит,
На местах все слова, запятые и точки
Емко сжаты, разыграны, будто гамбит.
Редко можно схватить геометрию строчки.
Амфибрахий отточен, понятен и прост,
Дружат буквы в словах. А эпитет с глаголом...
О, как дивно изладил ты «Радужный мост»,
Высоко он повис и парит над Тоболом.
Снова сосны поют, призывая весну
Куролесить по нашим распахнутым душам.
И кого-то уносит опять в Фергану,
Хлопоча по теплу, по апрелю, по лужам!!!

***

Не стоит ждать, когда споют про нас
Кумиры чьи-то в шлягере расхожем.
Себе мы сами выстроим Парнас
И первый камень хоть сейчас заложим
На берегу проснувшейся Туры,
Когда поют колокола Тюмени.
Подножью нашей будущей горы
Мы воздвигаем статные ступени.
Парнас – такая пестрая гора
Из рифм и рук, переплетенных тесно.
Поможет ненаглядная Тура,
Водой воскликнув: «Как она чудесна!».
И пусть у нас теперь поют без нас
Унылые безрадостные блюзы –
Мы все-таки построим свой Парнас!
Горы-то нет, а уж кружатся Музы.

Учредитель и издатель
МАУК «Централизованная городская
библиотечная система»
Литературно-краеведческий центр

Главный редактор Оксана Чечета
Редактор-составитель Татьяна Оносова
Редколлегия: Николай Денисов, Ольга
Данилова-Пушкарь, Аркадий Захаров,
Валерий Кружинов, Антонина Маркова,
Александр Петрушин, Майя Смирнова
Корректор Ирина Долгалева
Дизайн и верстка Евгения Парфенова

Адрес редакции :
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51/3.
Тел. (345-2) 22-13-69

Подписано в печать 22.07.2013.
Формат 60×84/16.
Гарнитура «Myriad Pro»

Офсетная печать.
Бумага офсетная № 1.
256 стр. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Полипресс»
г. Тюмень, ул. Республики, 211.
Тел. (345-2) 27-35-72